

Елена МИКУЛА

Юкрай

СВІТЛО
НА СХОДІ
Київ
2006

УДК 27–29
ББК 86.37
М 59

Микула Е.

М 59 Юкрай. — К.: Світло на Сході, 2006.

Сборник рассказов для подростков и молодежи, а также для тех, кто повзрослел, но не успел состариться. Если вы любите смеяться и не стесняетесь плакать, эта книжка — для вас. Автор в своих рассказах говорит на серьезные темы языком «несерьезного» жанра — фентези.

Изд. № 01.436
ISBN 966-96449-6-8
ISBN 3-935435-40-1

© «Світло на Сході», 2006

Маленькое вступление

Фантастика всегда вызывала и вызывает много споров. Некоторые ее и вовсе не считают литературой. А некоторые не читают ничего другого кроме фантастики. Христианская фантастика — это вообще минное поле. А по минным полям ходят либо очень храбрые, либо очень умные, либо безрассудные. Я, скорее всего, принадлежу к третьим. Я люблю фантастику, люблю фэнтези и не считаю эти жанры легкомысленными и несерьезными. Наоборот — мне кажется, что мечты и фантазия иногда могут ярче проговорить о важных и серьезных вещах. Я понимаю, что затрагиваю в некоторых рассказах вопросы, которые имеют огромное значение для тех, кто ищет. Но кто сказал, что помочь найти истину вам помогут лишь труды ученых, богословов и писателей-классиков?

Я знаю, что у многих эта книга вызовет массу возмущенных отзывов. И, скорее всего, это будут зрелые, рассудительные и положительные люди. Мне очень жаль, но

эта книга для других. Для тех, кто еще спотыкается, падает, многого не понимает, часто полагается на чувства и ошибается.

Эти рассказы и повести иногда похожи на сказки, поэтому они адресованы, скорее, подросткам и молодежи — тем, для кого детство еще не забыто и тропинки, ведущие в сказку, еще не заросли. Но книжку можно читать и взрослым, только так, чтобы никто не видел и не упрекнул в несерьезности. Я хочу, чтобы вы смеялись и плакали вместе со мной. Я хочу, чтобы вы полюбили моего Господа так, как люблю Его я.

Врата желаний

Кто хоть раз побывал в Крымских горах, обязательно захочет вернуться туда еще. Это, конечно, не Гималаи, не Альпы и даже не Алтай. Пусть они не такие высокие, но вряд ли какие-то другие горы могут сравниться с Крымскими по красоте и неповторимой прелести. Сева придерживался именно такого мнения. Отчасти потому, что других гор он просто не видел.

Лет восемь назад отец взял его с собой в двухдневный поход по Карадагу. Они оставили маму с Ирккой дома, то есть в крошечной комнатке, которую снимали в Коктебеле, а сами, загрузив в рюкзаки еду, прихватив спальники и воду, ранним утром отправились в горы. Для Севы, двенадцатилетнего пацана, это было самое интересное приключение за всю его жизнь. Горные тропы, ароматы трав, пейзажи, от которых кружится голова — все было таким настоящим, наполненным. Ничего вкуснее той каши, которую они сварили на костре, он в жизни не ел. Тогда, сидя под усеянным звездами небом, которое, как перевернутая чаша, накрывало вершину горы, они стали с отцом друзьями. Они разговаривали о настоящих мужских вещах: о космосе, рыбалке, о том, какая прекрасная жизнь предстоит Севе. Говорили об увлечениях Севы — об истории и химии с физикой, о лошадях и о Китае. Потом разговор перекинулся на профессии, и Сева признался, что еще не выбрал, кем будет.

— Я хочу прожить жизнь, полную увлекательных приключений! — произнес он, глядя на огонь.

Утром они отправились в обратный путь. Спускаясь с горы, Сева спросил отца:

— А мы еще придем сюда?

— Обязательно, — пообещал отец.

Взрослые редко исполняют бещания, и сердце Севы екнуло, когда отец произнес это слово и похлопал сына по плечу. Так оно и случилось. Они не поехали в Крым ни на следующий год, ни через год. Обстоятельства складывались так, что отец просто не мог выполнить своего обещания. Сначала, совершенно неожиданно, заболела Ирка и три месяца провалялась в больнице, потом они переехали на новую квартиру. Потом купили мебель, а потом Сева поступал в институт. На втором курсе он устроился на работу и начал подрабатывать. Мама радовалась, потому что Ирка ходила на курсы английского, за которые родители платили бешеные деньги. Часть своего заработка Сева отдавал маме, а часть оставлял себе. К лету он скопил приличную

сумму и объявил родителям, что едет с друзьями на юг. Ирка стала ныть, чтобы он и ее взял с собой.

— Нет, мы уже решили, что едем втроем — Тима, Сом и я. Мы не собираемся валяться на пляже, мы пойдем в горы.

Когда Ирка услышала, что едет Тима, она просто завывала. Ирка была в него влюблена. Тима — школьный друг Севы. В него влюблялись с первого взгляда все девчонки. Казалось бы, в нем не было ничего особенного — ну симпатичный, темноглазый, стройный. Но что-то в нем было такое, что просто парализовало весь женский пол.

Даже злющая математичка, не обращая внимания на его, мягко говоря, не выдающиеся успехи в учебе, ставила ему четверки — «за красивые глаза», как она сама выражалась. Так же поступали другие учителя. В его жилах текла немного разбавленная кавказская кровь: его прадедушка был грузином. Отец Тимы унаследовал от деда уникальные математические способности, а Тима — умение покорять женские сердца. Еще Тима пел. Голос у него был сильный и глубокий. Но со слухом были проблемы. Поклонницы ему это прощали. Тима так красиво держал гитару в руках, с таким чувством склонялся над ней! Девчонки млели.

Сом, второй друг Севы, был полной противоположностью Тиме. Он был толстый, рыжий, молчаливый. Сева сам не понимал, почему они дружат. За пять лет их знакомства Сом произнес слов двадцать. Причем, они были приблизительно одного содержания: «Пожрать бы чего-нибудь». Зато Сом всегда был рядом: составлял компанию, когда надо было пойти на футбол или на выставку, в библиотеку или просто побродить по улице.

Ирка, услышав категоричное «нет», ушла рыдать в свою комнату. Сева собирал рюкзак, как опытный турист: положил теплый свитер, консервы, несколько банок сгущенки. Мама помогала складывать вещи. Это она так считала. Сева вытаскивал из рюкзака то, что она ухитрялась туда запихнуть:

— Мама! Ну зачем ты положила три пары шерстяных носков? Мне и одной хватит!

— А если одни намокнут?

— Хорошо, а зачем третья пара? — возмутился Сева.

— А если намокнут вторые?

— Мама, я еду в Крым, а не на Северный Полюс! Улавливаешь?

Мама, не слушая сына, пыталась затолкать в рюкзак комнатные тапочки и байковую пижаму. Скоро рюкзак приобрел устрашающие размеры.

«Ладно, перед самым отъездом ночью перепакую», — смирился Сева.

Ирка рыдала до самого вечера. Сева позвонил Тиме, чтобы вместе пойти за билетами. Тима на другом конце провода услышал в трубке Иркин плач.

— Кто там у тебя плачет? — спросил он.

— Да сестра просит, чтобы мы взяли ее с собой.

— Так пусть едет. Она на вид вроде выносливая, — предложил Тима.

Сева пожал плечами. Когда он позвонил Сому и сказал, что сестра хочет ехать с ними, тот засопел и ответил:

— Пусть едет. Будет нам жрать готовить.

Ирка прыгала от счастья до потолка.

— Так, только ты не на дискотеку собираешься и не на показ мод. Я проверю, что ты в рюкзак напихаешь, — строго предупредил Сева. Ирка кротко закивала головой.

Ребята взяли билеты на среду. Два дня прошли в суматохе и сборах. Поезд отправлялся утром. Когда мама улеглась, Сева вытряхнул вещи из своего и Иркиного рюкзака и сложил только то, что считал нужным. Ирка только жалобно попискивала, когда брат отложил в сторону трехкилограммовую косметичку, кучу полупрозрачных кофточек, белые джинсы и три пары босоножек на шпильках. Сева лег спать часа в три ночи.

Утром мама разбудила их ни свет ни заря и заставила плотно позавтракать. С собой она дала огромный пакет еды и две двухлитровые бутылки компота.

— Если мы живыми дойдем до подножия хоть какой-то горы, я буду счастлив, — сказал Сева, взваливая на спину рюкзак. — По-моему, рюкзак вчера был легче, — заметил он. Мама, сдувая с него пылинки, с невинными глазами сказала:

— А?

Они расцеловались, будто прощались не на неделю, а на год, и, наконец, поехали на вокзал. Тима и Сом уже ждали их на перроне.

— Как ты выросла! — сказал Тима Ирке, и она чуть не потеряла сознание от счастья.

— Ты пожрать что-нибудь взял? — поинтересовался Сом.

Вагон был плацкартный, и они заняли целое купе. Растолкав по местам вещи, ребята, наконец, уселись, и поезд тронулся. Сом достал огромный сверток с горячими бутербродами и бутылку кваса.

— Это для разминки, — объяснил он.

Сева усмехнулся, отметив про себя, что его толстый друг произнес новое слово.

В дороге аппетит проявляется с особой силой. Сначала они съели бутерброды Сомы, потом Тима достал свой пакет и, перевесив полотенце через руку, как официант, огласил меню:

— Чахохбили! Киндза! Лаваш! «Цинандали!»

Сева вздрогнул:

— Мы же договорились — никакого спиртного!

— Шутка! — ответил Тима, — Это гранатовый сок. Из собственных гранат!

Ирка заливалась восторженным дурным смехом, что не мешало ей трескать угощение, не отставая от ребят.

На очередной остановке они купили два килограмма черешен и тут же слопали.

Сом отвалился от стола и произнес, отдуваясь, самую длинную речь в своей жизни:

— Я бы из поезда не выходил. Так бы и ехал всю жизнь.

На Ирку со смеху напала икота, и она на время успокоилась. Вечером ребята поужинали тем, что собрала в дорогу мама Севы, расстелили постель на своих полках и улеглись. Спать не хотелось. Тима с Севой стали вспо-

минать случаи из школьной жизни, покатываясь от смеха. Часов в двенадцать Сом проголодался. Все слезли со своих полок и принялись ему помогать. К ним присоединились две девчонки, которые занимали боковые полки. Из соседнего купе трое ребят притащили гитару. Стол ломился от всякой дорожной снеди, гитара ходила по кругу, а девчонки влюбленными глазами смотрели на Тиму. Уснули часов в пять.

Поезд прибыл в Феодосию утром. До Коктебеля ехали маршруткой. Приехав на место, ребята не пошли в сторону моря, куда толпой валили отдыхающие, а направились в противоположную от цивилизации сторону.

Кривая улочка упиралась в подножие Карадага — древнего потухшего вулкана. Дома здесь были совершенно не похожи на те, которые стояли ближе к морю. Здесь не поселялись квартиранты, не было кафе, ресторанов. Это был настоящий Коктебель — старый татарский поселок. Солнце поднялось высоко, и, когда ребята подошли к подножию горы, Сом сказал, что неплохо бы пообедать. Делать привал на краю поселка было как-то не очень удобно, и путешественники решили пройти немного вверх по горе и остановиться там. Минут пятнадцать они шли по не очень крутому склону. Было жарко, и сопел и обливался потом не только Сом, но и все остальные.

Впереди показалось небольшое плато, на котором росли кипарисы и какой-то кустарник.

— Остановимся там, — объявил Сева друзьям.

Добравшись до облюбованного местечка, они облегченно вздохнули и сняли рюкзаки. Коктебель был как на ладони, слева от него возвышались горы, справа ослепительно синело море. Тима полез в рюкзак за фотоаппаратом, а Ирка за зеркальцем и помадой. Вдруг Сом произнес:

— Смотрите, написано: «Лагман». Это что-то съедобное?

Справа, за высоким выступом, прямо к горе притулилась небольшая хижина, на которой красовалась вывеска. Сева вспомнил, что лагман — татарское блюдо, похожее на

густую лапшу с мясом, очень вкусное, которым они лакомились восемь лет назад в ресторанчике на набережной. После недолгих колебаний решили пойти туда, чтобы не тратить свои припасы в первый день путешествия.

Обогнув выступ, путники подошли к хижине, которую окружал низенький деревянный заборчик. Из дома навстречу гостям вышла пожилая женщина и приветливо пригласила их во двор. Под навесом, увитым виноградом, стоял длинный стол и скамейки.

— Располагайтесь, пожалуйста, — предложила она, — можете помыться с дороги. Дилара! — позвала она.

На зов прибежала черноглазая девчушка. Она провела ребят к душе, вода в котором нагревалась на солнце. Они по очереди с удовольствием выкупались и, наконец, пришли к столу. На нем уже дымился ароматный лагман. Хозяйка, которую звали Рая, и ее внучка Дилара проворно обслуживали своих посетителей, подсыпая им в тарелки еду, подавая хлеб, фрукты, воду. После обеда, когда они расплатились и посуда со стола была убрана, хозяйка стала расспрашивать их, куда они держат путь. Сева показал карту своего маршрута, который они разработали вместе с отцом. Женщина сделала несколько замечаний:

— Вот тут привал не делайте, это заповедная зона. А этой тропы уже нет, был обвал во время ливня, надо обойти вокруг.

Сева поблагодарил ее от всего сердца. И вдруг Дилара спросила:

— А к Вратам Желаний вы не пойдете?

Рая цыкнула на нее, но ребята заинтересовались:

— А где это? Что это за Врата?

— Не слушайте ее! Это все сказки. Нет никаких Врат.

Но ребята не отставали:

— Расскажите, ну пожалуйста.

Рая с неохотой рассказала:

— Есть такая старинная татарская легенда. Где-то в горах есть место, на котором возвышается необычный камень, похожий на ворота. Если путник зайдет в эти ворота и загадает желание, оно тотчас исполнится. Только

вокруг этой легенды ходят разные слухи. Так что лучше не попадать на то место.

— А где они? Вы знаете, как до них добраться?

— Нет, не знаю. А знала бы — все равно не сказала бы. Человеку трудно управлять своими желаниями. Мало ли что может прийти на ум, когда войдешь в эти ворота!

Ребята поблагодарили хозяйку за угощение, взяли рюкзаки и двинулись дальше. Обогнув выступ, они пошли на перевал, который надо было преодолеть до наступления темноты. Минут через десять они услышали за спиной топот босых ног. Обернувшись, увидели Дилару.

— Вот. Тут нарисовано, как пройти к Вратам. Побегу, а то бабушка убьет, если узнает, что я тут, — протараторила девчушка и побежала обратно.

На клочке был неумело нарисованный план. Сева покрутил его в руках и, наконец, разобрался:

— После перевала нам идти не вправо, а левее.

Он достал свою карту и набросал новый маршрут. Прикинув расстояние, сказал:

— Если Дилара не ошиблась, и если я все правильно понял, мы будем там завтра часам к трем дня. Ну, вы согласны изменить маршрут?

Никто из друзей не возражал. В назначенное время они пришли на место ночевки. К их счастью неподалеку оказался ручей, которого не было на их карте. Ребята быстро разбили палатку, сложили вещи. Костер разжигать не стали. Поужинали консервами и напились вкусной родниковой воды.

Быстро стемнело. Прошлая бессонная ночь дала о себе знать. Они заснули моментально, как только улеглись.

Утром решили не задерживаться, наскоро умылись, перекусили и отправились в путь. Утро было немного пасмурным, и идти было легче, чем вчера. Красота вокруг была просто неопишуемая. Тима несколько раз останавливался и фотографировал местность. Ирка все время норовила влезть в кадр. Она довольно смешно выглядела в спортивных штанах, кроссовках и коллекционной вечерней кофточке с декольте. Утром она ухитрилась накраситься: на глазах были фио-

летовые перламутровые тени, на губах яркая помада. Темные волосы торчали в разные стороны. Она, видимо, пыталась сделать прическу, потому что непослушные пряди были покрыты плотным слоем лака с блестками.

Сева все время поглядывал на карту, и был очень удивлен, когда часа в два, действительно, впереди показались Врата Желаний. Три огромные глыбы образовывали это чудо природы. Врата находились на ровной площадке, к которой вела узкая, крутая и довольно опасная тропинка. С трудом вскарабкавшись по ней, ребята остановились и свалили рюкзаки под кустарником, окружавшим Врата с трех сторон. На поляне были видны остатки костра, который кто-то жег совсем недавно. С удивлением Сева заметил, что в костре валяется полуобгоревшая ножка какого-то старинного дивана или комода. В густом кустарнике стоял проржавевший остов черного лимузина, увитый диким виноградом и новенькая стиральная машина «Самсунг».

«Кто смог это притащить сюда?» — мелькнуло у него в голове. Сом предложил для начала пообедать, а потом уж испытывать, работают ли Врата. Его тут же остановили, обругали и обозвали обжорой. Потом стали спорить, кто войдет во Врата. Ирка рвалась первой. Но Сева не разрешил, прежде чем не попробует сам. Тима возражал, говоря, что это не честно. Решили тянуть жребий.

Первым выпало идти Сому. Ребята, затаив дыхание, наблюдали, как их друг зашел в проем между двумя глыбами и закрыл глаза. Через минуту они увидели, что у него в руках появилась большая миска с дымящимся лагманом.

— Получилось! — заорал он.

— И это твое заветное желание? — скептически поджав губы, сказала Ирка.

Следующим пошел Сева. Он вошел в проем между глыбами и закрыл глаза. Тут в его сознании всплыла та фраза, которую он произнес у костра восемь лет назад: «Хочу, чтобы моя жизнь была полна приключений!»

Ничего не произошло.

— Осечка? — спросил Тима.

— Не знаю, давай ты, а я потом еще попробую.

Чтобы понять, что произошло с Тимой, надо вернуться немного назад. Итак, Тимин папа был талантливым математиком. Мало того, его мама тоже была математиком. Родители не могли себе представить, что их сын выберет какую-то другую профессию. Они вообще думали, что без математики можно умереть. А Тима думал иначе. До третьего класса он еще что-то понимал, а потом... Мальчик совершенно не соображал, он не умел решать элементарные задачи. Он выезжал на своем обаянии и авторитете родителей. А на самом деле Тима мечтал петь. И не просто, а как знаменитый итальянский тенор Лучано Паваротти. Это был его кумир. Тима часами мог слушать его пение. Родители просто не понимали сына, для них было аксиомой, что Тима будет поступать в университет на физмат. Названия других факультетов они даже на слух не воспринимали. Друзья над Тимой просто смеялись. Ну, стать звездой эстрады — еще куда ни шло! Но петь в опере? Это просто цирк!

Тима шагнул под каменный свод с бьющимся сердцем. Закрыв глаза, он замер, а затем вышел вперед с поднятыми руками, будто приветствуя многотысячную аудиторию. Он запел так, что эхо разнеслось, сотрясая горы:

— У меня получилось, друзья-а-а-а!
Я пою, как Лучано-о-о-о!
О, как прекрасно-о-о-о!
Смейся, паяц! Я пою, как Лучано!

Ирка горячо заплодировала, а Сом подавился лагманом. Тима продолжал, глядя вокруг и воспевая все, что попадалось ему на глаза:

— Посмотрите, как прекрасны горы-ы-ы-ы!
Я не могу остановиться-а-а-а!
Карету мне, карету-у-у-у!
Неужели это на всю жизнь!
Фигаро тут, Фигаро та-а-а-ам!

Так продолжалось минут двадцать. Сева, стараясь перекричать Тиму, заорал:

— Иди и попроси, чтобы тебя заткнули!

Тима стал под свод и запел:

— Я хочу замолча-а-а-ать!

Он вышел из Врат, хмурый и молчаливый. Ирка попыталась его утешить, но он только жестикулировал в ответ. Ирка расплакалась, когда до нее дошло, что ее возлюбленный онемел. Она запричитала:

— Тимочка, иди назад и попроси, чтобы ты снова заговорил.

Тима зашел во врата еще раз. Выйдя из них, он сказал:

— Фу, наконец-то все прошло. Петь, конечно, замечательно, но довольно утомительно, так как это просто невозможно — петь без перерыва, петь обо всем, что видишь. Но молчать — это совсем страшно. Как можно молчать, если можно говорить? Я попросил, чтобы мог говорить, и вот теперь я говорю. Я могу говорить целый день, не подумайте, что мне трудно, я могу говорить до самого вечера. Мне совершенно не трудно говорить. Я могу говорить обо всем, что окружает меня. Глядя на эти великолепные горы, я могу говорить об их красоте и величии. О! Как прекрасны и величавы горы, не правда ли, друзья?

Сом подошел к Тиме вплотную:

— Или ты заткнешься, или я тебя грохну!

— Ну, что ты, Сом! Неужели я чем-то обидел тебя? Извини, если что-то не так. Ты ведь знаешь, как я тебя уважаю, разве я могу хотя бы мысленно чем-то обидеть тебя? — продолжал тараторить Тима.

— Бегом в ворота! — закричал Сом.

— Нет! Сейчас моя очередь, — крикнула Ирка и вскочила в проем. Тима затараторил ей вслед:

— Правильно, сейчас Ирочкина очередь! Сейчас она должна идти, не правда ли, друзья? Вот она пошла, топ ножкой — раз, топ ножкой — два! Вот она закрыла глазки. Какое милое дитя! Как ей идет эта кофточка. Сева! У тебя

очень симпатичная маленькая сестренка. Правда, она немного не в моем вкусе, я люблю высоких блондинок, а она — маленькая, но очень милая брюнетка...

Ирка знала, что Тиме нравятся стройные блондинки. И желание ее было таким:

«Хочу стать стройной блондинкой, как кукла Барби!»

Из ворот Ирка вышла, как Буратино, на негнущихся длинных ногах. Даже Тима на секунду замолчал. Но потом он затараторил с новой силой:

— Ирочка! Ты сама на себя не похожа. У тебя такие красивые волосы и глаза. Ой, что это с твоей замечательной кофточкой?

Из декольте поднимался внушительный бюст. Ирка, двигаясь, как робот, стыдливо прикрыла грудь. Талия ее была настолько тонкой, что спортивные штаны сползли и задержались на крутых бедрах. Стояла она на цыпочках, хотя и без того возвышалась над ребятами на целую голову.

— Тима? Я тебе нравлюсь? — с идиотской улыбкой спросила она.

Тима что-то тархтел и тархтел в ответ. Ирка заплакала, хотя рот ее был растянут в улыбке. На негнущихся ногах она зашла под арку, закрыла глаза и...

Сева метнулся к воротам. Ирки не было. Вернее, была, но в каком виде! Среди одежды сестры лежала полугодовалая малышка и пускала пузыри.

— Ирка! — закричал Сева, схватив сестру на руки.

— Вероятно, таким было ее желание, какая чудесная малышка. Агу! Агу! — бормотал за спиной Тима.

Сева шагнул в ворота с сестрой на руках и закричал:

— Хочу, чтоб Ирка была большая!

Младенец в его руках увеличился до чудовищных размеров. Сева едва удержался на ногах. Повернув к брату лицо, Ирка посмотрела на него глазом величиной с кулак. Сева чуть не потерял сознание.

— Нет! — закричал он. — Пусть она снова будет маленькой.

Ирка уменьшилась до нормальных размеров. Сева

вышел из Врат и положил ее на спальник, который Сом заботливо расстелил под кустом. Малышка начала хныкать, и Сом дал ей банку сгущенки, пробив ножом две дырки в крышке. Ирка присосалась к банке и успокоилась. Тима все ворковал в сторонке, не решаясь подойти поближе, потому что не только Сом, но и Сева пригрозил его грохнуть.

— Что делать? Мама меня убьет! — ужасался Сева. — Да замолчишь ты или нет? — крикнул Сева Тиме.

— Замолчу, вот сейчас замолчу, я пойду под эти гадкие ворота и загадаю желание. Но как же мне его загадывать? Что мне говорить? Молчать я не хочу, петь тоже. Ага, я знаю, что сказать. Главное — правильно сформулировать желание, и тогда все будет в порядке! — Тима шагнул под арку и что-то забормотал.

— О нет! — застонал Сева, когда увидел, что под каменным сводом лежит еще один младенец. — Что он там сформулировал, как ты думаешь, Сом?

— Кто его знает? — почесал затылок Сом.

Он притащил под куст Тиму и тоже дал ему в ручки банку сгущенки.

— Зато не болтает, — заметил он.

— Слушай, надо отсюда сматываться, — произнес Сева.

— А как ты дома все это объяснишь? — спросил Сом.

— Главное, что они живы. Мама, конечно, расстроится. Только за последний год они с отцом на Ирку столько денег потратили! Она английский учила... Но зато можно будет сказать Тимкиным родителям, чтобы они его не мучили математикой, а сразу отдали в музыкальную школу. Пусть поет в опере.

Сом поморщился, вспомнив Тимкины арии. Немного помолчав, он сказал:

— Слушай, а я так и не загадал свое желание. Так и буду всю жизнь толстым.

Севе стало жаль своего друга, и он ответил:

— Иди, только осторожно формулируй.

Сом медленно подошел к воротам, встал в проеме, вынул руки из карманов и закрыл глаза. Через минуту

перед Севой стоял худющий парень, одежда на нем болталась, как на палке, глаза ввалились, он покачивался от ветра.

— Сом! Верни все обратно! — крикнул Сева. — А то мне придется тащить не только этих младенцев, но и тебя.

Сом на полусогнутых ногах вернулся в ворота, качнулся, вздохнул, и... превратился в толстенького карапуза.

— Сом! Предатель! Что ты загадал? Я же говорил — формулируй! — закричал Сева. Но это не имело значения. Ни Сом, ни Тима, ни Ирка его не понимали.

Он достал еще одну банку из рюкзака, проделал в ней дырки и сунул в руки Сому.

— Смотри, не прокуси, — предупредил он, видя, с какой жадностью малыш присосался к банке.

Глядя на довольную мордашку Сома, он понял, что тоже проголодался. Прикрыв малышей их же одеждой, он достал из рюкзака тушенку, галеты, несколько огурчиков, сок и стал обедать. Вдруг он услышал за спиной шорох. Испуганно оглянувшись, он увидел, что по тропе на поляну поднимается старый татарин. Выглядел он как старик Хоттабыч: седой, сморщенный, с жиденькой бородашкой и хитрыми раскосыми глазками.

Сева пригласил его пообедать вместе с ним, на что старик с радостью согласился. Сева достал из рюкзака все припасы — все равно придется здесь оставить, ему не утащить и детей, и рюкзаки.

Они с дедом славно закусили, а потом завели разговор. Сева все ожидал, когда старик спросит его о младенцах. Но тот вроде и не замечал, что под кустом спят трое малышей.

Наконец Сева не выдержал и спросил напрямую:

— А вы пришли к Вратам Желаний просто так или хотите что-то загадать?

— Хочу, — ответил старик. — Но знаешь, любезный, что у этих ворот есть еще одно название — Врата Молодости. О Вратах Желаний ходили разные слухи. Вроде там люди пропадают. Вроде младенцы появляются. А кто-то говорил, что там молодость можно вернуть.

Оказывается, надо только зайти под свод и сказать определенные слова.

— Какие, бабушка? — спросил Сева.

Дед встал, стряхнул с бороды и халата крошки, стал под свод и сказал:

— А вот какие: «Хочу быть таким, как раньше!»

Сева взвыл, когда увидел, что в дедовых тряпках копошится маленький, крепкий бутуз с раскосыми глазками.

Получив свою банку сгущенки, он занял место возле Сома.

«Что делать? — лихорадочно думал Сева. — Надо успокоиться и действовать. Так, до ближайшего поселка ходьбы часа три. Сейчас уже половина восьмого. Идти с детьми ночью опасно. Но и оставаться тут нельзя. Неизвестно, как на них повлияет сгущенка».

Сева решил отправляться в путь немедленно. Он вывернул содержимое всех рюкзаков, отыскал четыре футболки помягче и соорудил для каждого младенца подобие памперса. У себя в рюкзаке с удивлением обнаружил две чистые, ослепительно белые простыни. «Спасибо, мама!» — подумал он. Разорвав каждую пополам, привязал детей, как носят цыгане, — Сома и татарчонок сзади, а Ирку и Тиму спереди. В карманы положил еще четыре банки сгущенки, нож, спички. Из рюкзаков достал все деньги и документы. Из Тимкиного фотоаппарата вытащил пленку и двинулся вперед, еле передвигая ноги.

Идти было трудно. Татарчонок все время норовил укусьить за спину, Ирка хныкала, а Сом, громко чмокая, сосал палец. Тимка был бледный и все время срыгивал Севе на грудь.

Вдруг Сева остушился и упал. Он не успел опомниться, как оказался висющим над обрывом. Сухой кустарник предательски трещал. «Конец!» — подумал Сева.

В этот миг послышался звук летящего вертолета. И, действительно, низко над ущельем летел вертолет. Он подлетел ближе и замер. Подняв голову, Сева увидел, как из кабины выбросили лестницу и по ней стал спускаться

человек. Песок попал Севе в глаза, шум мотора был оглушительный, дети кричали в четыре голоса, а куст все ломался и ломался под руками.

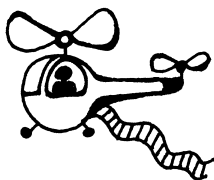
Человек на лестнице спускался все ниже и ниже. Наконец раскачивающаяся лестница оказалась в полуметре от Севы. Он поднял глаза. Могучая мускулистая рука была рядом, Сева ухватился за нее правой рукой, но левую не решился разомкнуть. Он поднял голову и взглянул на лицо своего спасителя. Левая рука тут же разжалась сама собой. Это был Арнольд Шварценеггер!

— Хай, беби! — сказал он и ослепительно улыбнулся.

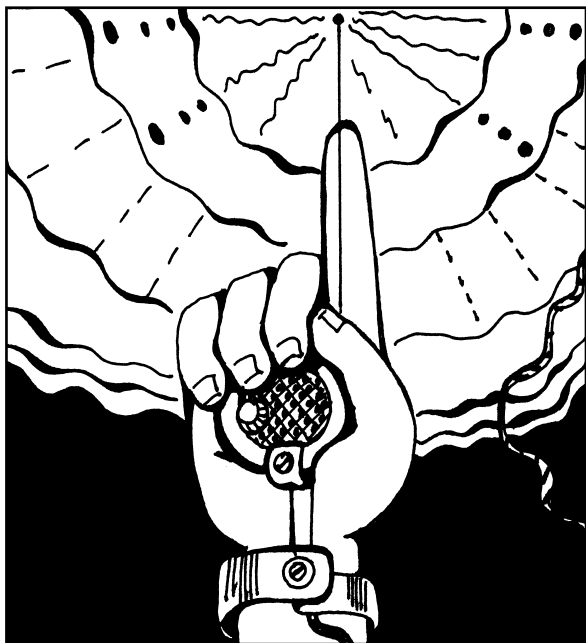
Вертолет взмыл вверх. Шварценеггер держал Севину руку мертвой хваткой.

— Жизнь, полная приключений, начинается! — сказал Сева и краем глаза увидел, что из моря всплывает подводная лодка. На плато, где Сева только что пеленал детей, появились люди в камуфляже и стали поливать вертолет из автоматов. Последнее, что увидел Сева, — взрыв, который стер с лица земли Врата Желаний.

— Слава Богу! — подумал он. — Лучше, чтобы их вообще не было. У людей бывают такие идиотские желания! Мне свое теперь всю жизнь придется расхлебывать.

Карающий перст

Антон себя не любил. Можно даже сказать, тихо ненавидел. Он терпеть не мог свое отражение в зеркале — рыжее, лопоухое, в очках. А когда оно улыбалось, видны были две кривые лопаты — передние зубы. Представили? И к тому же у Антона была покалечена нога, поэтому он хромал. Он терпеть не мог врачей. С самого детства они мучили его. Три операции на бедре, операция на глазах,

пластинка на зубах — и никакого результата. Хромать он не перестал, косоглазие и близорукость остались, зубы не выровнялись. Мальчик с такой внешностью, кучей недостатков и мощным комплексом неполноценности был среди своих ровесников белой вороной. Благодаря постоянному пребыванию в больницах, он много читал. Это еще больше удалило его от нормальной мальчишеской жизни — футбола, рыбалки, драк и прочих интересных вещей. У Антона был всего лишь один друг — Харитон. Не подумайте, что это какой-нибудь дореволюционный дед. Харитон учился в параллельном классе. Я не знаю, что двигало родителями, когда они давали это звучное имя своему первенцу, но добились они одного — их сын стал мишенью для насмешек. В младших классах его называли не иначе как Харя, а в старших он получил более звучное имя — Харя Кришна. В придачу Харитон заикался. Представляете, что случалось, когда он пытался назвать свое имя? Вот именно. А фамилия у него была — Пшеничный.

Как вы уже знаете, Антон много читал. И вот какой парадокс: несмотря на свою неприязнь к врачам, он любил медицинскую литературу. Он перечитал все справочники, энциклопедии и лечебники. Он знал названия и симптомы всех болезней, все лекарства и различные комплексы лечебной физкультуры. Антон очень хотел быть здоровым. Но, изучив всю имеющуюся в поле его зрения медицинскую литературу, он понял, что в его случае медицина бессильна. Он был в отчаянии.

Харитон тоже хотел исцелиться от своего недуга. Но книги по медицине не любил. А любил он физику. Атомы, молекулы, радиоволны, всякие заряды и разряды — это была его стихия. В пятом классе он смастерил свой первый радиоприемник. В его квартире было все автоматизировано: попугай получал корм, стоило ему нажать лапкой на рычажок в углу клетки; в газовую плиту был вмонтирован хронометр, благодаря которому в нужный момент раздавалась сирена. У Харитона было доброе сердце, и он смастерил для Антона очки, в которые вмонтировал маленький при-

емник со светомузыкой. Антон любил сидеть на балконе в этих очках и наблюдать, как мир переливается разными цветами в такт музыке. В эти редкие минуты он был почти счастлив, понимая, что жизнь все-таки прекрасна. Антон тоже пытался как-то помочь своему другу Харитону — находил в разных медицинских журналах методики для лечения заикания, пробовал петь дуэтом вместе с Харитоном, как советовали некоторые специалисты, но ничего не помогало.

И вот они окончили школу. Остались позади беззаботные, как считают многие, школьные годы. Отшумел выпускной вечер — еще одно унижение, когда они в очередной раз почувствовали себя чужими на этом празднике жизни.

Друзья не пошли встречать рассвет со своими одноклассниками, а направились в другую сторону, на свое любимое место у реки. По дороге они купили жареную курицу, завернутую в фольгу, и большую бутылку кока-колы. Они ели горячую курицу, отламывая большие аппетитные куски, и запивали колой, передавая друг другу бутылку. Иногда они подолгу молчали, иногда о чем-то говорили. Им было хорошо и спокойно вдвоем.

— Так ты в политех? — сделал глоток, спросил Антон.

— Угу.

— А я в мед.

— Угу.

Они помолчали минут сорок, и Антон снова нарушил молчание:

— Идею хочешь?

— Угу.

— Прибор, который ловит импульсы твоего организма, считывает дефекты, переносит их на кого-то другого. То есть ты передаешь свою болезнь другому. Как тебе?

— Можно п-п...

— Ясно, не продолжай.

Антон достал из кармана выпускного пиджака потрепанный блокнот:

— Вот здесь возможные благоприятные точки воздействия. Вот расчеты. В общем, разберешься.

Прошел месяц. За это время они оба поступили, куда хотели, а в августе плотно взялись за работу над прибором. У них всегда получалось делать что-либо вместе. Антон понимал Харитона с полуслова, вернее, с полубуквы. А Харитон умел все объяснить на пальцах.

Прибор был готов. Но перед изобретателями возникла этическая проблема: кому передать свои болезни, чтобы не мучила совесть? Пришлось повозиться еще неделю и добавить еще одну функцию: прибор считывал мысли объекта и включался в том случае, если мысли были плохими. Для большей убедительности Харитон соединил прибор тонким проводом с наушником, так что можно было эти мысли слышать.

Выглядел прибор следующим образом: к металлическому браслету крепилось небольшое овальное устройство, от которого отходил тонкий усик-антенна, закрепленный медным кольцом на указательном пальце. Нажатием мизинца на маленькую кнопку прибор приводился в действие. Чтобы достичь желаемого результата, надо было прикоснуться усиком к точке на пояснице объекта и зафиксировать его там в течение трех секунд. Если мысли объекта были плохими, прибор срабатывал, а хозяин устройства получал легкий, не очень болезненный укол в запястье. После этого в течение трех суток должны были произойти изменения в организмах участников сеанса: больной исцелялся, а его болезни получал объект.

Антон хотел попробовать первым. Труднее всего было выбрать объект. В первый день они так и не смогли найти того, кому бы Антон захотел передать свои болезни. Но на второй день объект явился сам.

Это был участковый врач Семен Борисович. Он пришел, чтобы осмотреть сестренку, у которой была ангина. Пока он мыл руки и разглядывал Наташкино горло, Антон успел надеть прибор на руку. Провожая доктора, он выслушал кучу комплиментов по поводу своего поступления в ВУЗ. На пороге Антон прикоснулся указательным пальцем к пояснице врача. В наушнике прозвучали мысли Семена

Борисовича: «Да, братец, ну и медик из тебя получится! Да кто к тебе добровольно придет на прием? Не доктор, а жертва отечественной медицины». Антон почувствовал легкий укол в запястье. «Сработало!» — подумал он.

Теперь оставалось ждать. Вечером все тело ныло, болели мышцы, кости, даже кожа казалась воспаленной. Глаза слезились. Утром поднялась температура. Мама забеспокоилась:

— Ты, наверное, от Наташки заразился. Может, вызвать Семена Борисовича?

— Нет! Не надо! — закричал Антон.

— Ну, маленький мой, — засюсюкала мама, — он тебе ничего не сделает, только горлышко посмотрит.

— Не надо, я выпью аспирин, посплю, пополощу горло, и все пройдет, — успокоил ее Антон.

Мама ушла на работу, и Антон побежал к зеркалу. Явных изменений не было, но что-то происходило, он это чувствовал! Он позвонил Харитону, и тот примчался через пять минут. Долго задерживаться он не мог, потому что родители тащили его на дачу. Антон снова остался один. Он то засыпал, то просыпался. Его два раза вырвало. Температура прыгала, и он то укутывался в теплое одеяло, то бежал под холодный душ. К вечеру крепко уснул и проспал до утра.

Открыв глаза, Антон увидел трещину на оконном стекле. Он очень обрадовался. Не подумайте, что его рассудок повредился, и Антон обрадовался тому, что кто-то разбил окно. Трещина там была давно. Но он мог видеть ее только в очках! А сейчас на нем не было очков. Опустив ноги на пол, Антон увидел, что они сгибаются почти одинаково. Он прошелся по комнате, почти не хромя.

Прошло еще два дня, и он понял, что совершенно здоров! Зрение — сто процентов, косоглазия, как не бывало, хромота исчезла. Даже две передние лопаты превратились во вполне нормальные зубы. Это так подействовало на Антона, что он даже сходил в парикмахерскую и сделал модную стрижку. Он чувствовал себя новым человеком. Ему нравилось идти по улице и смотреть не под ноги, а

в глаза людям. Антон заметил, что девушки не отворачиваются, а смотрят на него!

Он старался не думать о Семене Борисовиче. Вместо него осмотреть Наташку после болезни пришел другой врач, женщина. На мамин вопрос она только развела руками и ответила:

— Уникальный случай в медицине. Сейчас Семен Борисович в клинике четвертого управления, никто не может поставить диагноз. Мы ждем профессора из Москвы...

Мама, которой приходилось разрываться между работой, больной дочкой и заготовкой консервации на зиму, не сразу заметила изменения в сыне. Да и он старался прихрамывать, когда попадался ей на глаза. По всему дому Антон разложил книжки типа «Исцели себя сам». А маме сказал, что занимается по новой методике, и уже заметил положительные результаты. Он повесил на стенке у себя в комнате большую таблицу — закрученную влево спираль и даже объяснил маме принцип действия:

— Я концентрируюсь на спирали, сначала веду глазами по внутреннему ее краю, а потом перехожу на внешний. В результате глазное яблоко приобретает правильную форму, уменьшается близорукость и исправляется косоглазие. При помощи этой же спирали я тренирую ноги. Я мысленно бегу по спирали, но не просто, а увеличивая наклон в сторону здоровой ноги. Срабатывает центробежная сила, в результате чего больная нога вытягивается.

Мама очень обрадовалась, аж расплакалась, и не заметила, что варенье залило плиту.

Самым трудным оказалось теперь уговорить Харитона использовать прибор. Он все отнекивался, мол, его болезнь не такая уж и страшная, она ему почти не мешает. И еще — он никак не мог найти объект. Ребята решили пойти на эксперимент: попробовать передать болезнь Харитона дворовому псу Ричарду. Антон долго уговаривал друга и, в конце концов, убедил, что заикание никак собаке не повредит. Но эксперимент не удался. Харитон так и не перестал заикаться, но произошел незначительный обратный

эффект — у него завелись блохи. Блох с трудом вывели и стали опять искать подходящую кандидатуру. Антону пришла в голову другая мысль: исцелить парализованную бабушку Харитона. Она уже восемь лет мучила всю семью, особенно маму Харитона — хрупкую, несчастную женщину. У бабушки был вздорный характер. Она и в здоровом состоянии была очень тяжелым человеком. А болезнь сделала ее просто невыносимой. Но самое интересное, что был и объект — женщина, которая приносила бабушкину пенсию. Во-первых, она никогда не приносила пенсию вовремя, во-вторых, не давала мелочь, и вообще, могла и надуть старушку, благо купюры в десять и двадцать гривен можно легко спутать.

Парализованная бабушка соображала очень хорошо. Ей не пришлось долго объяснять задачу. Ребята надели прибор ей на руку и затаились. Был день пенсии, и сеанс прошел быстро. Бабушка ловко ткнула указательным пальцем в поясницу своей обидчицы. Ребята поняли, что прибор сработал по тому, как блеснули бабушкины глаза и она от возмущения закашлялась. Потом бабуля рассказала, что услышала она за эти три секунды: «Старая вешалка, тебе пора на кладбище. Вот еще пару раз обдурю тебя и послушаю похоронный марш. Думаю, на поминках твоя невестка на радостях закатит пир горой».

Три дня бабушка мучилась поносом, а на четвертый встала и приготовила себе целую сковородку жареной картошки. Когда Антон пришел к Харитону, бабушка со своим сыном пила пиво и ела сушеную воблу.

Харитон, наконец, отважился. Но, так как объект он до сих пор не нашел, ребята решили воспользоваться случаем. Они ходили по улицам, ездили в транспорте, но Харитон никак не мог остановиться на ком-то конкретном. Было жарко, и они зашли в кафе освежиться. Прибор был на руке у Харитона. Девушка, стоящая у стойки, смерила его с головы до ног оценивающим взглядом. «Оно!» — сообразил Антон и отошел к столику.

— М-мне, п-п... — начал Харитон, — К-кок-как...

— Понятно, — хихикнув, ответила девушка и повернулась к нему спиной.

Быстрым движением Харитон прикоснулся пальцем к пояснице девушки, на что она, вильнув бедрами, явно отреагировала. Харитон прислушался и покраснел. Он потом так и не сказал Антону, что услышал в наушниках.

Трое суток у Харитона был сильный насморк, икота и почему-то сильно чесались пятки. На четвертые сутки он заговорил внятно и красиво.

Окрыленные, ребята вылечили отца Харитона от застарелого алкоголизма, объектом в этом случае стала скандальная соседка сверху, которая четыре раза заливала их квартиру. Помогли дворнику дяде Грише исцелиться от ревматизма и облысения. Удивило их то, что начальник ЖЭКа, который был объектом, не полысел, его шевелюра стала еще гуще и приобрела оттенок баклажана. Потом, правда, они узнали, что это был парик.

Время шло. Юные изобретатели были первокурсниками, у них появилось много новых друзей и даже подружек. Однажды Антон познакомил Харитона со своей однокурсницей Любочкой. Высокая, стройная блондинка, очень общительная и раскованная, понравилась Харитону. Они втроем проводили выходные, ходили в кафе, в кино. И вот однажды Антон позвонил Харитону и сообщил, что Любочка попала в больницу — ее покусал соседский бультерьер.

Когда они пришли ее проведать, то увидели, что все лицо Любочки перевязано. Бедняжка все время плакала:

— Все, теперь я останусь уродиной, ты меня бросишь.

Антон успокоил ее, сказав, что поможет ей. Когда Любочка узнала о приборе, она очень обрадовалась. Оставалось только подождать, когда придет объект. Ребята решили, что по справедливости им должен стать хозяин собаки, который вскоре пришел уговаривать Любочку, чтобы она забрала заявление из милиции. Любочка примирительным жестом взяла конвертик, который хозяин сунул ей, и на прощание ткнула указательным пальчиком ему в поясницу.

Исцеленная подруга Антона ликовала:

— Ну, ребята! Вы гении! Да на этом приборе можно такие деньги сделать! Да это же просто золотая жила. Так, я все беру на себя — клиентуру, финансы, а выручку будем делить на троих.

— Какую выручку? — слабо попытался протестовать Харитон. Но Антон, ослепленный любовью, поддержал Любочку:

— Послушай, она дело говорит. Тебе что, лишняя копейка помешает?

Любочка, как и многие женщины, питавшая страсть к красивым и загадочным выражениям, придумала название для их совместного проекта: «Карающий перст». Антон был в восторге. Список клиентов рос, бухгалтерия работала как часы, спрос был, выручка, естественно, увеличивалась. Ребята приделались, Антон купил себе компьютер, Харитон приобрел маме стиральную машину, а бабуле си-ди-плеер. Все было отлично.

Но, как говорится, нет худа без добра, вернее, наоборот. В прессе все чаще стали появляться заметки о странных случаях: молодой директор крупного завода вдруг обратился к врачам по поводу непонятных приступов. Сделав рентген, врачи обнаружили в бедре осколок снаряда. После операции осколок послали на экспертизу. Оказалось, что это осколок снаряда времен Второй мировой войны. Еще более странное сообщение потрясло весь город: известный депутат, занимающийся благотворительностью, после посещения психиатрической клиники начал страдать раздвоением личности. Однажды вечером, сняв одежду, он исполнил эротический танец вокруг столба напротив здания парламента. То и дело в прессе описывались случаи заболевания учителей детскими болезнями — ветрянки, коклюша, свинки просто косили представителей этой благородной профессии. Чаще всего страдали преподаватели химии и физики. Медики выступали по телевидению и говорили, что это — результат недостаточного финансирования медицины. Партия зеленых заявила, что виновники — господа из министерства

энергетики. Они провели серию пикетов возле всех АЭС и торжественно сожгли на площади города Ахтырки чучело министра энергетики.

Ребята волновались, но оказалось, что очень трудно отказаться от дармового заработка и снова сесть на стипендию и мамины копейки.

Все разрешилось само собой. Однажды Любочка позвонила Антону, но ничего кроме рыданий он не услышал. Когда друзья прилетели к ней, их встретила скрюченная в три погибели Любочка с огромной бородавкой на носу. Всклипывая и сморкаясь, она рассказала, как почтенная клиентка, страдающая радикулитом, примерила прибор и вдруг тут же применила его. От неожиданности Любочка не смогла даже оказать сопротивление, когда клиентка забрала дневную выручку и прибор и, погрозив кулаком, скрылась.

— Она сказала, чтобы я помалкивала, а то она обратится куда следует. Ужас какой!

Посмотрев в зеркало на бородавку, Любочка еще горше заплакала и взмолилась:

— Мальчики, помогите!

Антон и Харитон взялись за восстановление прибора. А события развивались молниеносно. Газеты, журналы, сводки теленовостей пестрели сообщениями о загадочных происшествиях. Скандал в сенате США, серия переворотов в Гватемале, дисквалификация канадской команды по хоккею накануне чемпионата мира — все так или иначе было связано с неожиданными заболеваниями.

Как назло, работа над прибором не клеилась. Что-то не срабатывало. Харитон не мог найти нужную деталь. Они объездили все радиомагазины, базары. Детали не было.

Зато было другое. Страх. В каждом прохожем виделся враг. Рука в кармане, настороженный взгляд — держись подальше! Где сейчас прибор? У кого? Вот у этой старушки, которая делает вид, будто хочет перейти улицу? Или у этого любезного продавца в отделе электроники? Осторожно!

Антон отключил телефон, чтобы не слушать истерики Любочки. Он сделал себе широкий защитный пояс из

свинцовых пластин, закрывающий поясницу, и выходил из дому только за продуктами, соблюдая все меры предосторожности.

Однажды, вернувшись из гастронома, он почувствовал легкое недомогание. Два дня его тошнило, чесались ноги. На третий день он в страхе осмотрел себя с ног до головы, но никаких изменений не обнаружил. Весь организм работал как часы. Он облегченно вздохнул и решил позвонить Харитону — пора было нарушить трехнедельное молчание.

— Алло! — услышал он в трубке.

— П-п-ри... — с ужасом понимая, что произошло, попытался произнести Антон.

Бросив трубку, он помчался к Харитону.

Заикаясь, он рассказал о том, что его заразили непонятным образом. На нем был защитный пояс, никто к нему не прикасался, только однажды... Он вспомнил, что милая девочка-иностранка помогла ему открыть дверь, когда он выходил из магазина. Она коснулась его локтя и что-то сказала по-английски.

Ему стоило больших усилий связно рассказать это все. Харитон сидел в кресле, глядя в окно. Когда он, повернувшись, встал, Антон почувствовал, что съезжает по стене. Харитон смотрел на друга сквозь толстые линзы очков, левая нога его была короче правой...

— Ха-ха-ритон, это все один п-прибор наделал? — в ужасе спросил Антон друга.

— Один? Смотри!

Харитон вытащил из ящика комода полдюжину ярких пластиковых упаковок, в которых были аккуратно запаяны браслеты.

— Купил на китайском рынке. По цене «тамагочи».

— И что, они р-работают?

— Не хуже нашего.

— Но я же был в поясе! Неужели он с-срабатывает с-сквозь защиту? — засомневался Антон.

— Смотри. — Харитон перевернул упаковку, на обратной ее стороне был нарисован человек с отмеченными

красным цветом точками — таких точек на теле человека двадцать восемь.

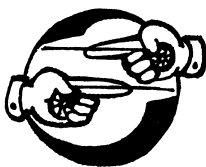
— Да, та д-девушка коснулась моего локтя... Но, п-послушай! У меня в тот момент не было плохих мыслей! Я подумал: «Какой милый ребенок!» И она мне что-то ответила, я не разобрал.

— Она сказала: «Surprise!», — ответил Харитон. — Китайцы усовершенствовали наш прибор. Они убрали считывание мыслей и добавили голосовой сигнал...

Антон молча распаковал два прибора. Они посмотрели друг другу в глаза, обнялись, и в наступившей тишине раздалось почти в унисон: «Surprise!»

Они вышли на улицу, на углу в супермаркете купили жареную курицу и бутылку кока-колы и направились к реке.

Стояла августовская ночь. Небо было необычайно бархатное и высокое. Звезды сияли и отражались на струящихся волнах. Ребята ели горячую курицу, отламывая большие аппетитные куски и запивали колой, передавая друг другу бутылку. Жизнь была прекрасна...

ДОЧЬ СВОЕГО ОТЦА

Олег Иванович степенной походкой возвращался домой после трудового дня. Он предпочитал ходить пешком, хотя у него был и служебный, и личный автомобиль. Он шагал не спеша, наслаждаясь весенней погодой. Вдруг его безмятежное состояние нарушил рев мотоцикла, который, сделав крутой вираж, остановился возле супермаркета. Двое молодых людей в шлемах слезли с мотоцикла, не

обращая внимания на то, что пешеходы шарахнулись в стороны и закашлялись от дыма. «Безобразие! — подумал Олег Иванович. — Носиться на такой скорости по городу — это, во-первых, опасно для жизни; во-вторых, это ужасно шумно; а в-третьих, дым загрязняет окружающую среду». Ему не терпелось сделать замечание молодым людям, и он, на ходу репетируя гневную речь, подошел к ним. Парень что-то говорил своей спутнице, которая пыталась снять шлем.

— Молодые люди! — возмущенно произнес Олег Иванович и запнулся. Девушка сняла шлем, под которым оказалась копна огненно-рыжих волос. Перед ним стояла его дочь Элеонора.

— Эля... Это... Это ты? Это тебя на такой скорости вез этот негодяй? — Олег Иванович двинулся в сторону парня, который попятился назад.

— Папа! Не надо! — крикнула дочь. — Я сама его попросила. Познакомься, это Вова.

— Нет уж, извини. Я не собираюсь с ним знакомиться. Молодой человек, я запрещаю вам подходить к моей дочери ближе, чем на пять километров. Я не для того растил ее пятнадцать лет, чтобы ее угробил какой-то сумасшедший дикарь на мотоцикле.

Взяв дочку за руку, Олег Иванович потащил ее домой.

— Если бы это увидела мама, она бы умерла! Как можно гонять на такой скорости? Если ты не дорожишь своей жизнью, подумала бы о нас с мамой! Мы тебя растим не для того, чтобы ты свернула себе шею.

— Ну почему я должна обязательно свернуть шею? Вова уже три года водит мотоцикл. Он экстримом занимается.

— Послушай, Эля, мне нет дела до того, чем занимается Вова. У него, надеюсь, есть родители, если он их еще не загнал в гроб. Пусть они заботятся о своем сыне. А пока ты моя дочь и я отвечаю за твою жизнь, ты не будешь общаться с этим экстремалом.

— Ну папа! — пискнула Эля.

— Ты уже забыла, как сломала ногу, катаясь на роликах?

— Папа, но это было во втором классе! — возразила дочь.

— Да, а в третьем ты упала с лошади, а в пятом тебя снимали пожарные с крыши. И вообще, посмотри на себя! На что ты похожа? Ты ведь красивая девочка, а как ты одеваешься? Что это за штаны? Зачем нормальному человеку столько карманов? А эти ботинки... Как они называются, «гренадеры»?

— Гриндерсы, — буркнула Эля.

— Посмотри, как другие девочки одеты, приятно посмотреть. Вот идут — стройненькие, нарядные.

Мимо пробежала стайка девчонок, стуча каблучками по асфальту.

— Мы с мамой так мечтали, что у нас будет дочка! Я покупал тебе самые красивые платья. Мы наряжали тебя, как принцессу. Мама делала тебе такие красивые прически. А ты выросла и во что превратилась?

— Во что?

— Непонятно, девочка ты или какой-то бандит с большой дороги! — ответил отец.

— Да я у вас вообще хуже всех, — нахмурилась дочка.

— Ты сама себя такой делаешь. Я купил тебе скрипку... У тебя же замечательный слух! И что ты сделала со скрипкой?

Дочь молчала.

— Ну тогда отвечу я. Ты ее сожгла! А что ты сделала с теми туфлями, которые я привез тебе из Швейцарии? Ты отпилила каблучки!

— Мне так удобнее, — буркнула в ответ Эля.

— Удобнее! Все девушки, все женщины ходят на каблучках! — возмутился отец.

— А суть?

— Суть в том, что это красиво, — ответил отец.

— Так считаешь ты. У меня на этот счет свое мнение.

— Это хорошо — иметь свое собственное мнение. Но когда оно расходится с мнением всех остальных, стоит задуматься. Например, помнишь, когда мы ходили на Олину свадьбу и ты надела платье, которое я купил тебе в Женеве?

— Помню, я чувствовала себя как ежик, которого побрили наголо, — заметила Эля.

— Зато все остальные были в восторге! Ты была краси-

вее невесты, мне все время приходилось отгонять от тебя то жениха, то свидетеля.

— Уроды в галстуках, — тихонько пробурчала дочка.

— А я билеты достал в театр, — не услышав ее замечание, трагическим голосом произнес папа. — Приезжает Миланская опера...

Эля закатила глаза. Отец продолжал:

— Я так мечтал пойти в оперу с тобой и с мамой.

Слева — жена-красавица, справа — дочь-принцесса...

— Папа, еще раз я не выдержу этой пытки.

— Оно понятно. Девушке с такой кличкой не пристало ходить в оперу. Мне кажется, что у тебя нет элементарной гордости. Тебе приклеили такую кличку, я бы за такое...

— А что? Петарда — нормальная кличка, — ответила дочка.

Тем временем они почти подошли к своему дому. Им надо было только перейти широкий проспект. Загорелся красный свет, и они остановились, ожидая зеленого.

— Нормальная кличка, нормальные штаны, нормальное поведение. У тебя извращенные понятия.

Эля почти не слушала отца. Она смотрела на противоположную сторону проспекта. Там, под светофором, остановился странный мужчина. Он сначала высоко подпрыгнул, потом подбросил вверх свой портфель. Потом закружился вокруг столба и, наконец, сделал «ласточку». Отец тоже заметил странного гражданина и тут же отреагировал:

— Вот, еще один «нормальный».

Но что-то в облике этого гражданина было такое, что, когда загорелся зеленый свет, Олег Иванович не двинулся с места. Эля тоже осталась стоять, почувствовав, что сейчас произойдет что-то любопытное.

Гражданин бежал через проспект, расставив руки, как крылья, и виляя, как лыжник-слаломщик. Он орал на всю улицу:

— Дин! Сколько лет, сколько зим!

Папа, как вкопанный, стоял под светофором. Незнакомец налетел на него, чуть не сбив с ног.

— Привет! Ну ты даешь! Лысый, в шляпе! А живот!

Это ты? А кто это с тобой? Так, угадаю с трех раз: дочь? Рыжая, наш человек!

Отец только крякал в его мощных объятиях:

— Веди себя прилично, Муфлон.

— Что я слышу? И это говоришь ты? — папин друг сделал круглые глаза и обратился к Эле. — Это говорит человек, от которого рыдали все преподаватели в школе и в институте!

— Да? — удивленно посмотрела на странного гражданина девочка. — А папа говорил мне, что был отличником.

— Отличником он был, не спорю.

— Так почему рыдали учителя? — спросила Эля.

— Муфлон, прекрати, нам некогда. Эля, пойдем домой, нас мама ждет! — вышел из оцепенения папа.

— Не торопись! Мы же не виделись лет десять. Вы хотите знать, милое дитя, почему рыдали учителя? Ну, как не рыдать, если ваш папа взорвал кабинет химии, принес на урок биологии ужа, а в сумку математичке подложил крысу!

— Знаешь что? — возмутился в ответ отец. — Кто бы говорил? Ты вспомни, сколько раз ты устраивал короткие замыкания! А в спортзале превратил канат в «тарзанку». Что, забыл?

— Как же, помню! Ты еще грохнулся с нее, как мешок с картошкой, и подвернул ногу, — парировал папин друг.

— Я — как мешок с картошкой? А ты, а ты... Помнишь, когда мы пошли в поход, ты повис над ущельем? Точно уж мешок, только не понятно, с чем, — ответил отец.

— Хорошо, не спорю. Но вспомни, пожалуйста, как ты перевернулся на байдарке, когда мы переправлялись через пороги. Да еще ногой зацепился за веревку, — расхохотался в ответ друг.

— А ты забыл, как тебя снимали с сосны, когда тебя занесло в лес на дельтаплане? — вспомнил отец.

— А ты помнишь, как повис над водой, когда не работала резинка? — ткнул пальцем в грудь папу его раскрасневшийся друг.

— Какая еще резинка? — спросил отец.

— Та, которую мы выклячили в медпункте. А потом сделали конструкцию, чтоб прыгать с моста, привязанными за ногу, — напомнил Муфлон.

— Это называется «джампинг». В Гидропарке есть вышка с таким приспособлением, — вмешалась в разговор Эля.

— Где, ты сказала? — в один голос спросили отец и его друг.

— В Гидропарке, — робко повторила Эля.

— Едем! — скомандовал Муфлон.

— Сезон начинается в мае, — сказала Эля.

— Еще две недели ждать, — сокрушенно проговорил папа.

Они еще немного поговорили, обменялись визитками и разошлись. Уже подходя к дому, Эля спросила отца:

— Так на когда ты взял билеты в оперу?

— На следующую субботу, — с надеждой посмотрев на дочь, ответил отец.

— Только я надену мамины туфли лодочкой, те, бежевые, без каблучков.

— Хорошо, доченька, — радостно откликнулся папа.

Открывая входную дверь, Эля вдруг остановилась и спросила:

— А твой друг тебя как-то странно назвал — Дин. Это была твоя кличка?

— Да, — неохотно ответил отец.

— А что она означает?

— Это сокращенно, от Динамита...

Несостоявшийся КОНТАКТ

Э то лето было для Вовы удачным как никогда. В конце мая он случайно встретил своего бывшего одноклассника Егора, который предложил ему поехать поработать в лагере на берегу Черного моря. Егор учился в кулинарном училище и ехал туда на практику. Напарника, с которым он собирался ехать, забрали в больницу с приступом аппендицита. Надо было срочно искать замену, потому что

через два дня практиканты должны быть на месте. Хотя Вова учился в строительном техникуме и в кулинарии разбирался только как дегустатор-любитель, предложение было слишком заманчивым, чтобы отказаться. Зачеты он уже кое-как сдал, родители были только рады тому, что их сын будет чем-то занят все три летних месяца. Короче, Вова поехал в лагерь.

Они с Егором помогали на кухне. Работу им доверяли простую и не очень ответственную. Вова хоть и не любил напрягаться, но со своими обязанностями справлялся. Разгружал продукты, помогал таскать тяжеленные кастрюли, перебирать овощи. Умственного напряжения не требовалось, что для Вовы было немаловажным. На кухне работали, в основном, женщины. А они, как известно, народ добрый, если к ним найти подход. Вова это умел, поэтому его часто отпускали, и он часами мог валяться на пляже.

Три месяца пролетели незаметно. Вова загорел, поправился, можно даже сказать, отдохнул. Уже были уложены вещи в сумку, куплены билеты домой. Вова пошел на пляж насобирать ракушек для младшей сестренки. Набрав целый кулек разноцветных ракушек и круглых камешков, Вова прощальным взглядом окинул место, где ему было так хорошо эти три месяца.

— Эх, оставить бы след на память! — проговорил он.

И тут его осенила идея. Он бросился в сарайчик возле кухни. Уже давно он заметил там банку красной масляной краски. Она стояла в углу на полочке, а рядом лежала широкая кисть. «Как раз то, что надо», — обрадовался Вова и, спрятав краску в полотняный мешок, пошел по направлению к горе, возле которой был расположен лагерь. Это была красивая гора, которая называлась Спящий Рыцарь. Вова облюбовал на каменном склоне горы отвесную стенку подходящего размера. С трудом взобравшись на выступ, он достал краску и написал на камне: «Тут был Вова!» Писать было трудно и опасно. Но скоро все было готово. Выбросив банку и кисточку, Вова спустился вниз и с удовлетворением посмотрел на творение своих рук. Надпись была яркая, красивая. Видно ее было издалека.

«Вот мой след!» — во весь рот улыбнулся Вова.

До ужина было еще два часа. Вова растянулся на теплом камне, закинув руки за голову и глядя в небо.

...Межгалактический экипаж космического корабля «Встреча» готовился к контакту с третьей планетой Солнечной системы. К этому контакту Вселенский Совет Разумных Существ готовился уже несколько сотен лет. Экипаж был сформирован с особой тщательностью, с учетом особенностей всех видов жизни, населяющих эту планету.

В Центре наблюдений за полетом царила атмосфера радости и ожидания. Контакт с новой планетой, на которой есть разумная жизнь, — это событие, к которому долго готовятся и о котором потом долго говорят. Миллиарды существ во всей Вселенной прильнули к экранам своих телевизоров, наблюдая за полетом корабля «Встреча». Капитан корабля, представитель гуманоидно-моллюсковой расы планеты Крпнтащ, следил за экраном монитора. Место посадки было выбрано. Он задал параметры на бортовом компьютере и положил клешню на пульт кварковой защиты корабля.

— Корабль «Встреча» к посадке готов, — передал он в Центр наблюдений за Полетом.

— Готовность номер один! — прозвучал ответ из Центра.

— Место посадки выбрано! Начинаю сканирование местности, — произнес капитан корабля.

На экране дисплея в рубке показалось место предполагаемой посадки. Берег моря, пологий каменистый склон и отвесная гора со стороны материка — место идеально подходило для посадки корабля такого класса, как «Встреча». Компьютер закончил сканирование, и вдруг на экране стала видна какая-то надпись.

— Внимание, Центр! Вижу надпись на породе планеты. Включите дешифраторы.

— Дешифраторы включены!

Надпись на экране приблизилась. Экипаж космолета, работники Центра и все разумные жители Вселенной, взглядываясь в изображение на экранах телевизоров, застыли в ожидании, когда дешифратор переведет странную надпись на латингл — язык общения Вселенной.

И тут под надписью «ТУТ БЫЛ ВОВА» появился перевод: «HERE WAS WOVA»

Капитан корабля отшатнулся от экрана, когда прочитал надпись вслух:

— Тут был Даби-Зеро-Даби-Эй!!!

Вселенная замерла. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок, каждое бесполое существо Вселенной знали, что Даби-Зеро-Даби-Эй — имя космического пирата. Этот мятежный повстанец разрушил свою планету, взорвал три «красных карлика», направил гигантский астероид на соседнюю планету. Кроме того, что WOVA обладал высокими технологиями, его разум имел страшную разрушительную силу — он сознательно избирал насилие. Вселенная знала, что планета, на которой побывал WOVA, обречена. Рано или поздно, разумная жизнь на ней сама уничтожит себя.

— Отмена снятия кварковой защиты! Отмена снятия кварковой защиты! — прозвучал в рубке космолета приказ из Центра.

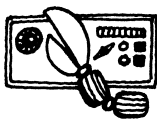
Капитан снял клешню с пульта.

В зал Центра наблюдений за полетами вошел президент Вселенского Совета Разумных Существ, и все встали, приветствуя его.

— Нам очень жаль, но мы вынуждены были принять это решение, — сказал он и подошел к карте Вселенной. — Мы блокируем пространство третьей планеты Солнечной системы. Отныне существа на этой планете не смогут принять ни один космический сигнал. И ни один их сигнал не пройдет сквозь эту защиту...

...Вова глядел в небо, наслаждаясь его безмятежной синевой. Вдруг сильная вспышка на какую-то долю секунды ослепила его, и парню показалось, что он увидел корпус летающей тарелки. Схватив камень, он кинул вверх:

— Разлетались тут! Мне бы ракету «земля-воздух», я бы показал вам, есть ли жизнь на Марсе!

Сказка СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

Так получилось, что в четыре года Аленка оказалась никому не нужной. Папу своего она вообще никогда не видела, а мама вышла замуж за чужого дядю и родила себе другую девочку. Чтобы новый мамин муж не сердился на Аленку, мама отправила ее к бабушке Людмиле Семеновне. Бабушка была еще совсем молодая, она запретила Аленке называть ее бабушкой. Девочка называла ее Милой. Через

год Мила тоже вышла замуж за Эдуарда Георгиевича. Он был военным в отставке и тоже почему-то все время сердился на Аленку. Мила собрала Аленкины вещи, игрушки, книжки и отвезла ее в деревню к прабабушке Даше.

Эдуард Георгиевич даже не вышел из машины, он только наблюдал, как его новая жена Мила передает девочку и ее маленький чемоданчик бабе Даше. Он заметил, что дед Семен недовольно нахмурился, когда сообразил, что к чему. Заметил он и то, как сверкнули дедовы глаза, когда Мила ткнула ему в руки помятую сторублевку.

Аленка помахала вслед машине ручкой, но ни Мила, ни Эдуард Георгиевич этого не увидели. Баба Даша всплакнула, обняв девочку, а потом повела в дом и принялась угощать ее козьим молоком и коржиками. Дед Семен куда-то исчез со сторублевкой и вернулся поздно вечером, когда девочка уже спала. Сквозь сон она слышала, как дед громко ругается, а бабушка плачет.

Баба Даша Аленку полюбила. И как было не любить девочку, которая во всем старается помочь? Утром Аленка первым делом бралась за веник и принималась подметать. Помогала мыть посуду, чистить картошку, бегала в магазин за хлебом. Баба Даша не могла нахвалиться девочкой и все время защищала ее, когда дед Семен приходил пьяный и буянил.

Аленка была очень смышленным ребенком. Она очень любила, когда бабушка надевала очки с толстыми стеклами и читала ей сказки. Между делом девочка выучила все буквы и к шести годам уже умела читать сама.

Однажды теплым летним вечером они сидели на крыльчке. Бабушка лушила фасоль, Аленка же, раскрыв свою любимую книгу сказок, читала бабушке вслух.

— Жили-были дед и баба, и была у них курочка Ряба. Снесла курочка яичко, не простое, а золотое.

Возле крыльчка ходили куры, клевали крошки и зернышки. Важный петух прохаживался рядом, наблюдая за порядком. Среди белых курочек была одна рябенькая, которая больше всех нравилась Аленке. Девочка пристально посмотрела на курочку, потом крепко зажму-

рилась и тихонько сосчитала до трех. Когда она открыла глаза, то увидела, что курочка присела и снесла яичко. Петух подошел к яйцу и наклонил голову набок, разглядывая его. Рябая курочка в смущении отошла в сторонку.

Яйцо было не простое, а золотое. Аленка втянула голову в плечи и посмотрела на бабушку.

— Вот чудо! — сказала баба Даша. — Сроду не видала таких яиц.

Она подняла его с земли и взвесила на ладони:

— Тяжелое!

В этот миг калитка отворилась, и во двор ввалился дед Семен. Увидев золотое яйцо в руках у своей супруги, он заорал:

— Что ты от меня прячешь? А ну-ка отдавай!

Дед выхватил яйцо из ее рук, и его глаза загорелись. Он бросился в дом и минут через десять появился на пороге. На нем была выходная рубашка в клеточку, синий пиджак и новый блайзер с длинным козырьком.

— Я в город, — коротко бросил он и побежал в сторону автобусной остановки.

Вернулся он через три дня — без блайзера, пиджака и вставной челюсти. Не отвечая на вопросы, залез на печку и не слезал с нее три дня.

Аленка помогала бабушке прибирать в кладовке. Они протирали банки с вареньем и консервированными помидорами, проверяли, не завелась ли моль в крупах, в сушеных яблоках. Найдя мешочек с прошлогодними орешками, бабушка дала их Аленке:

— Вечером пощелкаем.

Закончив уборку, они сели на крылечке. Бабушка молотком разбивала орехи, Аленка читала «Сказку о царе Салтане»:

Белка песенки поет,
И орешки все грызет,
А орешки не простые —
В них скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд...

Зажмурившись, девочка сосчитала до трех. Бабушка стукнула по орешку молотком, он раскололся надвое, и на крыльце остался лежать ярко-зеленый камешек.

— Что это? — удивилась бабушка Даша. — Скорлупка-то из чистого золота, а ядрышко-то — изумрудное!

— Да-а? — сделав изумленные глаза, сказала Аленка.

— Ты мне это прекрати, Аленушка! — строго сказала бабушка, сгребая орехи в мешочек. — Ишь ты, придумала! То яйцо золотое, то орехи эти. Да если их дед найдет, то уж точно домой живым не вернется.

Бабушка Даша спрятала мешочек в сундук.

— Не надо нам, доченька, этих чудесов. От них горе одно, — сказала она.

— Хорошо, бабушка, — согласилась Аленка.

Но через три дня, когда бабушка жаловалась, что и сахар кончился, и чай, и соль, Аленка отошла в уголок, тихонько открыла книжку, зажмурилась, и на столе появилась голубая скатерть с золотистой бахромой.

— Бабушка, это скатерть-самобранка. Давай попросим сахарку... — сказала Аленка.

— Ой, не нравится мне это, — заметила бабушка Даша, но, подумав, согласилась с Аленкой.

Дед Семен вечером подозрительно разглядывал пироги с маком и курагой, которые испекла баба Даша. Выловив в борще кусок мяса, он искоса поглядел сначала на жену, потом на правнучку:

— И как это прикажете понимать? Где взяли мясо? Вчерась жаловались, что соли нет, а сегодня стол ломится от снеди. Откуда это все?

Баба Даша и Аленка молчали и только вздрагивали, когда дед стучал кулаком по столу.

Недели через две он все-таки проследил, откуда берется в доме еда. Пока бабушка в огороде копала картошку, он достал из шкафа скатерть и тихонько пробрался в сарай. Только поздним вечером бабушка нашла его. Он сидел, расстелив скатерть на перевернутом корыте. Вокруг валялись пустые бутылки из-под шампанского, «Чинзано»

и водки. Пьяный дед спал, уткнувшись носом в блюдо с уткой по-пекински, а в руке держал надкушенный ананас. Бабушка забрала скатерть и спрятала в сундук.

— Аленушка, надо осторожнее с этими вещами. Ты же видишь, что получается, — уговаривала бабушка внучку.

— Хорошо, бабушка, я больше не буду, — пообещала Аленка.

Но потом она все-таки упросила бабушку, и у Аленки появился ковер-самолет. Когда деда не было дома, они с бабушкой его опробовали. Летал он хорошо, хоть и не очень быстро. Жаль только, что когда он приземлился, вдруг раздался голос:

— Это был предпоследний полет. В следующий раз ресурс полетов будет исчерпан.

— Чего-чего? — переспросила бабушка.

— Ковер может полететь еще только один раз, — объяснила Аленка.

Пришлось ковер тоже спрятать в сундук. Через несколько дней Аленка уговорила бабушку на шапку-невидимку. Вечерами они с бабой Дашей играли в прятки, бабушка звонко хохотала, когда внучка проходила мимо.

Дед шапку украл. К бабе Даше прибежала соседка Никифоровна и рассказала ей, какая история приключилась в сельмаге.

— Пошла я утречком в магазин, мне Зина сказала, что селедку давеча завезли. Стала в очередь, смотрю: вдруг дверь открывается сама собой... Потом как хлопнет! Продавщица аж подпрыгнула. Потом смотрю, с витрины три бутылки водки как бы бесследно исчезли. Слышу только: «звяк-звяк» — рядышком со мной. А потом... меня кто-то сзади как ущипнет! Я как закричу! Смотрю, а бутылка-то как шлепнется! Только осколки да лужа на полу! А потом голос, такой страшный, как заругается! Я так и села...

Дед шапку так и не отдал. Теперь он каждый вечер приходил пьяный.

— Вот видишь, что ты наделала! — плакала бабушка. — Не читай ты эти сказки. Одно горе от них. На

вот, держи хорошую книжку. Я ее у соседа для тебя попросила — «Повести и рассказы» называется. А написал И. С. Тургенев. Тут про природу — видишь, березки нарисованы. Читай, да не озоруй больше.

Бабушка пошла на огород, Аленка села к окошку читать новую книжку. Вернувшись, баба Даша увидела, что внучка стоит на коленках и пытается развязать узел на веревке, завязанной на шее маленькой мокрой собачки.

— Бабушка, помоги! — крикнула сквозь слезы Аленка.

— И какой это изверг сотворил такое? Как можно — такой беззащитной собачонке на шею камень привязать? — причитала бабушка, пытаясь дрожащими руками развязать узел.

Аленка отошла к окну, зажмурилась и входная дверь открылась. Пригибаясь, в комнату вошел высокий парень и отвесил низкий поклон.

— Герасим! Помоги скорее развязать узел! — взмолилась Аленка.

Герасим нежно замычал и принялся развязывать веревку на шее Муму. Собачка скулила и лизала его руки. В это время дверь снова отворилась, и вошел дед Семен.

— Ага! Вот ты и попалась! Полюбовника в дом привела, бесстыжая! — набросился он на бабушку Дашу.

— Господь с тобой, что ты мелешь, старый! — заплакала бабушка.

— Да еще эту собачонку без спросу в дом притащила! Может, у меня аллергия на собачью шерсть? Ты об этом подумала? — не унимался дед Семен. — Все! Терпение мое лопнуло, ухожу.

Он открыл сундук, достал оттуда несколько новых рубашек, белые полотняные подштанники, мешочек с золотыми орешками. Затем расстелил во дворе ковер-самолет и сложил все на середине.

— Перехитрить меня хотели? — крикнул он на прощание, погрозил кулаком и скрылся в небе.

— Ой, горе-то какое! — запричитала бабушка Даша.

— Горе? — спросила Аленка.

— Ну, вообще-то... Я ведь с ним жизнь прожила... Промучилась... — вытерла слезы уголком платка баба Даша.

Бабушка не видела, как Аленка раскрыла книжку сказок на страничке, где было написано: «Молодильные яблочки».

— Бабушка, не плачь, успокойся, — обняла ее внучка. — На, съешь яблочко.

— Спасибо, внученька. Только как я его угрызу, у меня зубов-то — раз-два и обчелся.

— А ты только разочек откуси, бабушка.

— Ой, и вкусное яблочко! — бабушка с хрустом съела все яблоко.

Герасим выронил из рук Муму, когда бабушка повернула к нему свое лицо.

— Чего это ты на меня так смотришь? — спросила она.

Аленка подвела бабушку к зеркалу, и оно, ойкнув, произнесло:

— Ты на свете всех милее, всех румяней и белее!

Бабушка, не веря своим глазам, смотрела на свое отражение. Перед ней стояла красивая молодая девушка с русой косой и бархатными карими глазами. Герасим подошел к ней сзади, во все глаза глядя на ее отражение. Зеркало, уловив Герасима в поле своего зрения, проговорило:

— Герасим, за тебя любая девка пойдет!

— Бабушка, ой! Можно я тебя буду мамой называть? — спросила Аленка.

— Конечно, доченька, — обняла Дарья девочку.

— А Герасима папой...

— А вдруг Семен вернется? — заволновалась бабушка.

— Не вернется! У ковра это последний полет. И полетел он в тридевятое царство, в тридешатое государство. А это аж в Новой Зеландии! Так как насчет Герасима?

Бабушка взглянула на красивого широкоплечего парня, который, достав из-за пазухи голубую ленту, протягивал ей. Собачка с восторгом бегала вокруг, прыгая и делая в воздухе кульбиты.

— Муму! Мы же не в цирке и ты не Каштанка!

Пойдем на улицу, — сказала Аленка, оставляя Герасима и бабушку наедине.

Во дворе на скамейке лежал томик Тургенева.

— Простите, Иван Сергеич, — полистав страницы, сказала Аленка, — но, по-моему, моя концовка лучше вашей. Правда, Муму?

— По-любому, — ответила собачка, вильнув хвостом.

В это время на крыльцо вышли Герасим и Дарья.

— Чудо-то какое! — проговорил Герасим, — Муму заговорила! Радость-то какая, девоньки вы мои!

Герасим сгреб в свои объятия Аленку и Дарью. Муму бегала вокруг и лаяла. Оно и понятно — разве радость можно выразить словами?

Волшебные грабли

Григорий поздним вечером возвращался домой навеселе. Неуверенной походкой он шел по улице, стараясь держаться ближе к заборам. Почему-то земля все время уходила из-под ног. Когда забор вдруг неожиданно резко отъезжал в сторону, Григорий падал в свежую майскую грязь.

— А все-таки она вертится! — удив-

ленно повторял он всякий раз, пытаясь подняться на ноги после очередного падения.

Деревенские собаки провожали Григория свирепым лаем.

— Вы на меня гавкаете?! — возмущенно обращался он к ним через забор. — На меня? На Григория Николаевича? Вы соображаете?

Собаки заливались еще громче.

— Да вы совсем совесть потеряли! — заключал он, переходя к следующему забору. — Все потеряли совесть! И ты, Шарик, против меня? — сокрушенно покачал головой Григорий, подойдя к соседскому забору. — Ты тоже совесть потерял. И твой хозяин Степан тоже потерял совесть. Три недели назад одолжил у меня пятерку и до сих пор не отдал. А жена его, Дарья? Да она вообще бессовестная! Дарья! У тебя нет ни грамма совести! — заорал он.

Забор качнулся и убежал куда-то влево. Поднявшись на ноги, Григорий продолжил:

— Все потеряли совесть. Продавщица Зина — ну та точно! Сдачу не дает, смотрит, как на врага народа, никакой культуры обслуживания. Поллитру сунет — ни улыбки тебе, ни «спасибо за покупку»! Бригадир Иван Иванович тоже совесть потерял: «Не опаздывай на работу, не прогуливай», а что на сердце у человека, никогда не спросит.

Григорий смахнул скупую мужскую слезу и продолжил, заходя в калитку родного двора:

— Галя, жена моя, тоже совесть потеряла. Вместо того чтобы встретить мужа, приголубить, поцеловать, все грызет и грызет: «Где получка, где шатался?» А теща! — Григорий присел на крыльцо. — Теща точно совесть потеряла. Никакого уважения! А кто в доме хозяин? Все потеряли совесть!

Григорий поднял глаза вверх. Звезды молча сияли в небе.

— Все потеряли совесть! — заорал он. — Боже! Неужели Ты не видишь? Сделай что-нибудь!

Качнувшись, он зашел в сени, и его тотчас встретил оглушительный удар в лоб. В сенях на мгновение стало светло, как на Елисейских Полях. «Галя — сковородкой» —

успел подумать Григорий. Хмель мгновенно прошел. Григорий нащупал на стенке выключатель и включил свет. Жены в сенях не было, на полу лежали грабли. «Теща подложила! — мелькнула у него мысль, но он тотчас ее отогнал. — А почему сразу — теща? Может, это Галя случайно оставила? На работе, бедняга, намаялась, пришла домой, а тут тоже полно дел. А вечером даже сил не было занести грабли в сарай».

Григорию стало стыдно: «Она крутится, как белка в колесе, а я напился, как свинья. Получку пропил, вывалялся в грязи!»

Сняв сапоги и одежду, он на цыпочках вошел в дом. Было тихо. «Теща не спит, — подумал он. — Если бы спала, то стены дрожали бы от храпа. Ой, что же это я на старого человека? — опомнился Григорий. — Сам состарюсь, какие буду звуки издавать?»

Он зашел в свою комнату, перегороженную ситцевой занавеской на две половины. Возле окна на диване спал Колька. Из-под одеяла торчали голые тощие ноги. «Какой он худенький! — подумал Григорий. — А каким ему быть, если отец — алкоголик, и кроме картошки и капусты дитё ничего не видит? Как он вырос! В каком он сейчас классе? В пятом, кажись? Надо бы с ним на рыбалку сходить».

Григорий поправил сыну одеяло и зашел за занавеску, где стояла их с Галей большая железная кровать. Жена делала вид, что спит. Она берегла свою злость на утро. Григорий тихонько залез под одеяло и подвинулся ближе к теплой спине супруги. Галя лягнула его пяткой.

— Галя! — тихо позвал Григорий.

— Опять напился! Спи, утром поговорим! — зашипела в ответ жена.

— Галчонок! — опять позвал Григорий и ужаснулся оттого, что за тринадцать совместных лет он впервые назвал жену именем, которое готов был повторять тысячи раз, когда они тайком встречались в колхозном саду еще до свадьбы.

Галя подскочила как ошпаренная:

— Галчонок? Он еще издевается! Напился, так лежи молча! Посмотри на меня, какой я Галчонок. Я превратилась в тяжело-воза! Целыми днями пашу как вол. А ты где был? Где получка?

— Прости, получки нет.

— Глаза б мои не видели твою пьяную морду, — заплакала Галя.

— Я не пьяный, — ответил Григорий.

Галя исподлобья взглянула на мужа и поняла, что он, действительно, трезвый.

— А чего орал под окнами? Всех собак в округе разбудил.

— Да это я о жизни думал, — ответил Григорий.

— Ну и что ты надумал? — с ехидцей спросила Галя.

— Все. Пить не буду, курить тоже. С Колькой на рыбалку в субботу пойду. В воскресенье пойдём в церковь.

Галя притихла. Она давно не видела мужа таким. Но она знала, если он говорит таким тоном, то выполнит обещание на сто процентов. Она придвинулась к мужу поближе.

— И никакой ты не тяжеловоз, — добавил Григорий. — У тебя просто все на месте. Красотулечка ты моя!

Утром Галя встала тихонько, стараясь не будить мужа. В сарае уже мычала Пятнашка, ожидая, когда хозяйка придет ее доить. Колька еще спал, спала и мама. Тихонько прикрыв за собой дверь, Галя вышла в сени и вскрикнула, получив звонкий удар граблями по лбу: «Какой дурак их сюда поставил? Ой, почему сразу — дурак? Может, Колька сено сгребал... Стоп! Какое сено в мае? Ладно, поставлю в сторонку, потом разберемся».

Услышав, что дочка пошла доить корову, теща Григория, Марья Васильевна, тяжело поднявшись с кровати, встала, чтобы пойти приготовить завтрак и выпроводить внука в школу. «Опять этот изверг всю ночь спать не давал! Все, хватит, пора Гале с ним разводиться. Лучше уж вообще без мужа жить, чем такого терпеть». — С этими мыслями она разожгла плиту, поставила чайник и вышла в сени.

Удар был не очень сильный, но точный: «Это он специально грабли кинул под ноги! Вот злодей! А может, не он? Вообще, когда он что-нибудь, кроме бутылки, последний раз в руках держал? Чтоб тебя... Ой, что же я так? Все грызу его и грызу. Может, стоит попробовать по-хорошему?»

Колька встал, наскоро умылся, позавтракал, запихал как попало книжки в портфель. Оглянувшись по сторонам, он

вытащил из батиного пиджака, что висел на вешалке, пачку сигарет и спрятал в своем кармане.

— Ба, я пошел! — крикнул он. — Глухая, что ли, не слышишь ничего!

В сенях его встретил оглушительный удар по лбу.

— За что? — заорал Колька, и в его сознании всплыло начало длинного списка: за сигареты, за двойки, за плохие слова, за прогулы, за то, что украл в кабинете химии колбу, не понятно зачем...

Увидев, что это грабли, а не кто-то из родственников, Колька осторожно прислонил их к стенке и пошел в школу.

Григорий проснулся позже всех. В кухне на столе стоял завтрак, аккуратно накрытый чистым полотенцем. Выглянув в окно, Григорий увидел, что теща копается в огороде. «Перед людьми хочет показать, что она вкалывает, а зять плохой, — подумал он, и тотчас шишка на лбу заныла с невероятной силой. — Что это мне такое в голову лезет? Надо пойти помочь».

До работы время еще было. Григорий вышел в огород и сказал:

— Давайте я, мама.

Теща взглянула на него, и в ее голове пронеслось: «Паразит, он меня еще мамой называет!» Рука ее дернулась ко лбу, потому что ей показалось, что кто-то пытается вбить ей в лоб гвоздь. Она почесала шишку и отдала лопату.

Григорий за полчаса вскопал грядку и пошел на работу.

Весь день он ловил себя на том, что как только у него появлялись плохие мысли, шишка на лбу начинала сильно болеть.

Возвращаясь домой, Григорий наломал возле речки букет сирени. Дома за его ждала семья. Теща приготовила «фирменный» борщ и вареники. На Гале была новая пуховая кофточка, а Колька сидел умытый, с стриженными ногтями. Галя все время говорила, смеялась и краснела, глядя искоса на мужа.

— Какая ты красивая, — шепнул ей на ухо Григорий.

По тому, что теща почесала лоб, он догадался, что сказал недостаточно тихо.

Субботнее утро началось с того, что в двери постучал Степан. Теща загородила вход своим мощным телом:

— Чего пришел? Посмотри на часы, сейчас пять часов утра. Григорий еще спит!

— Извините, Марья Васильевна, я долг принес. Вот, брал у Григория пятерку, передайте ему. Вы простите, если что не так.

У Марьи Васильевны было плохое зрение, и она не увидела, что у Степана на лбу красуется огромная фиолетовая шишка.

В селе творилось что-то непонятное. Продавщица Зина стояла за прилавком в чистом халате. Она никого не обвешивала, не обсчитывала и не продавала школьникам сигареты и пиво. Мужики не покупали водку. Стоило кому-то из них посмотреть на витрину, где стояли бутылки с «зеленым змием», как они, вскрикивая, и хватались за лоб. Женщины принарядились, и возле сельской парикмахерской выстроилась длинная очередь. Парикмахерша Рая делала всем стрижки с затейливыми челками. Директор школы вышел вместе со всеми на суббота-ник и лично красил школьный забор, надвинув шляпу на брови.

А в воскресенье все проснулись в шесть утра от громкого перезвона на сельской церквушке. Колокола звонили не умолкая. Жители села, наскоро одевшись, бежали к церкви. На колокольне, в развевающейся рясе, стоял отец Федор и звонил в колокола. Перекрикивая звон, он вещал зычным голосом:

— Покайтесь, братья и сестры! Приблизилось Царствие Небесное! А как мы живем? Мужики пьют, как свиньи, бабы вкальывают с утра до ночи, дети без присмотра всяким гадостям учатся! В церковь только на Пасху яйца святить ходите. Слово Божье забыли. Как мы живем? Прости нас, Господи!

Отец Федор колотил в колокола и плакал, глядя в небо. На лбу его красовалась свежая шишка.

Лесные орхидеи

Костя шел на свидание. Настроение у него было совсем не подходящее для такого случая. Стипендия должна быть в понедельник. В кармане у Кости было полторы гривны мелочью. Когда в общежитие позвонила Вика, он обрадовался. Они познакомились неделю назад в спортзале, куда Костя приходил по вечерам поиграть в волейбол. Вика привела его сокурсница Юлька. В тот вечер игры не

получилось. Все внимание ребят было приковано к красивой, стройной Юлькиной подружке. Играла она здорово — легкая, подвижная, она просто летала по площадке. От Вики исходила какая-то веселая, жизнерадостная сила и доброжелательность. Ребята перед ней просто обалдели. Каждый норовил показать свою ловкость, быстроту и хватку. Костя все время пропускал мяч и бил не туда, куда надо.

После тренировки Вику пыталась проводить домой почти вся волейбольная команда ребят. Проходя мимо шумной компании, Костя услышал звонкий Викин смех:

— Нет, нет! Нам не по пути. Я живу на Подоле.

— А я на Оболони, — сказал Костя, и уши его вспыхнули, как два фонаря в ночи. — Нам по пути.

Наклонив голову, Вика сказала:

— Хорошо, только до метро пойдем пешком.

Оглянувшись, Костя увидел, как ребята провожали его взглядами. Это были взгляды вражеской армии.

Они шли втроем. Юлька почти всю дорогу молчала. Зато Костя болтал без умолку. Он сам себе удивлялся — вообще-то он не отличался разговорчивостью. Но Вика оказалась удивительной собеседницей. Ее было интересно слушать, было интересно с ней спорить. А когда она слушала, то было интересно на нее смотреть. Костя провел девочек до самого дома. Они обменялись телефонами, и Костя, как на крыльях, полетел в общежитие.

Он позвонил Вике на следующий день, но они не смогли встретиться, потому что заболела ее мама, и Вике надо было сидеть с маленьким братиком. Они, наверное, полчаса разговаривали по телефону, пока Костю не отогнал от телефона дежурный. Всю неделю они перезванивались, и наконец Вика сказала, что может с ним встретиться.

Костя бросился к товарищам по общежитию, чтобы одолжить хоть пару гривен. Но перед стипендией денег ни у кого не было.

Он шел по улице. Весна то наступала на зиму, то опять куда-то пряталась. Сейчас как раз была оттепель. Костя чувствовал это особенно остро — у него протекали кроссовки. Взглянув на свое отражение в витрине магазина, он подумал: «Я, вообще-то, ничего, однако новая куртка мне бы не помешала».

Проходя мимо лотка с «хот-догами», он услышал, как в его животе взревел дикий зверь. Продащица была из тех, которые мертвого уговорят купить то, что они продают. Она задорно кричала во весь голос:

— Молодые люди! Не проходите мимо, покупайте «хот-доги». Горяченькие, румяньенькие, пушистенькие! Сама бы съела, но специально для вас сберегла.

«Хот-дог» стоил ровно гривну пятьдесят. В желудке у Кости урчало так, что ему показалось, что даже продащица услышала, потому что на мгновение замолчала.

— Молодой и интересный! — крикнула она, глядя на Костю. — Купите «хот-дог», на счастье.

Костя, взяв себя в руки, мужественно прошел мимо.

«А почему она сказала, чтобы я купил “хот-дог” на счастье? — вдруг подумал он. — А что, если бы я купил этот “хот-дог”, съел бы его и вдруг нашел сто гривен? Я бы тогда купил Вике букет роз, и мы пошли бы в кафе или в кино. Нет, на кино бы уже не хватило... Нет, не так! Я бы съел “хот-дог” и нашел пятьсот гривен! Я купил бы розы, мы сходили бы в кино и пошли бы в ресторан... Да-а, в ресторан в моих джинсах и свитере? Начнем сначала. Итак, я съедаю “хот-дог”, нахожу “кейс”; а там — миллион! Я захожу в самый крутой магазин, покупаю самую крутую одежду, покупаю Вике букет роз, нет, букет орхидей, сажусь в такси... Нет, заказываю лимузин, подъезжаю, выхожу...»

— Купите подснежники! — вдруг прервал Костины мечты тоненький голосок.

Перед Костей стояла девочка лет восьми, укутанная в полосатый вязаный шарф. В руках она держала маленький букетик подснежников. Ее руки покраснели, нос тоже. Наверное, она уже несколько часов стояла на улице, и у нее остался один букет. Девочка пританцовывала на месте. Взглянув на ее ноги, Костя понял, что и ее кроссовки, вероятно, протекают.

— Сколько стоит? — спросил Костя.

— Пятьдесят копеек, — ответила девочка, и в ее карих глазах появилась надежда.

«Прощай, “хот-дог”, который так и не принес мне счастье! — подумал Костя и купил букетик. — У меня осталась гривна, на нее

можно купить разве что батон... Такую девушку, как Вика, надо угощать взбитыми сливками, шоколадом и соком манго. Представляю, что бы она мне сказала, если бы я угостил ее батоном!»

Костя остановился под фонарем, ожидая Вику. Он увидел, как она вышла из подземного перехода. Его сердце екнуло, и ему захотелось закричать на всю улицу: «Эта девушка идет на свидание со мной!»

— Это мои любимые цветы, спасибо! — она взяла из рук Кости крошечный букетик, и Костя понял, что она говорит правду. Они пошли по улице мимо сияющих витрин магазинов, ярких вывесок кафе. Вдруг Вика остановилась и сказала:

— Чувствуешь?

Костя остановился.

— Чем пахнет? — спросила Вика.

— Свежим хлебом, — потянув носом, ответил Костя.

Он зашел магазин и купил горячий, ароматный белый батон.

— Нет ничего вкуснее свежего хлеба, — сказала Вика и отломилась горбушку.

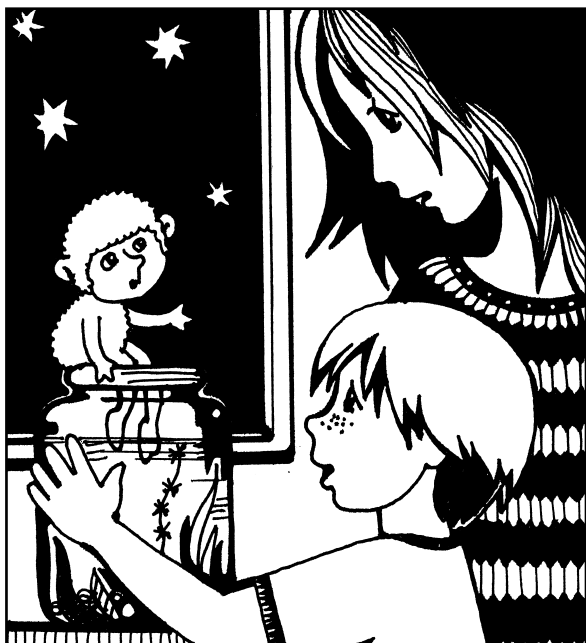
Они шли по весеннему городу, по аллее, вдоль которой росли каштаны. Почки на деревьях были готовы вот-вот лопнуть и превратиться в листья. Вика и Костя по очереди отламывали от батона куски и с аппетитом ели.

«А ведь я счастлив! Я иду по самому красивому городу в мире, ем самую вкусную еду на свете, и рядом со мной идет самая красивая девушка во всей Вселенной!» — подумал Костя.

— Знаешь, — сказала Вика, — подснежники похожи на орхидеи. Это, наверное, такой сорт — лесные орхидеи!

Стать ЧЕЛОВЕКОМ

Анжела сидела на кровати и плакала от досады. Ну как не плакать и не злиться, если ее родители поехали на Кипр, а ее с младшим братом и этой противной Лорой заперли на дачу! И это в середине мая! С одной стороны, это не очень плохо — не надо будет сдавать экзамены в школе. После того как мама побеседовала с классной руководительницей, она поняла, что

ее дочь экзамены за девятый класс просто не сдаст. Задав Анжеле вечером хорошую взбучку, родители решили, что для того чтобы избежать лишней нервозности и позора, лучше дочку от экзаменов освободить.

Папа Анжелы мог все. Первым делом он достал справку, что его дочь лежит в больнице в инфекционном отделении. Потом пошел в школу и договорился с директором, что дарит школе компьютер, а взамен получает табель дочери с нормальными оценками. Потом, набив багажник продуктами, посадив в машину Анжелу, Кириюшу, Лору и Басю, отвез их на дачу. А чтобы дочь не воспринимала эти действия как избавление, запретил звонить друзьям по телефону и выходить за пределы двора. На прощание папа помахал перед носом Анжелы билетами на Кипр и уехал вместе с мамой.

И вот теперь ей предстояло сидеть здесь три недели. А что значит быть на даче в мае?! Да еще такой холодной весной! Никто из ее друзей в такое время на дачу не приезжает, разве что на выходные.

Их поселок — особенный. Тут не увидишь обычных дачных домиков, вокруг одни дворцы и крепости. Это, как говорят сейчас, элитный поселок. Тут никто не выращивает картошку, нет овощных грядок. Их трехэтажная дача возвышается на холме, на берегу озера. Вокруг дома, с трех сторон обнесенного высоченным забором, который упирается прямо в озеро, растет только трава, да и то не обычная, а голландская. На обширном пространстве посажены несколько фруктовых деревьев, три серебристые ели, с десятков кустов жасмина и роз. К озеру спускаются ступеньки, вдоль которых змейкой вьются ползучие горные цветы. Слева — небольшой бассейн с фонтанчиком, песочница и качели. А возле самого озера — деревянный ангар, где хранятся лодка и скутер. Так выглядело место, где Анжеле предстояло пребывать в течение трех недель.

Кириюша дачу любил. Понятно, шестилетнему малышу тут можно найти много интересного. Прошлогодние

игрушки, грузовой велосипед с откидывающимся кузовом, его собственная садовая тачка, грабли, лопата. С радостными криками он носился по дому, хвастая все новыми и новыми находками.

Бася заново осваивала свою будку. По-правде, это сооружение даже отдаленно не напоминало собачью будку. Понятно, что для сенбернара нужно было построить что-то особенное, но не настолько же! Среди пышных кустов ароматного жасмина стоял сказочно красивый белый домик с колоннами, крытый красной черепицей. Вход сделан в виде арки, в стенках — два круглых окошка. Рядом с домиком — две резные мраморные скамеечки для мисок с едой и водой. В будку проведен свет, потому что собака ужасно труслива и боится темноты. Бася очень радовалась, когда Кирюша залазил к ней в будку, и пыталась угостить его косточками, которые специально прятала для таких случаев под матрац.

Лора, их домработница, разбирала сумки с продуктами. Анжела ее не любила. Во-первых, она была бездушная, как робот. Со своими обязанностями она справлялась хорошо — готовила, убирала, стирала, купала Кирюшу и Басю. Но ни Анжела, ни Кирюша никогда не слышали от нее ни похвалы, ни слов раздражения. Иногда Анжела специально поддразнивала ее, чтобы вывести из себя и увидеть на ее лице хоть тень человеческих эмоций. Но напрасно — Лора была непробиваемая. Ее лицо, покрытое толстым слоем макияжа, напоминало маску. Возраст Лоры определить было невозможно. Глядя сзади на ее фигуру ей можно было дать лет двадцать, на лицо — лет тридцать, на шею и руки — сорок. Но, скорее всего, она была еще старше, хотя очень умело это скрывала. Лора носила парик. Это обнаружил Кирюша, когда закатывал очередную истерику и случайно схватил ее за волосы. Под париком были очень коротко стриженные, совершенно седые волосы. Кирюша так испугался, что три ночи не мог спать после этого.

Анжела решила разобрать свои вещи завтра, а пока достала плеер и вставила свой любимый диск. Слушая музыку, она провалялась на кровати до ужина, потом немного посмотрела телевизор. Антенна ловила только одну программу, по которой шел какой-то нудный исторический фильм.

Она рано легла спать и от злости быстро уснула. Ночью шел дождь и громыхал гром. Анжела проснулась оттого, что Бася выла под дверь. При каждом ударе грома ее вой превращался в истошный визг.

«Где эта Лора? Неужели она не слышит?» — Анжеле пришлось самой вылезти из-под одеяла и спуститься вниз. Она приоткрыла входную дверь, и Бася, чуть не сбив ее с ног, бросилась в гостиную и улеглась на диване. В комнате сразу установился стойкий запах мокрой псины. Потом Бася вспомнила, что не поблагодарила свою избавительницу, вскочила с дивана и подбежала к Анжеле, тычась в нее слюнявой мордой.

Закрывая дверь, Анжела выглянула во двор и поежилась. Дождь лил сплошной стеной, молнии сверкали по всему небу, гром грохотал почти непрерывно. Вдруг молния сверкнула с особой силой, небо как будто раскололось на две части. И тут между этих двух половинок неба Анжела увидела зеленый огненный шар, который тяжелой каплей упал в озеро прямо напротив дома.

«НЛО, — подумала Анжела. — Елки, и поделиться не с кем, что я видела НЛО!»

К утру гроза стихла, но дождь не перестал. Он сыпал, как из сита, было холодно и противно. Лора, накормив детей завтраком, уехала на городскую квартиру якобы поливать цветы.

Кирюша просился во двор, и Анжела, наконец, согласилась составить ему компанию. Они надели куртки, резиновые сапоги и вышли из дома. Бася сунулась было за ними, но Анжела загнала ее в дом, потому что утром Лора выкупала ее и высушила феном.

— Сиди дома, а то опять намокнешь и будешь вонять

целый день, — приказала Анжела собаке. Бася, положив лохматую голову на лапы, страдальчески вздохнула и посмотрела вслед детям.

Кирюша взял с собой ведро и лопатку. «Решил вспомнить детство», — прокомментировала Анжела. Прошлогодний песок в песочнице был грязный и мокрый. Кирюша потащил сестру к озеру, где песок был чище. Он копался возле воды, а Анжела молча наблюдала за ним, ожидая, что скоро братишка либо замерзнет, либо ему надоеет ковыряться.

— Кирюша, пойдем домой! — через каждые пять минут повторяла она, но ответ был неизменным:

— Сейчас, еще капельку!

Анжела знала, что с братом спорить бесполезно. Характер у него был папин. Но, наконец, ему надоело:

— Все. Сейчас помою ведерко и пойдем.

Кирюша осторожно зашел в воду и начал мыть ведро. Он делал это тщательно, с полной отдачей. Уж если он взялся мыть, то вымоет до блеска. И вот он в последний раз набрал воды в ведерко, заглянул в него, чтобы определить, чистая ли вода, и вдруг радостно закричал:

— А я рыбку поймал!

Анжела заглянула в ведро. В воде, действительно, плескалась маленькая зеленоватая рыбка.

— Отпусти, пусть плавает! — сказала Анжела братишке.

— Нет, я ее возьму домой, она у меня будет жить! — возразил Кирюша.

— Она сдохнет.

— Нет, я ее буду кормить, — настаивал брат.

— Это не аквариумная рыбка, она не выживет, — разлилась Анжела.

— Я ее буду любить, и она выживет! — ответил шести-летний упрямец.

— Хорошо, я помогу тебе сделать для нее аквариум, — вздохнув, согласилась Анжела. — Надо нарвать водорослей.

Придя домой, они налили в трехлитровую банку чистой колодезной воды, насыпали на дно песок, бросили несколько камешков, посадили веточки водорослей. «Видал бы меня сейчас Макс! — подумала Анжела. — Вот уж потешался бы: школьная королева красоты за своим любимым занятием — разведением карасей!»

Пустив рыбку в банку, дети стали наблюдать за ней. В чистой воде она была особенно красивой: перламутровые чешуйки переливались всеми цветами радуги, огромные зеленые глаза смотрели приветливо, оранжевый хвостик и плавники горели как огненные.

— Какая красивая! — вырвалось у Анжелы.

— Не какая, а какой. Это не рыбка, а рыб, мальчик. И зовут его Ори. Он мой друг, — сказал Кирюша.

— Вечно ты что-то выдумываешь! — скривилась Анжела.

— Я не выдумываю. Это так и есть, — ответил братишка.

Налюбовавшись новым Кирюшиным другом, Анжела пошла в свою комнату и снова принялась слушать музыку. Вскоре вернулась Лора, приготовила обед, они пообедали, посидели перед телевизором, потом поужинали и, наконец, улеглись спать.

Утром Кирюша прибежал в комнату сестры с криком:

— А у Ори выросли ножки!

Анжела посмотрела в банку. И правда, у рыбки сзади вместо нижних боковых плавников появились две лапки, а хвостик исчез. Ори явно увеличился в размере. Он плавал в воде, кувыркался и приветливо поглядывал на детей.

— Ну и дела! — сказала Анжела. — Так это не рыбка, это тритон или лягушка? Как я вчера это не определила? Так что, Кирюшенька, будем разводить жаб!

— Сама ты жаба! Ори — нинчу, — разозлился брат.

— Какой еще нинчу? Не бывает никаких нинчу! Мы в школе не учили ни про каких нинчу.

— Двоечница! — крикнул Кирюша и убежал, показывая язык.

Анжела вдогонку бросила в него тапочкой, но не попала, братец в ответ ехидно засмеялся. Хлопнув дверью, сестра демонстративно удалилась.

Вечером брат сообщил, что у Ори выросли ручки. Анжела все еще дулась на него и даже не пошла посмотреть. Но утром ее ждал очередной сюрприз: Ори сидел на краю банки и бултыхал в воде лапками. Они с Кирюшей пересвистывались. Анжела еле устояла на ногах.

— Анжелка! Он меня понимает! — восторженно заорал Кирюша. — Смотри!

Кирюша свистнул один раз — Ори откликнулся, тоже свистнув раз. Кирюша свистнул два раза протяжно и один раз коротко — Ори повторил точно так же, сохраняя интонацию и высоту звука.

Анжеле стало страшно.

— Кирюша, тут что-то не так. Я, конечно, в биологии профан, но так не бывает! Это не рыба, не жаба, это непонятно кто. Смотри, у него исчезла чешуя.

— Зато появилась шерстка, смотри, какая она шелковистая! — восхищенно глядя на своего друга, сказал Кирюша.

— Помнишь, мы смотрели триллер, там тоже в воде поймали непонятное существо. Оно тоже очень быстро росло, а потом всех сожрало. Твоего Ори надо или выбросить или убить.

— Ты что, с ума сошла? Убить Ори! — Кирюшины глаза округлились.

— Посмотри, он вчера был не больше твоего мизинчика, а сейчас, как крупный хомяк. У него скоро вырастут щупальца, челюсти, он покроется слизью и сожрет нас! Он будет откусывать нам головы, и они будут хрустеть, как чипсы, — стараясь убедить братишку, Анжела и сама начинала верить в это.

— Нет! Ори не такой! Он хороший. Нинчу не едят людей!

— Откуда ты знаешь?

— Он мне сказал!

— Как? Он не умеет говорить, — возразила Анжела.

— Умеет, только ты не можешь его понять, — не уни-
мался брат.

— Ага, я не умею, а ты умеешь? Почему это?

— Потому что ты его не любишь! — Кирюша заплакал. Не от злости и не для того, чтобы что-то заполучить. Анжела посмотрела на брата. Таким она еще его не видела. Кирюша всхлипывал, загоразживая собой своего друга:

— Он не ест даже печенье. Смотри, я предлагал ему всякую еду, а он съел только кусочек огурца и выпил капельку молока. — Кирюша показал на столик, где стояли тарелки, чашки и блюда с разной едой.

Анжела взглянула на Ори. Его глаза были такими грустными, что она покраснела, потому что ей показалось, что он все понимает.

— Елки, и посоветоваться не с кем. Лоре все равно. А если нас кто-то и сожрет, она только обрадуется. Хоть бы родители позвонили.

Кирюша выпросил у сестры домик Барби, которым она когда-то играла, и поселил Ори там. Анжела помогла брату собрать домик, расставить мебель, застелить кровать. «У меня окончательно поехала крыша, — думала Анжела. — Чтоб в пятнадцать лет возиться с жабой, которая превратилась в хомяка! Дарвина сюда бы! Хорошо, что Макс этого не видит!»

Вечером позвонили родители, но было так плохо слышно, что дети поняли только, что на Кипре прекрасная погода, и что они загорают и купаются.

На следующий день Анжелу разбудили крики и возня. Спустившись вниз, она увидела, что Кирюша и Ори катаются по гостиной на Басе. Увидев Анжелу, Ори прижался к Кирюше и зарылся мордочкой в его пижаму. Размером он был с крупного кота. — «Так, домик Барби ему уже не понадобится», — подумала Анжела.

— Он тебя стесняется, — объяснил Кирюша.

— Почему это? — удивилась Анжела.

— Он не одет.

— Слушай, ты в своем уме? — возмутилась она.

— Ему надо сшить одежду, — категорично заявил Кирюша. — Ну Анжелочка, ну пожалуйста!

— Не буду я ему ничего шить!

— А я тогда расскажу папе, что ты целовалась с Максом, — прищурился брат.

Анжеле ничего не оставалось, как найти в шкафу старую футболку и сшить Ори костюм. Шить она любила, это ее немного успокоило.

Когда Ори предстал перед ней в полосатых брючках и голубой кофточке на молнии, она невольно улыбнулась. Перед ней на задних лапках стояло симпатичное существо. Личико у него было круглое, огромные зеленые глаза обрамляли длинные реснички. Блестящий розовый носик потешно шевелился. Золотистая шерстка кудрявыми прядками спадала на лоб и плечи. Кирюша был в восторге.

На следующий день Ори подрос так, что брючки стали похожи на шорты, а кофточка на топик. А через день Анжела полезла на чердак и отыскала ящик со старой Кирюшиной одеждой. Ори восхищенно засвистел, когда Кирюша стал помогать ему примерять свои джинсы, свитера, курточки. А когда он увидел кроссовки, то бросился целовать Кирюшу, а потом Анжелу. Пока Ори возился с пуговицами на курточке и липучками на кроссовках, Кирюша тихо сказал сестре:

— Ори хочет стать человеком.

— А откуда ты знаешь? — удивленно спросила Анжела.

— Он мне сказал.

— Как?

— Ну, пока он не умеет говорить, я его понимаю так. Но он учится. Ори! — позвал его мальчик. — Скажи: мама.

— Ма-ма, — протянул Ори и улыбнулся.

— А зачем ему становится человеком? — поинтересовалась Анжела.

— Его для этого сюда прислали.

— Кто? — испуганно спросила сестра.

— Я пока точно всего не знаю. Но мы должны ему помочь стать человеком. Сегодня я буду учить его кататься на велосипеде, — ответил Кирюша и убежал, схватив Ори за трехпалую ладошку. Тот был лишь на голову ниже мальчика.

Анжела села в кресло и задумалась. «Что происходит? Как это все объяснить? Стоп! — она вдруг вспомнила ту грозовую ночь, когда с неба в озеро что-то упало, — Как я могла про это забыть! Это точно был НЛО! Ори прилетел на нем с другой планеты! Теперь все понятно! Это как в том фильме, когда инопланетяне маскируются под людей, а потом завоевывают Землю! Что делать?»

Анжела вскочила, заметалась по комнате в поисках телефона. — «Кому позвонить? — лихорадочно думала она, — В фильмах в таких случаях звонят в центр космических исследований НАСА, но ведь это в Америке! А у нас куда можно позвонить? В милицию? Подумают, что розыгрыш. Класной руководительнице? Не поверит. Максу? Поднимет на смех». — Потом она вспомнила о папином запрете: — «А телефон-то у Лоры! Она не даст его мне, даже если надо будет вызвать пожарных». Анжела опять села в кресло. Выхода не было. Оставалось ждать, чем это все кончится.

Скоро Лора позвала детей обедать. Увидев Ори, она процедила сквозь зубы Анжеле на ухо:

— Скажи своему братцу, что я не буду кормить этого оборванца.

— Да он много не съест, не переживай.

— И посуду я за ним не буду мыть, — не унималась она.

Кирюша, услышав такое заявление, заорал:

— А я папе расскажу, что ты оставляла нас одних ночью, а сама куда-то уезжала!

Лора с каменным лицом поставила перед Ори прибор и налила в стакан апельсиновый сок.

— Спа-си-бо! — поблагодарил он.

За обедом Кирюша учил своего друга пользоваться столовыми приборами. Ори был на удивление способным. Анжела наблюдала, как он уплетает овощи, ловко орудуя ножом и вилкой, несмотря на то что на руках у него всего по три пальца.

После обеда Кирюша и Ори продемонстрировали, как Ори катается на велосипеде, играет в мяч и «водит» машинку с дистанционным управлением. Анжела зааплодировала.

— А теперь надо поклониться. Вот так, — показал мальчик своему другу.

— Вот так, — сказал Ори и элегантно поклонился.

— А еще он умеет пользоваться душем, туалетом и включать телевизор! — похвастался брат.

Вечером они учились читать и писать. Кирюша знал все буквы, правда, печатные, и умел писать несколько слов. Перед сном он показал сестре исписанные листки. Сначала это были неразборчивые каракули, потом буквы стали ровнее. Последний листок был исписан красивыми буквами. Ори научился писать лучше Кирюши.

На следующий день за завтраком Кирюша закатил Лоре истерику и потребовал, чтобы она привезла из дому компьютер, да еще с модемом, чтобы можно было выходить в интернет. На ее возражения юный шантажист заявил:

— А я расскажу папе, что ты пила коньяк в присутствии детей!

Через два часа Лора привезла компьютер и парня, который подключил его и настроил. До самой ночи Ори сидел в интернете. Кирюша все время находился рядом и пояснял, если что-то было непонятно. Анжела слышала обрывки фраз:

— «Медицина» — это что? — спрашивал Ори.

— Это когда человека лечат от болезни: например, когда из носа текут сопли.

— А они не должны течь?

— Нос их должен вырабатывать немного и задерживать в себе, — терпеливо разъяснял Кирюша. — А если насморк, то в носу заводятся микробы. Врачи убивают микробов. А у вас что, нет микробов, что, никто не болеет?

— Нет, на нашей планете только один вид жизни. Понятно, медицина — это исправление нарушенных функций организма, — заключил Ори. — А что такое «тюрьма»?

— Это когда один человек у другого что-то украл или убил кого-то, а его закрывают в комнате и никуда не пускают.

И в таком духе много часов подряд. Анжела слушала и удивлялась. Ори проглядывал информацию по физике, химии, астрономии, кивая головой, явно соображая, что к чему. Но в элементарных вещах он не разбирался. Кирюша полчаса объяснял ему, что значит «украсть», «обмануть». Значение слова «алкоголик» Ори, кажется, так и не понял. Наконец Кирюша уснул, тут же на стуле, возле своего друга. Анжела осторожно перенесла брата в постель, и сама пошла спать. Ори остался возле компьютера.

Утром, когда Лора позвала детей завтракать, Кирюша пришел один.

— А где Ори? — заволновалась Анжела.

— Он спит. Он целую ночь писал тебе письмо. Вот, возьми, — брат протянул ей несколько печатных листиков.

Письмо было следующего содержания:

«Дорогая Анжела! Я прошу тебя, не бойся меня. Я не нанесу вреда ни тебе, ни твоему брату, ни людям. Галактика, к которой принадлежит моя планета, находится в нескольких миллиардах световых лет от Земли. Я прилетел на вашу планету с миссией — мне надо стать человеком. Мой народ несколько сот тысяч лет готовился к тому, что посланник принесет знания на нашу планету, и мы обретем другую сущность. Помогите мне!

Моя планета называется Леа, а мы — нинчу, разумные существа. Нас рождает планета-мать, которую мы очень любим. Мы проходим цикл преобразований: сначала мы

похожи на ваших рыб, потом становимся похожими на тритонов, потом становимся такими, как я сейчас. Мы не умираем. На планете до сих пор живет первый нинчу. От рождения мы храним информацию, что должны измениться, стать похожими на существа с пятью пальцами, которые населяют другую планету.

На Леа нас уже четыре тысячи пятьсот семьдесят. Мы живем в городах, которые строим сами, у нас тоже есть музыка, телевидение, компьютеры. Мы много тысяч лет исследовали космос и, наконец, нашли вашу планету — планету, на которой живут люди. Я прошу вас от имени моего народа: помогите мне стать человеком!»

— Ну и задачка, — проговорила Анжела. — Стать человеком! Разве это возможно для другого существа?

— Для земных существ это невозможно, — сказал брат, — но ведь мы видели, как менялся Ори. Он уже очень похож на человека: читает, пишет, катается на велике. Он уже ростом выше меня. А вчера у него на руках и ногах появились четвертые пальчики. Может, его побрить?

Анжела вздрогнула:

— При чем тут — побрить? Нет, не это делает человека человеком. Давай подумаем. Чем мы отличаемся, например, от Баси?

Собака, до сих пор дремавшая на диване, насторожилась и подняла голову.

— Мы не пускаем слюни, — моментально ответил брат.

— Нет, не то.

— Мы ходим на задних лапах, а передними едим, пишем, — начал перечислять Кирюша.

— Не то...

— Мы ругаемся, деремся, пьем, курим...

Анжела удивленно взглянула на братишку:

— Кто это — «мы»?

— Ну, не мы, а люди вообще, — быстро ответил мальш.

— Не вздумай научить этому Ори.

Дети задумались. Вдруг Кирюшу осенило:

— Мы выходим замуж и рожаем детей!

Они вскочили, побежали в Кирюшину комнату и растолкали сонного Ори.

— Послушай, а на твоей планете все такие, как ты? Ну, только мальчики? — спросил Кирюша.

— Да, — ответил Ори, потирая глаза. — Но когда мы станем людьми, у нас будут рождаться дети.

Целый день они ломали голову, что же делает человека человеком. В интернете перерыли все по анатомии, психологии — но напрасно. Там об этом ничего не было.

Вечером опять начался дождь, Лора укатила в город, сказав, что кончились продукты. Анжела растопила камин, они разложили в гостиной диван и улеглись все вчетвером. Бася все время пыталась облизнуть Ори, он ей очень нравился. Вдруг Ори сказал:

— Я вам сейчас что-то покажу. Мне было велено сделать это в том случае, если будет плохо налаживаться контакт. И хотя контакт у нас налажен хорошо, я думаю, что имею право сделать это сейчас.

Ори стал возле дивана, сомкнул руки перед грудью, закрыл глаза и заговорил на своем языке, очень красивом, гортанном. Он начал раскачиваться из стороны в сторону, произнося слова нараспев. Потом вдруг замер и развернул руки ладонями вверх. Дети, как замороженные, увидели, что между руками загорелся зеленый огонек, отделился от рук и медленно поплыл вверх. Он постепенно увеличивался, превращаясь в полупрозрачный шар. Комната наполнилась каким-то свежим ароматом и прохладой. Бася шумно втянула носом воздух и твякнула. Шар достиг в диаметре метра два и замер в метре от пола. Он был как огромный, светящийся мыльный пузырь.

Вдруг его поверхность заиграла разными цветами, и внутри стало что-то происходить. Это было так неожиданно, что дети не сразу поняли, что в шаре появились какие-то изображения.

— Это ваше кино? — тихо спросил Кирюша.

— Можно сказать и так. Это память моего народа, — ответил Ори.

У них на глазах происходило рождение планеты Леа. Сначала это был огненный сгусток, потом вокруг него образовался слой пара. Сгусток сформировался в шар, на котором появились горы, реки, леса. Изображение приблизилось, создало впечатление, будто зрители оказались на поляне, освещенной зеленоватым светом. Вдруг из круглого покатого углубления в почве, похожего на кратер, стремительно вырвались два побега и, переплетаясь, начали быстро расти. Один из побегов, достигнув высоты трех-четырёх метров, согнулся и лопнул. Его стебель оказался полым, и из него к подножию растений хлынула вода. Скоро ею наполнился весь кратер, в котором росли побеги.

— Это сок жизни Леа-матери, — прокомментировал Ори.

И тут же на втором побеге стали лопаться мелкие горошинки, гроздьями украшавшие растение. Крошечные семена дождем падали в круглое озерцо, образованное потоком из первого побега.

— Это происходит раз в тысячу лет. Только из одного семени родится новый нинчу. Смотрите, вот он.

Дети увидели, как в прозрачной воде озера плескалась рыбка.

— Точно такой, каким был ты! — заметил Кирюша.

Через некоторое время на берег выполз тритончик, прошелся по лужайке, стал на задние лапки и вприпрыжку побежал вокруг озера.

— На самом деле все происходит гораздо медленнее. Пройдут тысячи лет, прежде чем нинчу станет на две ноги. Пройдут еще несколько тысяч лет, пока он отправится в город, где займется делом, которое будет ему по сердцу. Каждый год в день своего рождения он будет возвращаться к своему озеру и купаться в нем. Этот день называется днем обновления. Купание в озере дает ему возможность прожить еще год.

— А что если нинчу не сможет прийти вовремя? — спросил Кирюша.

— Такого еще не было. Это очень важно для нас, и ничто не может стать для нинчу препятствием... Но если это случится, нинчу познает смерть.

— Ты прилетел к нам восемнадцатого мая. У нас, вообще-то, еще есть время, но надо торопиться,— заволновалась Анжела.

— Наш год намного короче земного... — помолчав, сказал Ори.

— На сколько? — тихо спросил Кирюша.

— Он окончится через три дня...

Кирюша заплакал и обнял Ори.

— Ори! Анжелочка! Надо что-то делать!

— А что будет через три дня? — спросила Анжела, чувствуя, как к горлу подкатывается ком.

— Из глубины озера возле вашего дома поднимется шар, в котором находится сок Леа-матери. Если я исполню миссию, этот шар примет меня, и я обрету новую сущность. Шар поднимется в небеса и перенесет меня на мою планету. И нинчу научатся быть людьми. А если нет, то... Я познаю смерть.

— А что будет с народом нинчу? — спросила Анжела.

— Они будут рождаться, пока не иссякнет сок Леа-матери.

— А что потом?

— Не знаю, — ответил Ори. — Я не знаю! Этого не должно случиться! Я должен стать человеком!

— Может, спросим у Лоры, когда она приедет? — предложил Кирюша.

— У Лоры! Да разве она знает, что такое быть человеком? Она сама — робот! Только и способна, что мыть, готовить и стирать! — возмутилась Анжела.

— Ты и этого не умеешь, — буркнул Кирюша.

Он еле дождался, когда приедет Лора. Встретив ее в дверях, Кирюша помог отнести сумки на кухню, чем очень удивил ее.

— Ну, что тебе надо? — явно ожидая подвоха от мальчика, спросила она.

— Лорочка, скажи мне, пожалуйста, что делает человека человеком?

— Как сказал, не помню кто, труд сделал из обезьяны человека. Но я думаю, что это неправда. Например, меня труд опять превращает в обезьяну. От того что я таскаю эти тяжеленные сумки, руки у меня скоро вытянутся до колен.

— Я тебе буду помогать, — пообещал Кирюша.

Дети решили, что утром будут работать в саду. Анжела достала из лодочного ангара лопату, грабли, тачку и они принялись за работу. Обкопали деревья, сгребли прошлогодние листья, собрали ветки и водоросли, которые валялись возле озера. Потом свалили все на кучу и сожгли. Лора с подозрительностью наблюдала за ними из окна.

За обедом Ори разглядывал свои руки. Пятые пальчики не выросли, зато появились мозоли. У Кирюши и Анжелы тоже.

После обеда Кирюша начал умолять Анжелу попросить у Лоры телефон и позвонить родителям:

— Позвони папе! Он все может, он все знает.

— Проси у своей Лоры сам, — ответила сестра.

Кирюша пошел к домработнице и через несколько минут вернулся с трубкой.

— Ну и чем ты ее в этот раз шантажировал? — ехидно спросила Анжела.

— Ничем, я просто сказал, что очень соскучился по маме, — ответил он.

Анжела набрала номер папиного мобильного телефона. На этот раз слышимость была нормальная. Дети поговорили сначала с мамой, потом с папой. Прощаясь, Анжела спросила:

— Папочка, ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос: ты знаешь, что делает человека человеком?

— Конечно, знаю, дочка! Деньги!

— Деньги? — переспросила Анжела.

— Да, только они делают меня человеком. Где бы я был сейчас, если бы их у меня не было? Они меня заставляют двигаться, работать, думать, крутиться.

Кирюша побежал наверх, и Анжела услышала, как он грохнул копилку об пол. Когда они с Ори поднялись в нему, он ползал на четвереньках и собирал монеты, раскатившиеся по всему полу.

Денег оказалось восемь гривен шестьдесят три копейки. Кирюша высыпал их в карман куртки Ори и спросил:

— Ну что, чувствуешь себя человеком?

— Нет, — ответил Ори, но на всякий случай взглянул на руки. Пальцев, по-прежнему, было по четыре.

— Опять не то... — расстроился Кирюша.

— Стоп! — сказала Анжела. — Деньги надо заработать. А то получилось, что мы дали их тебе, как нищему. Это неправильно.

— Как же Ори может их заработать? — задумался Кирюша. Вдруг его лицо просияло. — Придумал!

Он побежал на кухню и о чем-то долго беседовал с Лорой. Вернулся с довольной физиономией и сообщил:

— Я договорился с Лорой. Сегодня мы пропылесосим все ковры в доме, вымоем пол на кухне и перемоем посуду. А она заплатит нам десять гривен.

— Десять гривен? Это же обдираловка! Знаешь, сколько ей папа платит?

— Это не имеет значения. Я договорился за десять. Не хочешь, можешь не участвовать. Справимся и без тебя, правда, Ори?

— Правда, — ответил Ори и посмотрел на волдыри на своих ладонях.

До позднего вечера Кирюша и Ори драили пол на кухне, пылесосили, мыли посуду. Лора, лежа на диване, делала вид, что читает журнал мод, а сама подглядывала за ними. Наконец Лора приняла работу и расплатилась, дав пятерку Кирюше и пятерку Ори.

Они опять были разочарованы, потому что все осталось по-прежнему. Поливая лопнувшие волдыри на четырехпалых ладонях Ори перекисью, Анжела с грустью произнесла:

— Бедные обезьяны — у них перекиси не было.

Ори задумчиво спросил:

— А это правда, что обезьянам надо было что-то сделать, чтобы превратиться в людей? Были какие-то условия для превращения? У нас все происходит естественно, само собой.

— Вообще-то, по-настоящему никто в это не верит, — сказала Анжела. — Когда мы проходили теорию эволюции в школе, то все смеялись и не верили.

— А почему? — удивился Ори.

— Да ведь все знают, как свои пять пальцев, что человека создал Бог, — ответил Кирюша.

— А кто такой Бог?

— Это наш Творец, Создатель, — ответила Анжела.

— Как наша Леа-мать? — спросил Ори.

— Не совсем так, — нахмурилась Анжела. — Я в этом не очень хорошо разбираюсь, но понимаю вот как: Бог создал все — и нашу Землю, и вашу планету Леа. Он создал жизнь. На вашей планете вы рождаетесь прямо из земли, а существа у нас размножаются сами.

— Так ваша планета не является матерью? — удивился Ори.

— Ну почему? В каком-то смысле она — мать. Как и ваша Леа. Но у нее есть Отец — Тот, Кто ее создал.

— Мне страшно! — сказал Ори. — Получается, если у Леа есть Отец, то Он главнее ее?

— Чего ж тут страшного? — изумился Кирюша.

— Нинчу поклоняются Леа, а это может не понравиться Отцу. Ведь мы воздаем славу ей, а не Тому, Кому она должна принадлежать! Это как слово «украсть». Это нельзя, нинчу никогда не делают ничего подобного! Это заслуживает наказания.

— Не бойся, — успокоил его Кирюша. — Наш Бог не такой. Он не будет наказывать вас за то, что вы делали по незнанию. Вот я, например, когда мне было три года, взял у папы из бумажника деньги и вырезал из них портреты президентов. Папа меня не наказывал, потому что я не

знал, что этого нельзя делать. Но если бы я сделал это еще раз, мне бы досталось по первое число.

— А как узнать о Боге больше? — спросил Ори.

— У меня есть детская Библия, вон, на полочке, — сказал Кирюша.

Всю ночь Ори читал Кирюшину Библию, а утром отыскал в интернете сайт, на котором были размещены библейские тексты, разные богословские статьи, словари, энциклопедии. Весь день и половину следующего он все читал и читал. Он был серьезен, задумчив. Притихший Кирюша сидел рядом и только иногда спрашивал:

— Оно? Это оно?

— Еще не знаю, — всякий раз отвечал Ори.

— Пора обедать, — позвала Анжела. — Только переоденься, а то куртка уже не застегивается, а штаны — по колено.

Ори встал из-за стола. Он был выше Анжелы почти на голову. Он переоделся в папин свитер и джинсы, и они спустились вниз. Лора вздрогнула при виде Ори:

— Ну и растете вы, молодой человек. Я вас с хозяином спутала.

Ори галантно поцеловал ей ручку. Лора смутилась. И если бы не слой макияжа, было бы видно, что она покраснела.

Кирюша был грустный и мрачный. Он знал, что сегодня ночью его друг должен покинуть землю.

— Ну ты узнал, что хотел? — спросил он.

— Мне кажется, да. Но я до конца не уверен. В Библии написано, что Бог создал людей по Своему образу и подобию. Вы носите в себе образ Бога. Мне кажется, что суть этого — ваша способность познавать Его волю и творить ее. Он создал людей, чтобы они стали Его детьми.

— Я ничего не понимаю, — сказала Анжела. — Я Библию не читала. Мне кажется, Бог далеко и Ему до меня нет дела.

— Нет, Бог любит тебя, — возразил Ори.

— Что-то я не чувствую этого.

— Ты просто никогда об этом не задумывалась. Он очень любит тебя. Он так любит людей, что однажды Сам пришел на землю, чтобы спасти их.

— Ты говоришь об Иисусе Христе? Но это было так давно и не имеет ко мне никакого отношения, — махнула рукой Анжела.

— Он умер за тебя.

— Как Он мог умереть за меня, если меня еще не было на свете? — с еще большим раздражением ответила Анжела.

— Он — Бог, Он вне времени, — пояснил Ори. — Он всегда был, всегда есть и всегда будет. И Он знает все.

— Он умер. Его убили, я об этом слышала где-то.

— Но Он воскрес, Он жив и сейчас здесь, — кротко ответил Ори.

— Где здесь? — Анжела вскочила из-за стола. — Бог, где Ты? Ага! Его нет! Если бы Он был здесь, если бы Он слышал нас, Он бы помог тебе. Нет Его! Посмотри на свои пальцы! Их до сих пор по четыре на руке!

Анжела выскочила из дома, чтобы Ори и Кирюша не видели, как она плачет. Пригнувшись, она залезла в будку к Басе, которая радостно принялась ее облизывать. Девочка плакала, зарывшись лицом в теплую собачью шерсть. Бася тихонько скулила, будто понимала ее. Так они и уснули, в обнимку.

Анжела не слышала, как Ори и Кирюша разыскивали ее. Она спала, когда на улице стемнело, спала, когда ночь опустилась на землю. Она не слышала, как Ори и брат прошли мимо нее, зашли в ангар, вытащили лодку и приволокли ее на берег озера. Она не слышала, как Кирюша, вспомнив, что они забыли взять весла, сказал своему другу:

— Подожди здесь, я принесу из ангара весла.

Анжела не слышала, как Кирюша зашел в ангар, и в это время вдруг погас свет — такое часто случалось в их поселке. И вдруг она внезапно проснулась и вскочила на

ноги, испугав Басю. Увидев, что на дворе ночь, Анжела забежала в дом. Там было темно. Она закричала:

— Ори! Кирюша!

Схватив фонарь, который висел возле входа, она побежала наверх. В Кирюшиной комнате было пусто. В ее комнате на кровати лежала записка. Руки девочки дрожали, когда она осветила фонариком на листок. Там рукой Ори было написано печатными буквами:

«Анжела, прощай! Спасибо тебе за то, что ты помогла мне. Я еще не уверен, выполнил ли свою миссию, но я очень благодарен тебе и Кирюше, что вы помогли мне познать Бога. Я люблю вас. Ори».

Анжела плакала, держа в руках записку. Вдруг она услышала, как Бася лает где-то далеко у озера. «Может, он еще не улетел?» — с надеждой подумала она. Слетев вниз по ступенькам в прыгающем свете фонаря, она выбежала на улицу. Ее ноги подкосились, когда она увидела объятый огнем ангар и Басю, бегающую вокруг и громко лающую.

Когда погас свет, Кирюша нащупал на полке жестянку со спичками и достал коробок. Чиркнул одной, другой. Спички вспыхивали и гасли. Он пошел наугад вперед, споткнулся о канистру и перевернул ее. Он не видел в темноте, как на полу образовалась лужица. Он не знал, что это бензин. Он шел вперед, чиркая спичками.

Там, где-то в глубине ангара, стояли весла. Очередная спичка загорелась хорошо, он поднял ее повыше, чтобы разглядеть, в каком углу папа оставил весла. Свет от спички был неяркий, но он разглядел, что весла стоят слева. Спичка, догорая, обожгла ему пальцы. Он дернул рукой, и спичка полетела прямо в лужицу бензина, которая растекалась по полу ангара. Огонь вспыхнул и стеной перегородил выход. Кирюша испугался, отбежал назад, схватил весла и попытался прорваться к выходу.

— Ори! Мама! — закричал мальчик.

Со стороны дома бежала Анжела, со стороны озера — Ори. Он добежал первым и ринулся в огонь. Весь ангар был объят пламенем. Дерево горело быстро, горели стены, крыша.

— Господи! Помоги! Бог! Где Ты? — кричала Анжела.

В ту же минуту с неба хлынул дождь. В дверях ангара показалась фигура Ори. Он держал на руках Кирюшу. Анжела подбежала, крича:

— Он жив?

— Жив! — ответил Кирюша. — Весла, там остались весла! Ори не доплывет...

Ори медлил секунду. Натянув на голову свитер, он бросился в горящий ангар. Из двери вылетело сначала одно, потом второе весло. Наконец в проеме показался Ори. И тут обвалилась балка, поддерживавшая крышу. Она задела его краем, но этого хватило, чтобы Ори упал на землю без сознания.

Анжела и Кирюша бросились на помощь и оттащили Ори от горящего ангара. Дождь лил как из ведра. Пожар медленно затихал. Дети тащили Ори по мокрому песку к лодке.

— Он жив! Он без сознания, но он жив! Кирюша, мы не донесем его! Господи, помоги, — взмолилась она.

Вдруг девочка заметила, что ноша стала гораздо легче. Откинув мокрые волосы, которые закрывали ей лицо, она увидела, что Лора помогает нести Ори.

— Его надо нести в дом! Куда вы его тащите? — закричала она.

— Лорочка! Спасибо! — сказал Кирюша. — Ему надо в лодку. Правда, очень надо! Помоги нам. Смотри, вон там, на середине озера светится зеленое пятно. Ему надо туда доплыть.

— Кирюша, сколько у нас времени? — спросила Анжела.

— Минут десять. Ори говорил, что шар должен подняться из воды.

Они положили Ори на дно лодки. Анжела сказала:

— Мы с Лорой сядем на весла, а ты оставайся тут.

— Я с тобой! Анжелочка, можно я с тобой? Я ведь больше никогда его не увижу.

— Нет.

Вдруг они услышали звук автомобильного гудка и увидели, как свет фар прорезал темноту. Анжела сказала:

— Лора, кто-то подъехал к дому. Это, наверное, пожарные. Иди, отвлеки их. Кирюша, залазь в лодку. Лора, никого к нам не пускай. У нас нет времени на объяснения.

— Хорошо, детка, — сказала Лора и обняла сначала Кирюшу, потом Анжелу.

Она с силой оттолкнула лодку и побежала к дому. Анжела гребла неумело, но лодка все же продвигалась к середине озера. Кирюша плакал, обнимая Ори. Он снял курточку и подложил ему под голову, потом стащил с себя рубашку и обмотал ею рану на голове друга.

— Ори, миленький, мы доплывем. Ты полетишь на Леа, тебя там вылечат. Только ты не умирай, хорошо? Ты все сделал. Никто другой не справился бы лучше.

Лодка подплыла ближе к светящемуся пятну. Уже был виден шар, медленно поднимающийся к поверхности.

— Что теперь делать? — спросила Анжела. — Ори, что делать?

Ори открыл глаза. По его щеке стекала кровь. Он тихо сказал, облизывая потрескавшиеся губы:

— Когда я увидел Кирюшу в пламени, я понял, что чувствует Бог, когда видит, как люди грешат... И я понял, почему Христос пошел на крест... И еще я понял... образ Божий — творить дела любви...

Его глаза снова закрылись.

— Ори, мы приплыли! Вот шар. Что нам делать? — наклонясь к нему, спросила Анжела.

— Опустите меня в воду. Если я выполнил миссию, шар примет меня.

— Ори, миленький, и ты улетишь? — опять заплакал Кирюша. — И я тебя никогда не увижу?

— Я должен, Кирюша.

— Я люблю тебя, — сказал мальчик.

— И я тебя люблю, — Ори поцеловал мальчика, потом Анжелу. — Мне пора.

Дети помогли ему приподняться и перевалиться через борт. Вцепившись за борта качающейся лодки, они вглядывались вниз. Тело Ори безжизненно погружалось в воду. Вдруг шар разомкнулся и принял его. Наверное, с минуту Ори лежал внутри шара в неестественной позе. Потом свечение внутри шара стало сильнее. Ори пошевелился, сел, а затем встал. Шар поднялся над водой и замер возле лодки. Анжела, обнимая Кирюшу, тоже встала на ноги.

Они стояли друг напротив друга — маленький мальчик и девочка-подросток в качающейся деревянной лодке и красивый, зеленоглазый и широкоплечий, юноша в сияющем неземным светом шаре.

— Я люблю вас, — прочитали они по его губам.

Ори приложил руки к оболочке шара. На них было по пять пальцев. Анжела засмеялась и расплакалась.

— Получилось! У тебя получилось! — воскликнул Кирюша.

Они приложили свои ладони к ладоням Ори, прижатым к шару изнутри — Кирюша к одной, Анжела к другой. Шар дрогнул, качнулся, поднялся над озером и растворился в небе.

Только взявшись за весла, Анжела поняла, что она ужасно устала и замерзла, что руки растерты в кровь и она совершенно не умеет грести. Кирюша был в одной майке, у него были обожжены ноги и сильно болело плечо. Подгребая к берегу, дети увидели, что к озеру бежит папа. Зайдя по пояс в ледяную воду, он вынес на берег Кирюшу, потом помог Анжеле выйти из лодки.

— Папа, он все сделал. Ори все сделал как надо. Он успел, — лепетал Кирюша.

— Я как чувствовал, что с вами что-то случилось. Мы уехали раньше положенного срока. Что тут произошло?

Кто этот Ори? Вы сошли с ума! Куда вы ночью плавали на лодке? Как вам удалось сжечь ангар? Я уволю Лору.

— Не надо! — в один голос закричали дети. — Она хорошая!

— Что за дети! — повторяла мама, прибежавшая следом за отцом вместе с Лорой.

— У вас замечательные дети. Они — люди. Настоящие, — сказала Лора. Она потеряла где-то свой парик, дождь начисто смыл с ее лица макияж. У нее было немного усталое, красивое лицо.

УВИДЕТЬ ЛИЦО БОГА

Саня открыл глаза и с удовольствием потянулся. Солнце уже сияло вовсю, возвещая о начале весенних каникул. «Какое замечательное слово — “каникулы”! — подумал Саня. — Жаль только, что это мои последние каникулы. Еще одна четверть — и все, прощай, школа!» Нельзя сказать, что Саню печалило расставание со школой, просто его беспокоило то, что будет после.

Поступить в институт с его оценками — нереально. Денег на платное обучение у мамы нет. Откуда деньги у музейного работника? На ее зарплату они едва сводят концы с концами. На отца рассчитывать не приходится. После того как родители разъехались, он вообще скатился, дальше некуда.

«Что за мысли в такой прекрасный день? Кыш!» — приказал Саня сам себе и встал с постели.

Он прошелся босиком по комнате, подошел к холодильнику и без особого энтузиазма заглянул в него. Там, как обычно, стояла кастрюля с борщом, пакет кефира, баночка горчицы и полупустая банка варенья. За последние несколько месяцев, когда мама пыталась скопить денег на костюм сыну для выпускного вечера, содержимое холодильника было неизменным, как в навязчивом сне. Саня густо намазал огромный кусок черного хлеба горчицей, налил в чашку кефира и съел все, с удивлением отмечая, что аппетит у него отменный и такой завтрак его вполне устраивает. Перекинув через плечо полотенце, он направился в ванную в надежде, что там в это время будет свободно. Все соседи уже разошлись — кто на работу, кто по магазинам, кто на прогулку с ребенком. Но не тут-то было. Пенсионерка Роза Моисеевна уже успела проникнуть в ванную со своей неизменной стиркой. Саня постучал в дверь, и в ответ сразу же прозвучал эмоциональный монолог:

— Ну и кто это там стучит? Вы уже изволили проснуться? Ой, простите, я не спросила вашего разрешения на посещение ванной комнаты! Я вас понимаю, водные процедуры в этом доме никто, кроме вас, не принимает. Все остальные живут в грязи, они от роду не видели мыла и вообще страдают водобоязнью. Это вы, Петя? Нет? Томочка, вы ведь должны быть на работе! Неужели это Санечка?

Дверь ванной приоткрылась, и показалось лицо Розы Моисеевны.

— Таки это Санечка! Вы не в школе? Что-то случилось? Ах! Вы заболели? У вас нездоровый вид, Санечка,

вам надо есть морковь. Мой доктор, Иван Сидорович, царство ему небесное, от всех болезней прописывал морковь. И знаете, он был прав! Я каждый день ем морковь. И мне уже очень много лет. Жаль, что даме не пристало говорить о своем возрасте, а то бы я вам сказала, сколько мне лет. Вы спешите? Ну так проходите скорее. Я уже два часа как освободила ванную комнату, а вы стоите и укоризненно на меня смотрите.

Роза Моисеевна вышла из ванной и направилась по коридору в сторону своей комнаты. Саня посмотрел ей вслед, и в его сознании всплыло слово «вакханка». Он не знал, что именно оно обозначает, но, глядя, как Роза Моисеевна плавно удаляется, прижимая к крутому бедру таз с бельем, он мысленно успел написать картину под названием «Вакханка» и повесить ее в мамином музее.

Он быстро помылся по пояс в холодной воде, вытерся жестким полотенцем, причесался. Посмотрев на свое отражение в мутном зеркале, Саня остался доволен. Он был юн, симпатичен, на щеках играл румянец, улыбка была белозубой, как у американской кинозвезды.

— Я и без вашей моркови ничего! — сказал он и пошел одеваться. С гардеробом проблем не было, в том смысле, что когда выбирать не из чего, то и нет проблем, во что одеться. Джинсы у него были одни, футболка — приличная — тоже одна, ветровка, естественно, одна и одна пара кроссовок. Зато на телевизоре лежали десять гривен.

— И это все — мне? — театрально сказал Саня и послал воздушный поцелуй маминому портрету в золоченой рамочке. Он с радостью вспомнил, что мама взяла отгулы и на три дня уехала к бабушке в деревню. — Я молод, богат и одинок, — с пафосом произнес Саня и красивым движением откинул со лба непослушную льняную прядь.

На улице, действительно, была весна. Впереди день — полный неизвестных событий и прекрасных приключений. На десять гривен не разгуляешься, но в этом есть своя прелесть — уметь быть счастливым, обладая такой скромной суммой.

Первым делом Саня поехал на радиорынок. Потолкался возле киосков с мобилками, компьютерными дисками, радиодеталями. Ему нравилось наблюдать, как люди что-то выбирают. Особенно он любил как бы невзначай подойти к неопытному покупателю и со знанием дела рассказать о той или иной модели телефона, его функциях. Делал он это небрежно, сыпля терминами, названиями марок и фирм. Никто и догадаться не мог, что все эти знания он приобрел не на личном опыте, а из журналов.

После этого он купил на углу горячий чебурек у тети Гали. Тут кормился весь рынок, ей доверяли все: чебуреки были не только вкусные, но и безопасные, что бывает довольно редко. «А теперь — к батю», — решил Саня и сел в подъехавший троллейбус.

Санин отец был инженером. Когда-то давно о нем говорили: светлая голова. Физмат он окончил с отличием, ему прочили блестящее будущее. По началу так оно и было: работа на кафедре, аспирантура, красавица-жена, сын, кооперативная квартира.

Но потом все рухнуло. Наступило время, когда кроме ума надо было иметь хватку, которая у Саниного отца отсутствовала начисто. Его втянули в какой-то бизнес, уговорили возглавить фирму, которая вскоре лопнула, как мыльный пузырь, и Санин отец остался не у дел. Зато все долги лопнувшей фирмы повисли на нем. Отец был честным человеком и был убежден, что долги, даже чужие, надо возвращать. И хотя мама придерживалась иного мнения, все деньги, которые папе удавалось заработать, уходили на уплату долга. В придачу, папа начал выпивать. Саня рос, жизнь дорожала, и мамино терпение, наконец, иссякло. Родители развелись и разъехались — мама с Саней в комнату в коммуналке побольше и поближе к центру города, а отец — в комнатку в коммуналке поменьше и, естественно, подальше от центра.

Саня очень любил своего отца и понимал маму. О том, что он частенько бывал у отца в гостях, Саня маме не

рассказывал. Домой к нему он ходить не любил, а вот на работу...

Папина работа — это место просто сказочно интересное. Оно находилось в большом сером здании, когда-то принадлежавшем крупному исследовательскому институту. Теперь от института осталось только воспоминание — почти все помещения заняли какие-то фирмы и фирмочки. За бронированными дверями офисов находился другой мир — там царил евроремонт, тихо гудела оргтехника и кондиционеры обеспечивали приятную прохладу. Новые люди, не похожие на Саниного папу — имеющие хватку, — постепенно вытеснили научных сотрудников, инженеров и прочих исследователей, занимая кабинеты, залы, переоборудуя лаборатории и наводя там свои порядки. В коридорах теперь курили не лохматые инженеры в ковбойках, а длинноногие девицы с накладными ногтями и стриженные парни с мобилками. Теперь институту принадлежали только жалкая пристройка и подвал, где и располагалась папина лаборатория. Тут было сумрачно, ремонтом и не пахло.

Подвал был забит старыми приборами, архивами, отжившей свой век мебелью, какими-то допотопными станками и железяками неизвестного назначения. Все, что представляло какую-то ценность, было разобрано, растащено и продано. В подвале остался ненужный хлам. Саня очень любил там копаться. Ему иногда удавалось раздобыть что-то интересное: блок питания, клеммы, провод, какие-то детали. Кое-что из находок он даже сбывал на рынке. Сейчас он ехал на папину работу не просто так, а с определенной целью.

Дело в том, что его одноклассник Миша Вартамян с недавних пор начал посещать собрания молодежной организации под названием «Левой! Левой!» Он с восторгом рассказывал о том, как там интересно, выпросил у Сани детскую книжку «Рассказы о Ленине» и даже выучил наизусть «Интернационал». Саня как-то обмолвился, что видел у отца на работе в подвале гипсовый

бюст вождя мирового пролетариата. Миша рассказал об этом руководству своей организации, там заинтересовались, и Мише было поручено заполучить этот бюст для офиса. Руководство даже выделило на это дело пятнадцать гривен и большую, очень прочную, сумку.

На Санин условный стук в дверь вышел Николай Тихонович, папин коллега. Его покрасневший нос и блестящие глаза красноречиво говорили о том, что жизнь продолжается. Саня услышал краем уха, как отец звякнул стаканами, пряча их в шкаф.

Вот уже несколько лет он тихо спивался. Саня знал это, но ничего не мог поделать. Много раз он мысленно репетировал свою речь об алкоголизме, которую хотел бы произнести перед отцом, но всякий раз откладывал разговор на потом.

— Сынок, здравствуй, проходи, — пряча глаза, пригласил его отец.

— Привет, па. У меня каникулы. Я спущусь в подвал, я там кое-что присмотрел. Вы работайте, я вам не мешаю.

Саня снял с гвоздика ключ от подвала и спустился вниз по выщербленным ступенькам. Бюст стоял в углу, накрытый пыльными листами «миллиметровки». Размером он был не больше полуметра в высоту, да постамент — сантиметров сорок. Саня прикинул, что он должен поместиться в сумке, если его положить горизонтально. Взяв бюст в руки, Саня крикнул: странно — бюст гипсовый, а весит, как металлический. С трудом он запихнул его в сумку, положив на дно куски картона.

— Не Владимир Ильич, а «железный Феликс»! Только бы ручки выдержали, — пробормотал он и, сгибаясь под тяжестью, поднялся наверх. Посидев минут пятнадцать и поговорив с отцом о том, о сем, Саня отправился домой. Ехать к Мише он не захотел — до его дома от остановки идти минут двадцать. «Занесу домой, пусть Мишка сам тащит его, куда хочет. Вообще-то, за такую работу пятнадцати гривен мало!»

С трудом дотащив «драгоценную» ношу до дома, Саня обессилено упал на кровать. Передохнув, он с аппетитом поел борща, побеседовал на кухне с соседом Петей о событиях на Ближнем Востоке, помог Розе Моисеевне развесить в коридоре очередную партию белья и, наконец, занялся бюстом — ему необходимо было придать «товарный вид». Достав бюст из сумки, Саня водрузил его на табуретку и осмотрел. Бюст сохранился замечательно, только уголок у постамента немного отбит, а так — как новенький. Саня смахнул с него тряпкой пыль и залюбовался.

— Стоило, вообще-то, поторговаться, — задумчиво произнес он и набрал Мишкин номер телефона. — Алло, Мишаня! Дело сделано, бюст у меня. Когда заберешь?

Мишка, извиняясь, сообщил, что сегодня не сможет, так как бежит на митинг и просто не успевает. Договорились на завтра.

Вечер прошел без особых событий. Саня посмотрел по телевизору фильм про гангстеров и ток-шоу, посвященное смыслу жизни. В ток-шоу участвовали профессор микробиологии, ученый-ядерщик, трансвестит, женщина-депутат и астролог. Все они доказывали, что нашли смысл жизни, а ведущий пытался их в этом переубедить.

Часов в десять позвонила одноклассница Марина, и они пошли гулять с ее псом Федюней в парк. Марина, как обычно, жаловалась на отчима, а Федюня приставал к прохожим. Люди каменели, когда на них бросался огромный толстый ротвейлер, клал им на плечи лапы и страстно облизывал лицо. Федюня, как маньяк, не пропускал никого мимо. Марина каждый раз кричала: «Федюня, фу!», после чего пес возвращался к хозяйке, а оскорбленная «жертва насилия» спешно покидала место своего позора.

Домой Саня вернулся после двенадцати, зашел тихо, стараясь не тревожить спящих обитателей коммуналки. Осторожно прикрыв скрипучую дверь своей комнаты, он сделал два шага и наткнулся на табуретку. Бюст, качнувшись, грохнулся на пол.

В тот же миг в дверях возникла огромная фигура Розы Моисеевны в белой ночной рубашке. «Нет, это не вакханка, это еще круче», — мелькнуло у Сани в голове, прежде чем раздался очередной монолог, достойный сцены.

— Санечка! Вы живы? Что это было? Бомба? А вы, Петя, все о Ближнем Востоке рассуждаете! Куда там Ближнему Востоку до нашей квартиры! У нас таки есть своих бомб сколько хочешь! Если такой юный мальчик может их взрывать среди ночи, то нам не страшны никакие враги. Что, это не бомба? Или я глухая? Может, мне это приснилось? А где вы взяли такое количество мусора и источник этого белого дыма? Вы говорите, Петя, что это разбилась статуя? Странно, мне казалось, что в наше время люди статуями свои комнаты уже не украшают.

Саня с трудом успокоил сбежавшихся на шум соседей и, наконец, улегся спать, оставив грудку мусора посреди комнаты до завтра.

Утром, вооружившись веником и совком, он принялся собирать останки вождя в мусорное ведро. Голова разбилась на мелкие части, а постамент раскололся надвое. С удивлением Саня обнаружил, что между двумя его частями находится металлический прямоугольный ящик. Саня освободил ящик от гипсовых обломков и положил его на табуретку. «Понятно, почему бюст казался таким тяжелым», — отметил он, поднимая увесистый ящик.

Он наскоро сгреб мусор в сторону, протер ящик влажной тряпкой и осмотрел. На нем не было ни скважины для ключа, ни кнопки, ни рычажка. Но оказалось, что все гораздо проще: ящик открывался, как старая отцовская готовальня — при помощи длинного металлического штыря, шляпка которого торчала сбоку. Саня вытащил штырь и открыл ящик. Внутри находилось устройство непонятного назначения.

— Да, это не утюг, не магнитофон и даже не электрочайник. Но попробуем разобраться, — бодро заявил Саня.

Загадочное устройство состояло из тщательно

отполированного массивного латунного диска диаметром сантиметров тридцать, шкалы с названиями городов, как на старом радиоприемнике, нескольких ручек, окошечек с наборными цифрами, как в сейфе, и таймера. В центре диска находилось кольцо. Саня покрутил ручку настройки и остановил бегунок на слове «Москва», потом проверил, вращаются ли валки с наборными цифрами. Все работало, ручки крутились, таймер тоже завелся.

Саню заинтересовало кольцо. Он покрутил и его. Кольцо стало послушно отвинчиваться, пока не оказалось у него в руках. В это мгновение на шкале загорелась красная лампочка, и диск начал вибрировать. Саня испугался и схватился за табуретку. Вибрация была такой сильной, что на окнах вздулись занавески. Саня оказался в центре какого-то мощного вихря. Неведомая сила притягивала его к центру этого вихря. Он не мог разжать руки, чтобы отпустить табуретку и удрать подальше. Вдруг вспышка света ослепила его, он зажмурился и подумал: «Конец! Если от меня что-то останется, хоть похоронят в приличном костюме!»

Вдруг ветер стих. Саня с опаской открыл глаза. Комнаты не было. Он сидел на булыжной мостовой, вцепившись в табуретку. Мимо шли радостные люди с плакатами и транспарантами в руках. Все пели, смеялись. Оглядевшись вокруг, он увидел Кремль и понял, что находится в Москве, на Красной площади. Саня присмотрелся к людям: они были довольно странно одеты: на женщинах были платья с пышными юбками, у некоторых высокие прически, у других довольно странные стрижки. Пиджаки на мужчинах были какие-то не такие, старомодные, что ли. Саня попытался понять, что они кричат, но не смог разобрать. На одном транспаранте успел прочитать: «Все в космос!»

«Бред какой-то. Где я? Это что, кино снимают? А Кремль? Это бутафория?» — пронеслось у Сани в голове. Он поднялся, взял табуретку и оттащил ее вместе

с прибором в сторонку, к ступенькам магазина, на котором было написано «Булочная». Возле магазина стояла аккуратная старушка и крестилась, глядя на толпу.

— Бабушка, что это за люди? Куда они идут? — спросил Саня.

— Они сами не знают, куда идут, — грустно ответила старушка.

— А что случилось? Праздник какой-то?

— Ты что, парень, радио не слушаешь? — вмешался в их разговор гражданин в длинном сером плаще и шляпе. — Юрий Гагарин в космос полетел! Знай наших!

Бабуля опять перекрестилась. Гражданин рассмеялся:

— Эх, бабуля, пережиток ты прошлого! Чего крестишься? Нет там Бога, теперь это наукой доказано. Не встречал Его там наш Юра!

— Чай не Моисей ваш Гагарин, чтобы ему Бог Свое лицо показывал, — ответила бабуля и перекрестилась еще раз. — А ты, сынок, не слушай этих безбожников. А чтобы Бога увидеть, не обязательно в космос летать.

«Итак, я в Москве, сейчас, по-моему, 1961 год. Значит, в бюсте Ленина была машина времени. Папа говорил, что институт проводил какие-то секретные исследования, но все было уничтожено, когда в стране начался хаос. Наверное, кто-то спрятал свое изобретение в бюсте. Нормально. Как же мне домой теперь вернуться?» — лихорадочно думал Саня.

Вдруг он заметил, что за ним пристально наблюдает парень в клетчатом пиджаке и цветастом галстуке. «Лучше уйти подальше», — решил Саня и потащил табуретку в подворотню. Парень последовал за ним.

— Послушай, где ты такие кеды отхватил? — спросил он почему-то шепотом, показывая на Санины кроссовки.

— Купил.

— Где?

— В «ГУМе» — ответил Саня, вспомнив, что в Москве был или есть такой магазин.

— Спасибо, — ответил парень и поспешно вышел из

подворотни. К нему тут же прицепилась стайка мальчишек с криком «Стиляга!»

Саня взял прибор и попытался покрутить ручки. Они оказались заблокированными. Только таймер отсчитывал секунды. Еще дома Саня заметил, что таймер завелся на десять минут. Прошло уже восемь. «Может, я вернусь, когда закончатся десять минут?» — предположил он. Две минуты тянулись очень медленно. Наконец стрелка достигла нулевой отметки, и раздался звонкий щелчок. Саня зажмурился, но ничего не произошло. Вернее, произошло совсем не то, что он ожидал. Стало очень тихо. Так тихо не бывает. Саня открыл глаза и огляделся. Все вокруг замерло. В проеме подворотни застыли демонстранты, разинув рты. На мусорном баке сидела кошка в неестественной позе. Над головой у Сани распласталась в полете ворона.

«Время остановилось!» — с ужасом подумал он. Взяв подмышку тяжеленный прибор, Саня вышел из подворотни. Тысячи счастливых советских людей замерли в радостных позах. Сане стало страшно.

Он опустил на булыжную мостовую и начал лихорадочно вспоминать, что он сделал, чтобы попасть сюда. «Надо воспроизвести все детали: сначала я нашел на шкале слово «Москва», потом, вероятно, набрал год — 1961, потом включил таймер... А потом... Потом открутил кольцо!» — вспомнил он. Кольцо так и осталось на его пальце. Руки дрожали, но ему все-таки удалось вставить винт в отверстие и закрутить кольцо. Диск начал вибрировать, поднялся ветер, вспыхнул свет. — «Елки-палки! — пронеслось у Сани в голове. — А табуретку я на Красной площади оставил! Мама прибьет!»

Когда Саня понял, что все закончилось благополучно, он очень обрадовался. Закрыв прибор, он спрятал его под кровать, а сам принялся убирать гипсовые осколки. Ему пришлось сделать три ходки к мусорному баку. Наконец все было выметено и пол вымыт. Саня позвонил Мише

и сказал, что случайно разбил бюст. Миша, с присущей ему армянской горячностью, наговорил другу кучу обидных слов и бросил трубку. «Так, от Мишки я на три дня освободился, он обычно обижается именно на такой срок. Это хорошо, будет время решить, что же делать с прибором».

Когда Саня закончил уборку, к нему в комнату постучала Роза Моисеевна и пригласила на блинчики.

Если сказать, что Роза Моисеевна вкусно готовила, — значит не сказать ничего. Готовила она потрясающе. А особенно блинчики — тонкие, кружевные, ароматные, хрустящие, очень красивого золотистого цвета. Саня мог съесть штук тридцать таких блинчиков. Роза Моисеевна была из тех женщин, которые любят кормить. Она получала еще большее наслаждение, чем Саня, уплетающий блины. Она подкладывала ему еще и еще и любовалась, как «бедный, худенький мальчик» поглощает это произведение кулинарного искусства.

Наконец Саня доел последний блин, запил чаем с лимоном и откинулся на спинку венского стула. Роза Моисеевна с умилением любовалась сытым, как удав, «бедным мальчиком».

Прошло минут пять, прежде чем Саня смог заговорить:
— Роза Моисеевна, а кем был Моисей?

Роза Моисеевна вздрогнула от неожиданности:

— Как, Санечка, вы не знаете, кем был Моисей?

— Ну, мы проходили в школе, по зарубежной литературе... Я даже кое-что помню. Он жил за XV веков до нашей эры. Его в речке нашла дочь фараона. Он водил евреев по пустыне, потом написал Пятикнижие...

— Они проходили в школе! Да, я понимаю, есть вещи важнее, например, сколько воды вытекает из одной трубы и втекает в другую! Бедные детки, если бы вам действительно рассказали о Моисее, о других пророках, если бы вы не «проходили» Пятикнижие по зарубежной литературе, а учились жить по нему, все было бы не так. Твоя мама бы не работала с утра до ночи за копейки, а твой папа не пил бы водку, я бы в старости не осталась одна,

и мы не жили бы в таких нечеловеческих условиях. Послушайте, мой мальчик, Моисей был великим пророком Божьим. Ему лично Всевышний передал Свой закон. Да, Моисей водил евреев по пустыне сорок лет! Но вы знаете, Санечка, что это за упрямый и непокорный народ? Они все время роптали и роптали, не верили Господу, хотя и видели своими глазами Его великие чудеса.

— А это правда, что Моисей видел Бога? — прервал Саня рассказ.

— Ох, Санечка, разве может человек видеть лицо Всевышнего? Мы такие грешники, что умерли бы сразу, увидев лицо Господа. Но Господь показал Моисею Свою славу.

— А как это понимать?

— Всевышний повелел Моисею стать в расщелине скалы, в тенечке, а Сам еще сверху прикрыл его ладонью. И убрал ладонь только после того, как прошел мимо, так что Моисей увидел Господа только сзади. Но и этого хватило для того, чтобы лицо Моисея сияло так, что, когда он спустился с горы, народ не мог смотреть на него.

— Но некоторые люди говорят, что Бога можно увидеть. Они врут? — спросил Саня.

— Ну почему сразу — врут? Вот, например, я не вижу сейчас глазами нашего соседа Петю, но я знаю, что он на кухне прибывает полочку. Вы слышите, он уже полчаса колотит молотком? Вот взгляните в окошко, Санечка. Небо голубое? Птички щебечут? Солнышко светит? И вы скажете — нет Бога? Да Он везде, мой мальчик!

— А вот космонавты говорят, что, когда они летали в космос, то не видели там Бога, — сказал Саня.

— Его не увидишь глазами, Его надо видеть сердцем.

В это время на кухне раздался грохот.

— О, это Петя уронил полочку! — отреагировала Роза Моисеевна — И, по-моему, полочка зацепила мою сковородку.

Саня вышел на кухню. Сосед Петя сидел на полу, обнимая полочку, а рядом валялась сковородка Розы Моисеевны.

Саня не стал наблюдать за дальнейшими событиями, вернулся в свою комнату и лег на диван. «Странно, а ведь я никогда по-настоящему не думал о Боге. Смотрел вокруг, видел и небо, и солнце, но даже не задумывался о том, откуда это все появилось, есть ли Творец этого всего? Как сказала старушка из 1961 года: «Они не знают, куда идут». Вот и я, как те демонстранты, разинув рот, иду по жизни, а куда?»

Саня решил пойти в библиотеку, взять Пятикнижие Моисея. На месте Веры Степановны, пожилой библиотекарши, сидела новая, молодая девушка, и жевала жвачку. Она была очень красивая — крупная, кареглазая. Саня, взглянув на нее, вспомнил бабушкину корову Милку. У нее были точно такие глаза, влажные, с длинными ресницами. Точно такие губы — теплые, пухлые. Она так же лениво жевала жвачку и так же красиво и чувственно раздувала ноздри.

— Вам чего, молодой человек? — медленно спросила она и моргнула, как в замедленном кино.

— Мне Пятикнижие Моисея, — как замороженный, ответил Саня.

— Какого Моисея? Фамилия у этого Моисея есть?

— Нет, — пожал плечами Саня.

— Мы с вами, молодой человек, не на телепередаче «Угадай мелодию». Я не могу угадать фамилию автора по его имени.

— Но это древний пророк, у него не было фамилии, — попытался возразить Саня.

— Ага, пятитомник хватило ума написать, а фамилию себе не мог придумать? — ответила девушка и отвернулась, не желая продолжать разговор.

Саня почувствовал, что кто-то тянет его за рукав:

— Пятикнижие вот здесь, в Библии, — тихонько сказала ясноглазая девчушка лет десяти и протянула ему книгу. Саня покраснел, потому что вспомнил, что и это они проходили.

Вернувшись домой, Саня начал читать Библию. Прочитал о творении, о потопе, об Аврааме и дошел до

места, где говорилось, что Господь явился Аврааму. «Нестыковка. Если Бог явился Аврааму и беседовал с ним, значит, Авраам Его видел? Стоп! А ведь я могу это проверить. Да, но я не знаю точной даты. И, вообще-то, я не уверен, что прибор действует на такие расстояния в пространстве и во времени. А вдруг поломка? Не стоит рисковать. Остаться в 1961 году — это еще куда ни шло, а вот в XV веке до нашей эры...»

Саня отложил книгу и вытащил прибор из-под кровати. Он решил немного поэкспериментировать: попутешествовать во времени на небольшое расстояние в недавнее прошлое. Он избрал Париж, 10 октября прошлого года. Дату он особо не подбирал, набрал то, что пришло на ум. Все было, как и в первый раз: вибрация, ветер, вспышка света.

Париж оказался еще лучше, чем предполагал Саня. В воздухе царил ощущение праздника. Парижан на улицах было меньше, чем туристов. Толпы людей шли по улице, на которой он очутился. Все первые этажи домов были сплошными магазинчиками. Прижимая к груди свой волшебный ящик, Саня пошел по улочке вверх, пока не оказался на небольшой площади. Прямо перед собой он увидел кафе, на котором было написано «Монмартр». Саня обрадовался, словно встретил старого знакомого. Побродив по знаменитому скверу Монмартра, он поглазел на художников, на портреты, которые они рисовали прямо здесь. С удивлением обнаружил, что понимает французскую речь, вернее, слова сразу звучали в переводе на русский. Было довольно странно смотреть, как французы говорят по-французски, а он слышит русскую речь. При этом артикуляция сохранялась, и создавалось впечатление, будто смотришь плохо дублированный фильм. Но скоро он понял, что сам выглядит так же нелепо. Чтобы не привлекать к себе внимания, Саня решил поменьше общаться, хотя ему очень хотелось ответить, когда кто-то кричал, явно обращаясь к нему: «Месье!»

Пройдя по скверу, по шумной улице, он зашел в большой белокаменный собор и очутился в полумраке, прохладе и тишине. В соборе было очень мало людей. Вдоль стен, глаза на фрески и витражи, бродили группы туристов. Длинные ряды деревянных скамеек были почти пусты. Кое-где на них сидели люди. Саня сел в одном из последних рядов. И тут зазвучало песнопение.

Саня вдруг понял, что та музыка, которую он слышал раньше, музыкой не была. Под сводами собора звучала настоящая музыка. Сильный и нежный женский голос пел о любви к Богу. Он видел далеко на возвышении эту женщину, окруженную сиянием, где-то играл орган. Он не понимал, почему люди, толпами бродящие по Парижу и глазающие на витрины, не прибежали сюда. Как можно быть где-то в другом месте, если здесь звучит такая чистая музыка? Саня потерял счет минутам, а когда пришел в себя, оказалось, что таймер отсчитал положенные десять минут, и все вокруг замерло. Он прошел по собору мимо застывших в молчании людей. Было тихо, но музыка звучала где-то в самом сердце. Саня вышел из собора на смотровую площадку. Перед ним, как на ладони, лежал Париж. Его жители и гости замерли в своем остановившемся беге.

— Не знают, куда идут... — повторил Саня слова той старушки. — Если бы знали, то все бы кинулись в собор.

Повернув кольцо на приборе, он вернулся домой, лег на диван, отвернулся к стенке и заплакал. Он плакал от музыки, которая все еще звучала в сердце, плакал от жалости к себе, ко всем людям. Он плакал, потому что уехала мама и потому что он так любит ее и отца. Он плакал, потому что сын Розы Моисеевны эмигрировал в Израиль и так редко пишет ей. Наплакавшись, как в детстве, Саня уснул.

Проснулся он, когда на улице уже стемнело. Взяв Библию, он принялся листать ее страницы, потом прочел оглавление. Он знал имена некоторых пророков, назва-

ния книг. Он вспомнил, что когда-то знал, что Библия разделена на две части — Ветхий Завет и Новый Завет. Раскрыв Новый Завет, начал читать Евангелие от Матфея. Наткнувшись на родословие, Саня его пропустил, потом с удовольствием прочитал о Рождестве, о поклонении волхвов, о бегстве Марии с Младенцем в Египет. «А ведь я могу туда попасть! — вдруг осенило Саню. — Иисус Христос родился в Вифлееме, Рождество мы празднуем 7 января. Туда и отправимся».

Взяв прибор, он нашел на шкале Вифлеем, набрал дату: 7 января 1 года, завел таймер и открутил кольцо.

В Вифлееме шел дождь. По грязной улочке два римских воина волокли какого-то избитого человека. Он, вырываясь, кричал:

— Вы ответите перед Богом за свои злодеяния! Скоро придет Мессия! Он освободит народ Божий, народ Израиля! Скоро придет Спаситель!

Римляне били несчастного плеткой, но тот не унимался:

— Каждый предстанет перед Судией! Каждый будет держать ответ за свои беззакония. Он грядет! Грядет Царь!

Вдруг воины увидели Саню. Они на секунду отпустили пленника, тот мгновенно метнулся в сторону и скользнул в проход между домами. Римляне удивленно смотрели на Саню, не замечая, что пленник исчез. Саня понял, что их заинтересовала его одежда — джинсы, кроссовки. Воины медленно двинулись в его сторону.

— Я купил это в Колизее! — крикнул он по-гречески, быстро вставил кольцо в диск, не дожидаясь, пока они подойдут ближе.

Домой он вернулся вовремя, потому что в дверь стучала Роза Моисеевна:

— Санечка! Вы спите, детка? Вы не поможете мне развесить белье?

Саня быстро спрятал прибор и принялся развешивать

белье в коридоре. Роза Моисеевна подавала Сане мокрые полотенца, салфетки, наволочки и приговаривала:

— И что бы я без вас делала, Санечка? Разве я туда достану? А какая я была в молодости! Стройная, как козочка. Мой Яша меня так и называл: «моя козочка». Вы мне не верите? Это я располнела, когда родился Марик. Ах, какой был чудный малыш, как он хорошо кушал! Он никогда не был худеньким, но вы не подумайте, Санечка, Марик занимался спортом. У меня даже грамота есть — он был мастером спорта по шахматам.

Развесив белье, Саня занес таз в комнату Розы Моисеевны. На столе уже стояла полная тарелка рыбного супа, был нарезан хлеб. Увидев радостное и чуть хитрое лицо соседки, Саня понял, что это для него. Отказаться не было сил.

— Расскажите мне про Мессию, — попросил Саня, после того как съел угощение.

— Вы меня удивляете, Санечка. Но я рада, что у вас возникают такие вопросы. Что вам сказать? Если у какого народа и была общая мечта, так это у евреев. Их всегда гнали, и, я вам признаюсь, было за что. Они знали Господа, Он им дал закон, Писания, а они только раздражали Его. Много страдал мой народ от своей жестоковейности. Но всегда у нас была мечта — приход Мессии.

— Но ведь Он пришел. Это Иисус Христос.

— Ой, Санечка, если бы все было так просто. Одни в это поверили, другие нет. Одни кричали: «Распни Его!», а другие умирали за одно только Его имя. Пусть люди говорят, что хотят, но Иисус учил только хорошему. Он говорил, что грешить перед Господом нельзя. Иисус жил такой высокой жизнью, как никто ни до Него, ни после. А если Он Сам называл Себя Мессией, то как в это не поверить? Но что этот народ сделал с Ним! Они Его убили!

Роза Моисеевна вытерла набежавшие на глаза слезы.

— Знаете, Санечка, — продолжала она, — когда Яша

был еще жив, а Марик только-только уехал в Израиль, к нам в дом вдруг попала Библия. Не помню, кто ее нам подарил. Было это зимой 1991 года. И, представьте себе, мой мальчик, у нас сломался телевизор. А что делать долгими зимними вечерами двум старым людям? Вот мы и начали с Яшей читать Библию вслух, по очереди: вечер — я, вечер — он. Я вначале возражала, мы ведь евреи, а, говорят, евреям нельзя ее читать. Но мой Яша был мудрым человеком, царство ему небесное. Он мне сказал так: «Козочка моя дорогая, нам ведь надо убедиться в том, что ее нельзя читать. Вот мы ее почитаем, и если поймем, что нельзя, то и не будем!»

— Действительно, мудро, — заметил Саня.

— И когда мы закончили ее читать, Яша сказал так: «Я не знаю, кого еще ждут евреи. Разве может прийти кто-то лучший, чем Иисус?»

Роза Моисеевна расплакалась, потом подошла к буфету и накапала себе в рюмочку валерьянки.

— Ах, Санечка, а мой Марик живет там, в Израиле.

Саня принялся утешать Розу Моисеевну, как мог. Он принес ей воды, уложил на кровать, укрыл ноги пледом. Видя, что она успокоилась, Саня сказал:

— Ну, я пойду.

— Идите, мой мальчик, мне уже лучше.

Саня вернулся к себе и принялся читать Евангелие. Многое он не понимал, но все-таки дочитал до конца. Закрыв книгу, он в смятении начал ходить по комнате и рассуждать: «Что делать? Я очень хочу узнать, был ли Иисус Мессией, Посланником от Бога. Говорил Он от Своего имени или от имени Бога? Если Он три года учил людей, исполнил все, что Ему поручил Отец, но люди Его отвергли, зачем было Ему умирать? Почему Бог тогда, на Голгофе, не спас Его?»

Саня решил, что ответы на свои вопросы он может получить, отправившись туда, где это все произошло, на Голгофу.

Вспомнив тех двух римских воинов, Саня решил быть

осторожнее. Он снял кроссовки, джинсы и остался в футболке и плавках. Достав из шкафа покрывало, он, как мог, обмотался им. Взглянув в зеркало, Саня подумал: «Да, на патриция я не похож, но на парня из XXI века — еще меньше».

Чтобы не промахнуться во времени, надо было узнать точную дату событий, о которых повествуется в Евангелиях. Он решил позвонить учительнице истории. К счастью, она оказалась дома. Саня поздоровался:

— Добрый вечер, Елизавета Александровна, это вас беспокоит Саша Соловьев из 11-го «А». Вы не могли бы мне назвать точную дату распятия Иисуса Христа?

После долгой паузы учительница ответила:

— Саша, сегодня не первое апреля, не разыгрывай меня.

— Я серьезно, для меня это очень важно, — ответил Саня.

Наверное, что-то в Санином голосе убедило Елизавету Александровну, и она ответила:

— Вряд ли кто-то даст тебе точный ответ. Но вот что знаю я. Дата рождения Иисуса Христа точно не известна. Она была принята условно, т. е. ее просто назначили. Мнения ученых в этом вопросе расходятся, но можно предположить, что Иисус Христос родился в промежутке времени между седьмым и вторым годом до нашей эры.

— Расхождение в пять лет! Ничего себе! — воскликнул Саня.

— По моему мнению, третий год до нашей эры — наиболее вероятная дата. Если сопоставить имена правителей, время переписи, смерть царя Ирода, то получается, что Христос родился именно в это время. Служение Он начал в тридцать лет, а в тридцать три был распят. Получается, что это случилось в тридцатом году нашей эры. Можно предположить, что произошло это весной, в марте-апреле. А вот число я, к сожалению, не могу назвать даже приблизительно. Ну что, тебя устроит такой ответ?

— Спасибо, Елизавета Александровна, вы мне очень помогли.

— А зачем это тебе, Саша?

— Я потом расскажу До свидания.

Саня взял прибор. Ручкой настройки подвел бегунок к названию «Иерусалим», набрал год. Потом тихонько сказал:

— Господи, помоги мне, пожалуйста, попасть на Голгофу, мне это очень надо. — Затаив дыхание, Саня набрал число — 14 апреля, завел таймер и закрыл глаза.

Он стоял на склоне покатой горы. Ароматы южной ночи просто опьянили его. Высокое звездное небо бархатным куполом раскинулось над головой. Песни цикад и крики ночных птиц делали эту ночь таинственной и тревожной. Всмотревшись вдаль, Саня увидел, что к подножию горы приближается группа людей с факелами. «Вот идут предающие Меня» — вспомнились ему строчки Евангелия.

— Идут! Они идут за Ним! — вслух сказал Саня, и его голос в тишине прозвучал как выстрел.

Он побежал наверх, по цветущему саду, цепляясь за колючие кусты, спотыкаясь и падая. Вдруг он увидел под деревом трех спящих мужчин. Это Петр, Иаков и Иоанн. Как они могут спать? Ведь Иисуса сейчас схватят! Саня пробежал мимо и оказался на поляне, освещенной лунным светом. Его сердце учащенно забилося: «Он...»

Склонясь над камнем, Иисус молился. Саня разобрал мягкую арамейскую речь:

— Отец, Отче! Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты.

Саня, задыхаясь, подошел к Иисусу:

— Они идут! Они уже близко! Тебе надо бежать, потому что они Тебя убьют. Я точно знаю. Иисус, беги.

Иисус смотрел на Саню. Его глаза были полны любви и слез:

— Я не могу бежать.

— Но Ты ведь уже все сделал! Они не хотят Тебя слушать, они убьют Тебя! Вот, у меня тут прибор, — сказал Саня, вытаскивая из-под покрывала ящик. — Возьми, вот кольцо, его надо только повернуть — и все, Ты окажешься у меня дома, в 2003 году. У меня мама хорошая, она Тебя полюбит, как сына или брата... Соседка, Роза Моисеевна... Беги! Я останусь тут, они меня не тронут, я разберусь.

Саня плакал, держа ящик перед Иисусом.

Иисус подошел и положил руки ему на плечи, Саня перестал дрожать.

— Я не могу бежать. Отец послал Меня, чтобы Я прошел этот путь. Я должен умереть, чтобы ты имел вечную жизнь. Ты хотел узнать, можно ли видеть лицо Бога? Только Моей кровью можно очиститься настолько, чтобы предстать пред Моим Отцом.

— Но ведь Ты ни в чем не виноват! Неужели нельзя по-другому?

— Нет, нельзя.

— Но почему?!

— Потому что так решил Отец.

— А умрешь Ты? — закричал Саня, понимая, что бунтует против Самого Всевышнего.

— Я и Отец — одно. — Сказал Иисус и пошел навстречу Иуде и воинам с факелами.

Все вокруг изменилось. Все было на своих местах — безмолвные звезды, перепуганные ученики, Иисус, идущий по освещенной лунным светом аллее сада, кровавые отблески огней факелов в руках воинов. «Я иду, как написано о Мне», четко прозвучали слова Иисуса в Саниной голове. «Он для этого пришел! Он пришел не просто научить, а умереть за людей. Он пришел, чтобы взять на Себя всю их вину, всю мою вину! Теперь я чист, я могу видеть лицо Бога! Я вижу Его лицо!» В этот момент Иисус повернулся. Глаза Его были полны любви и радости.

— Прости меня, прости меня, — твердил Саня. Дальше, как в калейдоскопе, мелькали куски событий: Иуда целует Христа, воины хватают Его под руки, Петр

отсекает ухо рабу, ученики бегут кто куда. Последнее, что увидел Саня, — разъяренное лицо огромного верзилы в медном шлеме, ухватившего конец покрывала, которым Саня был обмотан. Мальчик все же успел вставить кольцо и закрутить его на диске.

Засунув прибор под кровать, Саня пошел в ванную и стал под душ. Горячая вода смывала с его ног грязь, которой было две тысячи лет.

— Спасибо, Тебе, — шептал Саня.

Он молился впервые, неумело и сбивчиво. Он рассказывал Богу обо всем, что пережил за свои шестнадцать лет. Он давал Ему обещания, благодарил Его и восхищался Господом.

Утром, достав прибор из-под кровати, Саня решил разработать план действий. Первым делом надо было вернуть табуретку, потом разобрать прибор, сдать в пункт приема латунный диск, купить маме баночку черных маслин с косточками и курицу, которую они вместе с Розой Моисеевной приготовят к маминому приезду. План ему очень понравился, и он начал действовать.

Набрав нужную дату — 12 апреля 1961 года, Саня снова оказался на Красной площади. Пробежав мимо радостных демонстрантов, он зашел в знакомую подворотню возле булочной, но табуретки там не оказалось. Оглядевшись вокруг, он увидел в глубине двора старого знакомого — гражданина в шляпе, несущего его табуретку.

— Гражданин! — крикнул Саня.

Мужчина оглянулся и, увидев Саню, очень смутился:

— А я вот, смотрю, табуретка... Думал отнести ее в бюро находок. Вот... иду... А вы за ней вернулись? Какая радость! — мужчина выдавил из себя улыбку, как зубную пасту из тюбика.

Саня взял табуретку из рук красного, как вареный рак, гражданина и громким голосом произнес:

— Воровать и врать — грех! Бог есть, и Он все видит!

Он повернул кольцо на диске и исчез.

Последнее, что видел гражданин, — это невыносимо яркое сияние, а в центре его красивого белокурого мальчика с табуреткой в руках.

— Прости меня, Господи! — закричал гражданин, бросился на колени и перекрестился, глядя на небо.

Саня этого не видел, он раскручивал прибор и добавлял к своему списку еще пункты: если останутся деньги, купить маме и Розе Моисеевне цветы; сходить к отцу и поговорить; помириться с Мишкой и рассказать ему об Иисусе; рассказать об Иисусе Маринке, и Елизавете Александровне, и соседу Пете, и всем! Всем! Всем!

Вагон в ад

Леха ехал в вагоне метро. Вагон шатало из стороны в сторону, Леху мутило после вчерашнего, и качка усугубляла прелести похмелья. Во рту было гадко, голова кружилась, тошнота то и дело доходила почти до критической точки. Пассажиры, стоящие рядом, пытались отодвинуться или хотя бы отвернуться. Даже мятная жвачка не могла заглушить стойкий запах перегара.

От неожиданного звонка мобилки в нагрудном кармане Леху бросило в пот, и он чуть не лишился сознания. Дрожащими руками он достал телефон и с трудом попал на кнопку, чтобы прекратить ненавистно-бодрый «Турецкий марш».

Звонил Игорь. Это было даже хуже, чем если бы позвонила мама. Леха привык ей врать, и она верила каждому его слову. С Игорем дело обстояло иначе.

...Игорь пришел в их класс, когда им было по тринадцать лет. Леха сам не понимал, что привлекло его к тощему, хилому пацану-очкарику, над которым принялись издеваться и мальчишки, и девчонки. На удивление всем, отпетый, как говорила классная руководительница, Леха подружился с новеньким и взял его под свое покровительство. Лехе нравилось, что Игорь разговаривает не так, как другие, а умно, по-книжному. Он часами мог слушать, как его друг говорит о космическом пространстве, о чудесах микробиологии, о разных археологических открытиях. Леха понимал не все, и поэтому испытывал к Игорю какое-то по-детски благоговейное чувство. Их теперь можно было всегда видеть рядом — крепкого, загорелого, всегда растрепанного Леху и худенького, белобрысого, аккуратного Игоря.

После школы Леху ждала одна дорога — торговать на рынке или работать на какого-нибудь мелкого бизнесмена, а потом пойти в армию. Так и вышло — он устроился в небольшую автомастерскую. А Игорь, естественно, поступил в университет.

На втором курсе у Игоря обнаружили рак легких. Узнав эту страшную новость, Леха три дня пил не просыхая. Он помнит, что переставал плакать, только когда засыпал, положив голову на стол. Четвертый день он проспал полностью, а на пятый решился пойти к Игорю в больницу.

Лицо друга было одного цвета с больничными простынями. Но глаза сияли живым, ярким и радостным светом.

— Алексей! Наконец-то! — сказал он. — Я тебя так долго ожидал! Ты, вероятно, был слишком занят, чтобы навестить меня?

— Да. Там работа, то да се... — промямлил Леха.

— Надеюсь, у тебя есть несколько минут, чтобы выслушать меня?

— Да че там? Говори, — ответил Леха.

— Послушай, у меня все в порядке. Я выздоровею, уверяю тебя. У меня нет ни капельки сомнений в этом, — проговорил Игорь.

Леха подумал, что у парня крыша поехала окончательно. От его родителей он узнал, что у Игоря саркома — самая страшная разновидность рака, которая сжирает человека очень быстро.

— Да, конечно, выздоровеешь, — сказал он и покраснел.

Он почему-то никогда не мог врать другу, — что-то мешало. По жизни он вообще никогда не краснел, хотя врал часто. Но стоило ему произнести хоть слово лжи при Игоре, как он моментально становился похожим на цветущую розу.

— Ты не веришь мне, я знаю. Но я не виню тебя — нет-нет. Я все понимаю. По человеческой логике я могу протянуть максимум месяц. Я много читал о своей болезни и знаю, как, предположительно, она может протекать. Но я хочу сказать тебе нечто важное. Здесь, в нашей палате, лежал пожилой мужчина. Ты сейчас сидишь на его койке. Он умер позавчера...

Леха подпрыгнул, но, совладав с собой, сел, пытаюсь выглядеть спокойным.

— Так вот, он сказал мне, что знает, что скоро умрет, но не боится смерти, потому что имеет вечную жизнь. Он подарил мне Библию. Ты знаешь, я ведь и раньше читал ее... Но по-настоящему понял только сейчас.

— Да, ты мне рассказывал про Соломона, про этого, как его, Голиафа... Красивые сказки.

— Тогда и для меня Библия была просто сборником сказок. А теперь я знаю, что это Слово Божье. — Игорь погладил книгу тонкой полупрозрачной рукой.

— Да, ее все так называют. Я слышал, — пытался поддержать разговор Леха. — Может, соку выпьешь?

— Нет, спасибо, — покачал головой Игорь, продолжая. — Он сказал, что верующие в Иисуса Христа не умирают, а переходят из смерти в жизнь.

— Это как? Перерождаются? В собачку, там, или в лошадь? Ты когда-то рассказывал про это. Но ты не верил, говорил, что это... нелогично.

— Нет. Тогда я говорил о реинкарнации. А вечная жизнь — это настоящая жизнь, на небесах.

Леха взглянул в окно. Небо было синее и абсолютно безжизненное.

— Ты гонишь...

— Небо — это понятие духовное. Это другой, нематериальный мир, который невидим для нас, пока мы находимся в теле. В момент смерти верующий человек покидает тело и отправляется на небо, где его ждет Бог, — с трудом переводя дыхание сказал Игорь.

— Ну, а неверующий куда?

— В ад.

— Баба Настя мне говорила: «Будешь красть малину, попадешь в ад!» А теперь ты...

— Если будешь грешить и не будешь верить в Бога, тогда точно туда попадешь.

В это время пришла медсестра делать укол и попросила Леху уйти.

Вечером он опять напился. Теперь Леха рыдал оттого, что его друг сошел с ума. Через пару дней опять пришел к Игорю. В палате были родители, поэтому пришлось говорить только на общие темы, что Леху весьма обрадовало. Уходили они вместе. По дороге мама, сдерживая слезы, сказала:

— Бедный мальчик, он нашел себе утешение. Он считает, что Бог его исцелит.

— А что врачи? — спросил Леха.

Мама только заплакала в ответ:

— Говорят, что осталось две недели.

Леху выгнали с работы. Он сидел дома, закрывшись в своей крошечной комнатке за фанерной перегородкой, и ни с кем не разговаривал. Хорошо, что мать все время

была на работе, а отчим торчал у телевизора. Каждый вечер Леха принимал решение поехать завтра в больницу, но опять и опять откладывал поездку. В конце второй недели он набрался храбрости и позвонил родителям Игоря. Мама сказала, что его состояние тяжелое, но стабильное. А еще через неделю Леха поехал к другу.

Игорь спал, бледный и спокойный. Леха сел рядом, вглядываясь в лицо спящего друга. Ему показалось, что какое-то неземное сияние исходит от этого лица. Игорь был без очков, и только теперь Леха увидел, что он очень красивый. Черты были тонкими и совершенными. «Похож на ангела — подумал Леха. — А что, если Игорь прав, и его ожидает вечная жизнь на небе? Вообще-то, логично, Игорь хороший, Бог таких любит. А мне — прямая дорожка в ад».

Ресницы Игоря задрожали, он проснулся.

— Привет, Алексей! — улыбнулся он Лехе. — Видишь, я жив!

— А что врачи?

— Суется, анализы делают, глазам своим не верят, — ответил Игорь. — Я буду жить, я помолился Богу и верю, что Он меня исцелит.

— А тот мужик, с этой койки, что, не молился? — недоверчиво спросил Леха.

— Молился. Но он был готов уйти на небо, его тут ничего не держало.

— И он не боялся смерти?

— Боялся. Люди все боятся умирать. Но он знал, что его ожидает прекрасное будущее, которое ценнее земной жизни. Его жена уже умерла, он знал, что встретится с ней на небе. Дети его — верующие, внуки тоже. Он все сделал на земле, что мог, и был готов к встрече с Христом. — Игорь приподнялся над подушкой. — А у меня еще много дел на земле. Я хочу, чтобы мои родители poznали Господа, чтобы ты не погиб.

— А чего ты решил, что я погибну? — взглянул Леха исподлобья на Игоря.

— Извини, но твоя жизнь — яркий пример пути в ад.

Леха встал, прошелся по палате, засунув в карманы сжатые кулаки.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы ты был на моем месте. Если бы тебя с пяти лет лупили просто так, от злости, если бы тебе приходилось среди ночи убегать от пьяного отчима, а потом... Что могло быть в моей жизни? Ты видел непьющего помощника автослесаря с моей зарплатой?

— Я все понимаю. Но даже самые тяжелые обстоятельства жизни не могут оправдать грех, — тихо сказал Игорь.

— А я и не хочу его оправдывать. Просто знаю, что меня бесполезно учить не грешить. Так что, как говорится, твоя миссия невыполнима. Читай Библию маме и папе, они хорошие, они поверят и будут с тобой на небе. Бог таких любит, хороших.

— Бог любит и тебя, — проговорил Игорь. — Вот послушай: «Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками». Помнишь, я тебе рассказывал, что Иисуса Христа распяли на кресте? Я тогда думал, что Его казнили за то, что людям не нравилось Его учение.

— Ну...

— А на самом деле, Бог Отец послал Иисуса на землю, чтобы Он умер за наши грехи.

— Ну...

— И теперь Бог простил нам все наши грехи, даже те, которые мы еще не совершили. — Глаза Игоря сияли, когда он произнес эти слова.

— Полная амнистия получается, — произнес Леха. — И чего ради Он это сделал?

— Чтобы мы с Ним были вечно на небе. Он любит нас. Он тебя любит.

Леха опять засунул кулаки в карманы.

— Что-то я этой любви не ощущаю.

Игорь откинулся на подушку.

— Ты просто поверь в это и обратись к Богу в молитве. В этот момент в палату со шваброй ввалилась сани-

тарка и принялась делать уборку. Леха мысленно поблагодарил ее и ушел.

Игорь, и правда, выздоровел. Врачи не могли объяснить то, что произошло с их пациентом, родители радовались, все удивлялись. Леха испытывал странное чувство разочарования. Он ловил себя на мысли, что если бы Игорь умер, все было бы просто и понятно. А теперь... Он стал избегать друга. Они виделись все реже и реже. Игорь часто звонил, приглашал в гости или в церковь, куда ходил теперь вместе с родителями. У Лехи находилась куча причин, чтобы не встречаться с другом.

...Дрожащими руками Леха прижимал к уху трубку

— Алло! Игорь, извини, я не смог вчера прийти, мать заболела, — соврал он и почувствовал, как ухо стало тяжелым и горячим. — В следующее воскресенье обязательно пойду с тобой в церковь, обещаю.

— Знаешь, я тебя не пугаю, но следующего воскресенья может и не быть. Путь в ад бывает гораздо короче, чем кажется.

Вагон качнулся, и Леха, сцепив зубы, переждал, пока пройдет приступ тошноты.

— Я уже это слышал. Пока. Я перезвоню, — выдавил он с трудом.

Поезд выехал из туннеля и остановился на мосту. Леха плюхнулся на сиденье, оттеснив тетку с большой клетчатой сумкой, метнувшей на него уничтожающий взгляд. Справа сидела беременная молодая женщина с дочкой лет четырех. Девчушка встала на коленки на сиденье, чтобы видеть, что происходит за окном.

Леха откинул голову на спинку и закрыл глаза. Его мутило.

Изредка приоткрывая глаза, Леха увидел, что они переехали Днепр, остановились и поехали дальше. Ему надо выходить на конечной, поэтому он решил не бороться с одолевающей его дремой.

В очередной раз подняв отяжелевшие веки, он увидел широкий луг со стадом пасущихся коров. «Какой дурак

пригнал стадо в город?» — подумал он сквозь сон. Поезд ехал дальше, набирая ход. Вновь открыв глаза, Леха увидел, что они въехали в лес. Только сейчас он заметил, что пассажиры в вагоне заметно взволнованы. Группа студентов, которые все время смеялись и отбрасывали шуточки, замолкли, удивленно переглядываясь. Тетка с клетчатой сумкой, расталкивая пассажиров, устремилась к выходу. Старушка напротив все время крестилась и что-то шептала. Там и тут слышались возмущенные возгласы.

— Мамочка! Смотри, грибочки! — раздался звонкий голосок девочки, сидящей рядом с Лехой. Повернув голову, он успел разглядеть под седой мохнатой елью стайку огромных, по колено, мухоморов.

— Приехали! — вырвалось у Лехи.

Лес становился все гуще, мрачнее, кроны деревьев сомкнулись над поездом, и вагон наполнился запахом прелых листьев и плесени. В конце вагона истерично завизжала женщина, свет погас, и в это время поезд въехал в туннель. Леха вскочил, стукнулся головой о перекладину и тоже заорал. Грохочущий поезд мчался по темному туннелю, люди метались внутри вагона в панике и страхе. Через пару минут загорелся синий аварийный свет. Лица пассажиров, перепуганные и синие, мелькали вокруг. Леха увидел, что людей в вагоне стало меньше. Место справа, где только что сидела женщина с ребенком, было пусто. Исчезла старушка напротив. Студентов тоже поубавилось. По освободившемуся проходу бегала женщина с криком: «Мариночка! Доченька! Где ты?» Тетка с сумкой отчаянно колотила кулаком в стеклянную дверь. Мужчина в шляпе орал:

— Остановите поезд! Я опаздываю на важную встречу. Студенты искали Алика и Ромку.

— Куда мы едем? — спрашивала всех длинноногая девица с сережкой в носу.

— В ад, — ответил Леха, и его голос прозвучал очень громко в наступившей вдруг тишине.

— Безобразие! Кто за это ответит? — заорал мужчина в шляпе.

— Каждый сам за себя и ответит, — сказал Леха и понял, что именно так и будет. Ему не удастся свалить свою вину ни на отчима, ни на мать, ни на собутыльников. — Как ни крути, отвечать за свои грехи перед Богом придется каждому.

— Какие грехи? — сделала круглые глаза девица, и сережка в ее носу задрожала. — Я не крала, не убивала... Пью редко, и то шампанское... Ну... курю... И за это — в ад?

Она зарыдала, положив голову на грудь мужику в шляпе, и он явно приободрился и немного подзабыл о важной встрече.

— Ну-ну, — похлопал он ее по спине. — Я сейчас все улажу.

Он вытащил мобилку и попытался позвонить. Связи не было, и мужчина опять заволновался.

— Надо дернуть стоп-кран! — встрепенулся он от гениальной идеи.

Кран дернули, но вагон продолжал мчаться в темноте, набирая ход.

Женщина, искавшая Мариночку, вдруг успокоилась и села.

— Так! Слушайте сюда. Мы, и правда, едем в ад. Моя дочка говорила, что это когда-то случится, но я ей не верила. Она говорила, что верующих Бог заберет на небо, а неверующие отправятся в ад. Она исчезла, значит, мы едем именно туда.

— Ага! И Алик с Ромкой верующими были, — подтвердили студенты.

— Что за бред? — воскликнул мужчина в шляпе, прижимая к себе всхлипывающую девицу. — Я физик! Какой ад? Вы в своем уме?

— Старушки нет, в платочке. Она все время крестилась и молилась, когда мы в лес въехали, — тихо произнес кто-то в глубине вагона.

— Есть у кого что-нибудь тяжелое? — спросила тетка, перестав лупить кулаком по стеклу.

Кто-то из студентов протянул ей пятикилограммовую гантелю.

Стекло разбить не удалось, хотя все по очереди пробовали это сделать.

Мама Мариночки учительским тоном произнесла:

— Это бессмысленно. Надо подумать, что мы можем сделать. Итак, дано: поезд на огромной скорости мчится в ад. Мы не знаем расстояния до этого места, не знаем времени, не знаем силы, движущей этот поезд. Что мы знаем?

— Можно предположить, что скорость поезда сто километров в час. Что нам это даст? — сказал кто-то из студентов.

— Ничего, — ответила мама Мариночки. — Вот вы физик, — обратилась она к мужчине в шляпе, — ответьте пожалуйста, как можно остановить поезд, мчащийся на такой скорости?

— Ну, если учесть все факторы...

— А что, если связаться с машинистом? — спросила девица, вытирая потеки туши на синем лице.

Кто-то из пассажиров нажал кнопку связи с машинистом и подул в дырочки. Связь не работала. Девица опять зарыдала. Мама Мариночки прикрикнула на нее и продолжала:

— Связь с машинистом прервана, поездом движет какая-то сила. У нас мало времени, я это чувствую. Работайте мозгами! Бездари, остолопы! — вдруг закричала она. — В моем седьмом «В» Гёна Коноваленко лучше соображает! Ну! А ты чего молчишь? — обратилась она к Лехе. — С чего ты взял, что мы едем в ад?

Злые глаза пассажиров обратились на Леху.

— Я знаю, мне друг говорил... Все правильно: связь с машинистом прервана. А поездом движет сила... греха, — ответил он, чувствуя, как начинает понимать то, что говорил ему Игорь.

— Какого греха? — взвизгнула девица. — Чьего? Кто тут вор, убийца?

— Тут все преступники, — отозвался Леха.

— По тебе видно, что ты молодой алкаш и дебошир, но я-то порядочный человек, — возмутился мужчина в шляпе.

— Ага, порядочный, — вступилась мама Мариночки. — На порядочных чужие девицы не вешаются.

Повернувшись к Лехе, она предложила:

— Давай подумаем, что мы можем сделать в нашей ситуации. Пока я вижу, что ты даешь единственно верную оценку событиям. Вспоминай, о чем тебе еще говорил твой друг, а я попытаюсь вспомнить Мариночкины слова.

Леха напрягся:

— Связь с машинистом в нашей ситуации — это связь с Богом.

— Значит, надо помолиться! — воскликнула девица, от которой мужчина в шляпе отсел на расстояние. — Я знаю молитву, меня когда-то дедушка учил. Как там? Отче наш, что еси на небеси?.. Ой, забыла! — заплакала она снова, ища глазами, к кому бы упасть на грудь. Мужчины заерзали на сиденьях, отодвигаясь подальше.

— Нет, — категорично вмешалась мама Мариночки. — Дочка мне говорила, что надо обратиться своими словами, Бог понимает и простые слова. Например, так: «Дорогой наш Бог!» или нет, лучше: «Дорогой наш любящий Бог!»

— Какой любящий? — заорал кто-то из студентов. — Мы сейчас расшибемся в лепешку! Разве любящий Бог допустил бы такой глупой смерти нескольких десятков людей?

— Вы забыли про силу, — произнес Леха.

— Про какую силу? — отреагировал физик в шляпе, успевший прийти в себя.

— Сила, которая движет поездом, — это сила нашего греха. Вспомните каждый о тех гадостях, которые вы совершили в жизни.

В наступившей тишине было слышно, что колеса поезда набрали ход.

— Как же остановить эту силу? — спросила тетка с сумкой, перестав колотить гантелями по стелу двери.

У Лехи в голове вдруг началась складываться удивительная мозаика. Фрагменты слов Игоря, обрывки библейских историй, поучения бабы Насти начали приобретать смысл и складываться в нечто стройное, прекрасное и радостное.

— Тихо! Я понял! Мы должны признаться перед Богом в своих грехах, попросить у Него прощения. И тогда поезд, который нас везет в ад, затормозит! Связь с Богом наладится, и мы не погибнем!

Стало тихо-тихо. Стук колес сливался со стуком сердец пассажиров, которые начали повторять за Лехой слова молитвы. Он говорил с Богом, а сердце бешено колотилось, обгоняя поезд. И тут грянул «Турецкий марш».

Открыв глаза, Леха увидел, что над ним стоит девчушка и дергает за рукав, пытаясь его разбудить, а в кармане разрывается мобилка. Нажав на кнопку, он услышал голос Игоря. Девочка следом за мамой пошла к выходу, помахав Лехе рукой. Он увидел на ее курточке круглый красный значок и прочитал на нем: «Меня любят!»

— Алло! Алексей, ты слышишь? — доносилось из трубки.

— Слышу! Меня любят! Игорек! Бог любит меня!

Вскочив с сиденья, он обнял тетку с сумкой, пожал руку физику и чмокнул девицу в наруганную щеку:

— Бог вас любит! Держите с ним связь! Он сделал все, чтобы мы не шли в ад, а были с Ним вечно на небесах! Он любит нас!

Как Джим Хопкинс стал миссионером

Джим Хопкинс с детства был очень упрямым. Он все время хотел кому-то что-то доказать. В школе он пытался доказать, что он самый умный и способный ученик, в бейсбольной команде — что он самый лучший игрок, в школьном оркестре — что он громче всех играет на тромбоне. Почти всегда это ему удавалось. Те, кто знали Джима, с ним не спо-

рили, зная, что это бесполезно. И основания для этого были.

Например, в третьем классе он на доллар поспорил со своим другом Алексом Карпентером, что съест десять порций мороженого. Правда, после этого он две недели болел ангиной, но свой доллар получил. В пятом классе он поспорил со старшей сестрой, что поцелует ее подругу. Правда, после этого «эксперимента» у него под глазом появился синяк, но спор он выиграл. Он спорил, что перегонит на велосипеде новенький «плимут» соседа Билли Робинса, что спрыгнет с пожарной вышки с самодельным парашютом и съедет на садовой тачке с горы возле старой мельницы. Этот перечень можно было бы продолжить, но, я думаю, что вам и так ясно, что за человек был Джим Хопкинс.

Семья этого упряма была похожа на тысячи других американских семей. Отец служил в небольшой юридической фирме. Мама воспитывала четверых детей. Жили Хопкинсы в небольшом домике, возле которого была миленькая лужайка с тремя кустами роз. По праздникам к ним приезжали в гости родственники. На дни рождения к детям приходили друзья, и мама угощала их барбекю и яблочным пирогом. Каждое воскресенье семья посещала церковь. Маленькие Хопкинсы, в аккуратных костюмчиках и платьицах, чинно сидели на церковных скамейках и терпеливо ожидали окончания службы. На Рождество дети находили под елкой подарки, упакованные в яркую бумагу с нарисованными на ней ангелочками.

С такого подарка все и началось.

Джим Хопкинс мечтал получить в подарок глобус. Не простой, а такой, какой видел в антикварном магазине, открывшемся накануне Рождества в центре их городка. Это был старинный глобус на золоченой подставке из слоновой кости. Стоил он очень дорого. Джим уже был в таком возрасте, что понимал, откуда под елкой появляются подарки. Он давно уже не верил в Санта-Клауса. Но он очень хотел этот глобус. Просить об этом отца или маму

было бессмысленно. Они никогда не дарили детям подарки дороже десяти долларов. Надо было найти другое решение этой проблемы.

Накануне Рождества семья Хопкинсов пошла в церковь. И там во время службы Джима посетила идея: а что если попросить Бога, чтобы Он послал ему этот подарок? Джим сложил руки, как научила его мама, закрыл глаза и помолился так:

— Господи, если Ты есть и слышишь меня сейчас, прошу Тебя, пошли мне такой глобус. Если Ты сделаешь это, я обещаю, что стану миссионером и буду проповедовать Твое Слово.

Вечером, лежа в постели, он мечтал, как найдет утром в день Рождества под елкой желанный подарок. Как потом окончит колледж, поступит в университет, станет миссионером и поедет в какую-нибудь глушь, в горы, где живут дикие племена. А дикари будут слушать его и каяться... Он мысленно крутил глобус, перед глазами мелькали экзотические названия: Новая Гвинея, Бирма, Филиппины.

Когда маленькие Хопкинсы стали распаковывать свои подарки, Джим не спешил. Он поставил коробку перед собой на пол, медленно потянул за розовую ленточку, которой был перевязан подарок. Потом так же медленно развернул бумагу... открыл коробку...

Там лежали новые ботинки и теплые шерстяные носки...

Джим сделал вид, что обрадовался подарку. За праздничным столом он был весел, шутил вместе со всеми, пел рождественские песни.

Когда все легли спать, Джим Хопкинс вышел на крыльцо своего дома, поднял голову вверх и произнес:

— Я докажу, что Бога нет!

Круто повернувшись, он хлопнул дверью и пошел спать.

С отличием окончив школу, колледж, университет, он долго не мог определиться с выбором профессии.

В конце концов решил заняться астрономией. Ему казалось, что именно при помощи астрономии можно доказать, что Бога нет. Его познания и в других областях человеческих знаний были весьма обширными. Джим хорошо знал физику и математику, увлекался микробиологией. Он изучал историю и иностранные языки. Обладая огромной эрудицией и цепким умом, а также уникальным талантом спорщика, он в считанные минуты мог положить на обе лопатки любого собеседника, особенно, если тот пытался говорить с ним о Боге. Любое открытие в любой области знаний профессор Джим Хопкинс мог преподнести как доказательство того, что Бога нет.

Однажды в прессе появилось сообщение о том, что в Андах найдено племя людей, которое живет как при первобытно-общинном строе. Удивительной особенностью этого племени было то, что его представители ведут высокоморальный образ жизни.

Джим Хопкинс заинтересовался этим сообщением. Он ухватился за него, как за еще одну возможность доказать, что Бога не существует. Ведь если племя, не имеющее знаний о Боге, может жить, соблюдая законы морали, то зачем тогда Бог с Его законом? Зачем Библия, если есть возможность жить честно и счастливо без нее?

Не теряя времени, Джим Хопкинс отправился в Анды. Дорога была не из легких, но наш профессор не привык отступать перед трудностями. Он был, как мы уже знаем, человеком целеустремленным и настойчивым. Тем более что им двигала идея всей его жизни — доказать, что Бога нет.

Племя чавиро жило высоко в горах. Место было диким и недоступным. Вершины гор кольцом окружали цветущую долину, в центре которой было два озера — одно крупнее, другое совсем маленькое. Этот уголок дикой природы был уникален. Стоя на перевале, Джим Хопкинс смотрел на это чудо и изум-

лялся. Богатейшая растительность поражала обилием красок и форм. Разнообразное пение птиц говорило о том, что этот затерянный мир богат не только флорой, но и фауной.

Профессор простился с проводником, который наотрез отказался спускаться в долину, и, подстегиваемый любопытством ученого-исследователя, ринулся вперед, навстречу неизведанному.

Спустившись в долину, он увидел, что на склоне мирно пасутся козы. Они доверчиво смотрели на него, из чего ученый понял, что это не дикие, а домашние животные. По озеру плавали утки и гуси. Они тоже не были похожи на диких птиц, потому что не улетели, когда профессор приблизился к ним. Пройдя вдоль озера дальше, он увидел каменную вымостку, на которой женщины стирали белье. Тут же купались веселые ребята. Женщины о чем-то разговаривали, и Джим Хопкинс уловил что-то знакомое в их речи. Язык был похож на смесь испанского, португальского и английского. Увидев незнакомца, женщины замолчали и прекратили стирать белье. Мальчишка лет десяти побежал по тропинке, вьющейся вверх среди зарослей какого-то колючего кустарника. «Наверное, пошел звать мужчин», — решил профессор и сел в сторонке на камень. Женщины тоже сели и принялись изучать незнакомца. Джим Хопкинс решил воспользоваться возможностью разглядеть туземок. Женщины были смуглые, стройные. Волосы у многих были завязаны в узел, и прически украшены косточками и деревянными бусинами. Одежда сшита из кожи и грубого полотна. В их глазах не было страха, а только любопытство и оживление. Джиму Хопкинсу даже показалось, что они рады его появлению, но держатся довольно сдержанно.

Мальчик вернулся минут через двадцать. С ним пришли трое взрослых мужчин. Джим встал, приветствуя их.

Старший из них был, вероятно, вождем. Кроме того,

его одежда отличалась от наряда других мужчин своей пышностью, а голову украшал кожаный головной убор, напоминающий шляпу. Вождь заговорил, и Джим Хопкинс, знающий двенадцать иностранных языков, с удивлением отметил, что почти все понимает. Вождь приветствовал незнакомца и пригласил стать его личным гостем. Профессор с радостью согласился и пошел вместе со всеми по тропинке.

Скоро они вышли на обширную поляну, вокруг которой росли высокие платаны. Под кронами деревьев стояли аккуратные хижины. Деревушка примыкала к отвесному склону горы, в горе виднелся широкий вход в пещеру. Вождь широким жестом пригласил Джима Хопкинса именно туда. Войдя в пещеру, профессор с удивлением отметил, что пещера большая и отлично оборудована. Пол устлан досками, довольно хорошо подогнанными одна к другой. В стенах выдолблены ниши, в которых установлены масляные светильники. В центре пещеры был сложен большой каменный очаг, в котором весело потрескивали дрова. В дальней стене пещеры виднелись два проема, закрытые кожаными занавесями. Там, вероятно, находились спальни.

Вдоль очага располагались длинные лежанки, на которых разместились туземцы. Вождь сел на отдельном ложе, устланном мягкими шкурами. Джиму предложили ложе попроще, но тоже довольно удобное. Профессор услышал, что прозвучало несколько ударов в барабан, после которых в пещеру вошли женщины и стали разносить угощение. В деревянных мисках дымилось какое-то кушанье из плодов и корней. На вкус оно было довольно приятным, хотя, по мнению Джима, ему не хватало остроты.

После обеда мужчины завели разговор. Джим хорошо улавливал смысл, хотя туземцы употребляли устаревшие и частично искаженные слова из испанского, английского и португальского языков. С удивлением

профессор отметил, что иногда проскакивают слова на латыни.

Из беседы ученый понял, что племя чавиро насчитывает триста восемьдесят семь человек. Племя обладает собственной письменностью, в деревне есть водопровод, существует школа. Каждый член племени занимается делом, которое ему по вкусу. Мужчины охотятся, ловят рыбу в озере, мастертят хозяйственную утварь, строят хижины. Женщины воспитывают детей, шьют, работают на ткацких станках. Едят чавиро все вместе. Рядом с пещерой вождя расположена пещера, в которой женщины готовят еду для всего племени. Удары в барабан оповещают жителей деревни, что пора обедать. Джим также узнал, что чавиро моногамны. У них очень стабильные семьи. Разводов не бывает, повторный брак возможен только после смерти одного из супругов. Уклад в семьях патриархальный — женщина безропотно подчиняется мужу, дети тоже во всем слушаются отца.

Джим слушал все эти разговоры и не верил своим ушам. Перед ним было идеальное общество. Он заметил, что среди мужчин царил спокойная, можно сказать, дружественная обстановка. Все были очень предупредительны друг с другом.

— А вы верите в Бога? — спросил он.

Мужчины в ответ молчали. Решив, что они не поняли его вопрос, он попытался им объяснить:

— Ну вы верите, что существует Творец, Который создал землю, вас? Что Он живет на небе и все видит?

— Нет, нет! — отрицательно качали головами чавиро. — В такого Бога мы не верим!

Джиму было приятно слышать это. Он допоздна слушал у огня рассказы о том, как чавиро женятся и выходят замуж, какие у них есть праздники, как дети выбирают себе профессию.

Этой ночью он долго не мог уснуть. Он ворочался на устланной кожами деревянной лежанке, и обдумывал

название своей разгромной статьи в толстом научном журнале. «Неопровержимое доказательство чавиро»! Нет, лучше так: «Зачем Бог, если и без Него все в порядке?»

Утром, после сытного и вкусного завтрака, Джим Хопкинс в сопровождении трех туземцев пошел осматривать деревню чавиро. Он с удивлением увидел бамбуковый водопровод, систему подогрева воды в пещере, где располагалась кухня. Посетил занятия в школе. Его поразила дисциплина на уроке, аккуратность и прилежность учеников. Зайдя в несколько хижин, Джим увидел, что в них очень уютно и чисто. Посетив мастерские, он познакомился с ткацким и гончарным производством. Туземцы с радостью показали ему свои рыболовные снасти. Повели в копильню, которая стояла на берегу озера, и угостили очень вкусной копченой рыбой. Джим также имел возможность посмотреть на поля, засеянные злаками, побывал в прекрасном фруктовом саду. Чавиро показали ему козье стадо, часть которого он видел в самом начале своего путешествия по этой удивительной местности. Посетил он и птицеферму, где разводили не только гусей и уток, но также кур и индеек.

Ученый был настолько поражен увиденным, что ему не терпелось рассказать о своих исследованиях всему миру. Он отснял несколько фотопленок, сделал массу зарисовок, снял на видеокамеру все, что только было возможно. Туземцы с радостью позировали ему и гостеприимно приглашали в свои хижины.

Вечером, переполненный впечатлениями, он сказал вождю, что должен немедленно отправляться домой. Вождь покачал головой и ответил, что это его огорчает. Он бы хотел, чтобы гость побыл у него еще два дня. Джим, скрепя сердце, согласился.

На следующий день он продолжил свои исследования. Он сказал туземцам, что когда спускался в долину, то видел еще одно озеро.

— Вы не могли бы проводить меня туда? — попросил он.

Туземцы переглянулись и ответили:

— Завтра. Сегодня нельзя.

На все его расспросы они отвечали, что сегодня нельзя, только завтра. Джим с нетерпением ожидал, что же он увидит завтра.

Утро следующего дня началось необычно. Вместо знакомого барабанного боя, который звал племя на завтрак, раздалось женское пение. Джим вышел из хижины и увидел танцующих женщин. Их головы были украшены гирляндами цветов. Вместо обычных кожаных одеяний на них были надеты одежды из полотна, выкрашенные природными красителями в разные цвета. Для завтрака были накрыты столы под платанами.

— Сегодня какой-то праздник? — спросил Джим у вождя.

— Да, — ответил он. — Мы готовимся к праздничному завтраку чавиро.

Женщины хороводом обошли вождя и его гостя. После танца все сели и приступили к трапезе. Джим ел фрукты, пил разные соки и наслаждался разговорами со своими новыми друзьями. Трапеза длилась часа два, после чего мужчины встали из-за стола и улеглись в гамаках, подвешенных на деревьях. Женщины сновали туда-сюда, убирая со стола. Джим с удивлением заметил, что они опять носят еду. Танцовщицы вновь обошли хороводом гостя и вождя, и мужчины снова сели за стол. Яства были одно лучше другого. Очень вкусно приготовленный рис, жареная индейка, всяческие мясные кушанья, лепешки, овощные блюда. Джим Хопкинс никогда не ел так много и так вкусно.

Обед длился часа четыре. После него мужчины опять разошлись по своим гамакам. Легкая дрема охватила всех. Джим тоже дремал, иногда открывая глаза и поглядывая, как женщины беззвучно, на цыпочках, снуют мимо спящих мужчин.

Когда они проснулись, стол был снова накрыт. Джим ел хрустящих утят, запеченных в тонких листьях какого-

то экзотического растения, заедал румяными ячменными лепешками и запивал все это холодным соком манго.

Цивилизация была где-то далеко и стала для него не столь привлекательной, как эти милые мужчины, эти тихие и кроткие женщины, эти воспитанные черноглазые ребяташки. Застолье продолжалось и с наступлением темноты. Женщины и дети с факелами в руках окружили пирующих мужчин и стояли, молча и приветливо глядя на них.

Джим наклонился к вождю и сказал ему на ухо:

— Я благодарен вам за этот праздник. Ничего подобного в моей жизни не было. А чему посвящено это торжество?

— Я же сказал тебе, что это подготовка к завтраку чавиро.

— Ничего себе, подготовка! — рассмеялся Джим. — Это завтрак, постепенно переходящий в ужин!

— Ты не понял, чужеземец. Это был не завтрак, это была подготовка. Завтрак будет утром, — ответил вождь.

— Да? — удивленно спросил Джим Хопкинс, и почему-то у него появилось какое-то нехорошее предчувствие.

В полночь женщины с факелами запели снова. Мужчины встали из-за стола и пошли по тропинке. Женщины и дети освещали им дорогу. Профессор увидел, что они направляются в сторону большого озера. «Может, решили искупаться?» — мелькнула у него мысль. Процессия прошла мимо озера. Они миновали мастерские, кукурузное поле, масличную рощу. Джим Хопкинс понял, что шествие направляется в сторону второго озера, которое его друзья-туземцы обещали показать позже.

Ночь выдалась прохладной. Полная луна освещала причудливые горы, кустарники, покрытые какими-то плодами, деревья, стоящие вдоль тропы. Бывалый профессор почувствовал, как страх охватывает его.

Процессия приблизилась к озеру и остановилась на

берегу. Это озеро было гораздо меньше первого. На его ровной глади отражались огни факелов, звезды и огромный шар луны.

И вдруг племя стало кричать:

— Ча-ви-ро! Ча-ви-ро!

— Кого вы зовете? — спросил Джим.

— Мы зовем нашего бога — чавиро, — ответил вождь.

— Вы же сказали, что не верите в Бога! — заметил профессор.

— Мы не верим в того Бога, о котором говорил ты.

У нас свой бог — чавиро, — ответил вождь.

Его соплеменники продолжали скандировать:

— Ча-ви-ро!

И тут профессор Джим Хопкинс увидел, как из воды появилось нечто. От неожиданности он вздрогнул — это был крокодил.

— Чавиро! Чавиро! — заорали туземцы.

Вождь шагнул вперед и, поклонившись, громко произнес:

— Чавиро! Мы привели тебе завтрак!

У профессора все похолодело внутри, когда женщины стали украшать его гирляндами цветов.

— Что вы делаете? — крикнул он.

Женщины, не слушая его, продолжали его украшать.

— Объясните, мне, что происходит? — обратился ученый к вождю.

— Каждый раз в полнолуние мы готовим завтрак нашему богу чавиро. За это мы имеем хороший урожай и теплую погоду.

— Но ведь это не бог, это простой крокодил.

— Для нас это бог, — ответил вождь.

— Но почему вы выбрали меня? — задыхаясь от ужаса, спросил Джим. — Я не хочу, чтобы меня сожрал какой-то крокодил! Я ученый!

— Мне очень жаль, но мне лучше, чтобы ты стал завтраком, а не моя жена, — ответил вождь. — Понимаешь, у нас тут все по-честному. Если мне выпал жребий

выбрать жертву, я должен ее выбрать. У меня нет врагов, поэтому я должен выбрать кого-то из моих родственников. У меня было уже семь жен. Сейчас — восьмая, и она мне очень нравится. Братьев у меня не осталось, тещ тоже. По нашему закону я имею право пригласить к себе гостя, и он станет завтраком для чавиро. Так что, извини...

— Но это глупости! Ваш бог — простой крокодил! Он не настоящий Бог! — продолжал протестовать Джим Хопкинс.

— Мы знаем, но нам так удобнее, — ответил вождь.

— Что вы знаете? — опешил профессор.

— Мы знаем, что есть Бог, Который сотворил все — землю, нас, — ответил вождь.

— Откуда вы знаете? — спросил Джим.

— К нам приходили миссионеры и рассказывали. Они даже оставили нам книгу. Но мы решили, что такому Богу трудно служить. Мы выбрали себе другого — чавиро. Мы даем ему завтрак. У нас все по-честному. Если жена не слушается мужа, она отправится сюда, к этому озеру. Если тебя кто-то обидел, то его ждет то же самое. У нас все по-честному. Каждому может выпасть жребий, так что лучше не иметь врагов. И детки у нас послушные...

— Но это же дикость! — закричал профессор.

— Ты же сам восхищался тем, как у нас все хорошо, — заметил вождь. — Ну хватит, заболтался я тут с тобой. Тебя еще должны помыть.

Джим стоял под струями холодной воды, которой женщины поливали его с ног до головы и молился:

— Господи! Неужели Ты допустишь, чтобы меня съел какой-то крокодил? Если Ты есть, спаси меня!

На рассвете все племя выстроилось на берегу, и снова над озером раздались крики:

— Ча-ви-ро! Ча-ви-ро!

Профессор Джим Хопкинс шел к воде, и его колени подкашивались от ужаса. Сквозь слезы, которые

застилали ему глаза, он увидел, что крокодил всплыл на поверхность. Вдруг он услышал сдавленный крик вождя и ропот, прокатившийся по цепочке туземцев. Всмотревшись, Джим увидел, что крокодил всплыл вверх брюхом. Упав на колени на мелководье, профессор взмолился:

— Боже! Прости меня! Спасибо, что Ты услышал меня и спас!

Вождь в растерянности оглядел своих соплеменников, быстро сообразил, что к чему, и громким голосом произнес:

— Старый чавиро умер! У нас теперь новый чавиро — Джим Хопкинс! Сегодня завтрак отменяется!

Туземцы радостно забили в барабаны и с песнями пошли в деревню.

— Я не хочу быть вашим чавиро! Я не бог! — кричал Джим, но его никто не слышал. Барабаны гремели громче.

Вождь остановил Джима, и они подождали, пока племя скроется в зарослях кустарника.

— Слушай, давай договоримся. Этот крокодил был последним. Я — вождь, ты — чавиро. Этими людьми нельзя иначе управлять. Не противься, — произнес он.

И тут Джима Хопкинса осенило.

— А вы сохранили книгу, которую оставили миссионеры? — спросил он.

— Да, она здесь, в хижине, — ответил вождь.

— Я согласен быть вашим чавиро. Только с одним условием: каждый день я буду читать вам книгу. Идет?

— Идет! — охотно согласился вождь.

Они пошли к старой хижине, стоявшей на берегу озера. Когда Джим Хопкинс зашел в нее, он чуть не потерял дар речи. В хижине стоял граммофон, фотоаппарат на треноге, лежали разные карты, компас, керосиновая лампа, электрический фонарь и радиоприемник.

— Это вещи наших гостей, — сказал вождь и вздохнул.

Джим отыскал среди книг Библию, полистал ее. Она была 1900 года издания, на английском языке.

— А вот эта вещьца мне нравится больше всего, — сказал вождь.

Обернувшись, Джим Хопкинс увидел в его руках старинный глобус на золоченой подставке из слоновой кости.

Другая деревня

Вадим вышел из автобуса на перекрестке и свернул на проселочную дорогу. До деревни надо было идти километра три пешком. Он не был дома два года. После окончания техникума он уехал по распределению в областной центр. Свой первый отпуск провел на море, а в этом году решил навестить стариков. Пройдя половину дороги, он решил передохнуть и прилег на

обочине среди душистой травы. Растянувшись, с наслаждением вдохнул почти забытый аромат луга и прислушался к пению жаворонка. Прошло, наверное, с полчаса, когда Вадим понял, что успел задремать. Он встал и двинулся дальше. Шагая по пыльной дороге, он вдруг увидел, что уже показался мост через речушку Змейку. «Странно, что-то я быстро дошел», — подумал Вадим.

Проходя по скрипучему деревянному мостику, он заметил, что его недавно отремонтировали и даже покрасили. Ни одной выщербленной доски, перила ровные, отполированные. «Наконец-то кто-то додумался, — с удовлетворением заметил Вадим. — А то ходили по нему сто лет с риском для жизни».

За мостом дорога стала ровнее, и вскоре слева от проселка показалась родная деревушка. Сердце екнуло, когда он увидел издалека белые хатки, окруженные садами. «Я дома!» — подумал он. Он ускорил шаг и с удивлением увидел, что пыльный проселок упирается в ровную асфальтированную дорогу. «А мама не писала, что, наконец, положили асфальт», — мелькнуло у него в голове. Пройдя немного, он удивился еще больше, потому что увидел автобусную остановку. И автобус пустили... Странно. Мало того, на автобусной остановке стоял дорожный павильон, украшенный мозаикой. Внутри павильона было очень чисто, стояли скамейки, причем все целые. Рядом была урна и фонарь с целым светильником! Вадим обошел павильон вокруг и убедился, что и за ним было чисто. Справа от павильона росли цветы. И не просто цветы, тут была сооружена «альпийская горка» — несколько гранитных камней, среди которых рос роскошный папоротник и несколько видов ярких цветов.

— Тут что-то не то... — произнес Вадим и пошел дальше.

Впереди показался колодец, из которого он за свою жизнь выпил, наверное, сто ведер воды. Колодец был другой! Красивый резной навес закрывал старый замшелый сруб. Рядом стояли две скамеечки. На цепи было ведро! «Как его не украли?!» — подумал он. Подойдя ближе, увидел, что на скамеечке рядом с ведром стоит кружка.

Вадим сел. Надо было прийти в себя. Посидев минут пять, он набрал из колодца воды, напился. Покрутив в руках красную в белый горошек эмалированную кружку, хотел было сунуть ее в сумку, но почему-то стало стыдно, и он передумал.

Он подошел к крайней хате, хозяйку которой, бабу Нюру, знал с детства.

С хатой было тоже что-то не то. Во-первых, забор был другой — невысокий, ровный, выкрашенный в голубой цвет. Ставни на окнах висели не как попало, а ровненько. Двор был чисто выметен, дрова возле сарая сложены аккуратной горкой. Под окнами росли цветущие кусты роз.

— Баба Нюра! — позвал Вадим.

На его крик вышла старушка в белой косыночке. Когда она подошла к калитке, Вадим увидел, что это не баба Нюра. Вообще-то, какое-то неуловимое сходство было, но это была не она.

— Здравствуй, сынок. Чего тебе? — спросила она.

— Мне бабу Нюру, — ответил он.

— Что? Какого Юру? — переспросила бабуля.

— Да не Юру, а Нюру! — крикнул Вадим.

— Тут Юры нет. Может, тебе Поляковых? У них есть Юра. Это дальше, возле магазина.

Вадим понял, что бабка глухая, он от нее ничего не добьется. Но на всякий случай спросил:

— А это Ивановка?

— Да, да, Ивановка! — закивала бабка головой.

Вадим пошел по улице дальше. Он шел и думал: «Если бы баба Нюра умерла, мама бы мне написала. Может, она уехала к сыну, а дом продала? Но почему все так изменилось? Прошло всего два года, а деревня стала совсем другая».

Вдоль дороги стояли аккуратные домики, вокруг которых росли цветы. Низенькие ровные заборы, побеленные фруктовые деревья вдоль ровной дороги — это было так не похоже на его родную Ивановку. Вдали показался магазин. «Зайду, выпью пива», — решил Вадим. Возле магазина не было пивной бочки. «Может, это и правда другая деревня? Такого не было, чтобы не завезли пива! Хлеб могли не привезти, но пиво?»

Ступеньки магазина были целые. В магазине было чисто. За прилавком стояла улыбающаяся женщина в розовом фартуке и в такой же аккуратной шапочке с белыми отверстиями. На окнах были розовые занавески и стояли цветы в горшочках. На витринах лежали красиво разложенные продукты. За спиной у продавщицы возвышался холодильник. «Куда я попал?» — с ужасом подумал Вадим.

— Добрый день. Что вам, молодой человек? — приветливо спросила продавщица.

— Мне пива и сигарет, — хрипло произнес Вадим.

— Извините, но у нас нет этих товаров, — ответила она.

— А почему? — спросил Вадим.

— Да у нас их никто не покупает, вот мы и не завозим.

Вот есть соки, лимонад, выбирайте, пожалуйста.

— Спасибо, не надо, — ответил он и пошел к выходу.

Подойдя к двери, он спросил:

— А это Ивановка?

— Да, Ивановка, — ответила продавщица и улыбнулась.

Вадим, чувствуя, что перестает что-либо понимать, пошел дальше. «Ну, вот старый дуб возле школы, вот школа. Но почему все другое? Забор, скамейки, качели? Когда такое было, чтоб возле школы были качели?»

А вот старый молитвенный дом, куда ходила его бабушка Даша.

Там шло богослужение. Во дворе стояли ряды скамеек, заполненные людьми. «Вот почему на улице так пусто, все тут!» — догадался Вадим. Обычно на собрание ходило не больше десятка старушек. Своего пастора не было, в воскресенье приезжал брат из города. А сейчас в собрании сидели почти все жители деревни! Под яблонями две девушки проводили занятия воскресной школы. Человек тридцать ребятишек сидели вокруг и внимательно слушали урок.

Люди были другие. Пастор был похож на заведующего зоофермой, но это был не он. Молодые ребята были похожи на его бывших одноклассников, но это были не

они. Женщина, которая, заметив его, махнула рукой, приглашая сесть на скамейку рядом, была похожа на его маму, но это была не она.

Он сел и начал слушать проповедь. Слова касались его сердца, хотелось плакать. Он вспоминал то, чему его когда-то учила баба Даша, и жалел, что это было давно и он так плохо слушал ее.

После собрания пастор подошел к Вадиму.

— Здравствуйте, вы у нас первый раз?

— Скажите мне, это Ивановка? Эта деревня называется Ивановка? — снова спросил Вадим.

— Да, Ивановка. Полное название — Другая Ивановка. Так называли, чтобы не было путаницы. Тут недалеко есть просто Ивановка.

— Я понял! Я просто перепутал. То-то я смотрю, что тут все не такое, все другое! Здорово у вас! Мне даже захотелось у себя дома что-то изменить. У меня отпуск, почию родителям крышу, поставлю новый забор, посажу цветы.

— Это хорошо. Но надо начинать не с этого, — заметил пастор.

— А с чего?

— Вот с этого, — он протянул Вадиму Библию. — Очень важно начинать правильно. Без Слова Божьего это невозможно.

Вадим шел по дороге в свою родную Ивановку и думал: «А ведь можно жить в чистых домах, на чистых светлых улицах. Ведь нетрудно посадить вдоль дороги цветы, сложить дрова и выкинуть всякий хлам. Надо правильно начать».

Он оглянулся по сторонам, никого вокруг не было. Молиться он не умел, но начало было правильное — Вадим просил, чтобы Господь очистил его сердце.

После молитвы он ускорил шаг, потом перешел на бег. Запыхавшись, он решил передохнуть и прилег на краю дороги. Жаворонок пел в вышине, а трава пахла детством и покоем. Прошло, наверное, с полчаса, очнувшись, Вадим понял, что задремал.

Поднявшись, он наклонился за сумкой и увидел, что

рядом, в траве, лежит книга. Это была Библия. Подняв ее, он побежал по дороге к дому.

Он пробежал по шаткому щербатому мостику, по пыльной дороге, мимо покосившегося забора, пивной бочки и нетрезвых мужиков.

В молитвенном доме сидели восемь старушек. Пастор почему-то не приехал. Библию читала баба Варя, соседка Вадима. Увидев запыхавшегося парня, старушки, как одна, повернулись к нему. Поняв, что это не пастор, они разочарованно вздохнули. Баба Варя продолжила чтение. Читала она плохо, путала слова, присматривалась и запинаясь.

— Давайте я, — предложил Вадим.

Он открыл Библию и начал читать. Каждое слово было ему понятно и находило отклик в его сердце. Он пояснял то, что бабушки не понимали, и сам удивлялся, что знает это. Потом он рассказал, как попал в Другую Ивановку и как он хочет, чтобы их деревня стала такой же.

— Я остаюсь тут! Я не поеду в город. Это моя родина, я знаю, что могу здесь все изменить, — горячо пообещал он бабушкам.

Домой он возвращался вместе с бабой Варей. Уже возле своей калитки она спросила его:

— О какой это ты Другой Ивановке рассказывал?

— Да о той, что немного ближе к трассе, — ответил Вадим, — там мостик новый.

— Отродясь в нашей округе не было никакого нового мостика и никакой Другой Ивановки, — покачала головой баба Варя.

— Будет, — сказал Вадим.

Ты — мой ангел, я — твой ангел

Прошел день...

Поздним вечером Глеб возвращался домой. Он сел на конечной остановке в троллейбус рядом с девушкой, которая сидела, отвернувшись к окну. Дорога предстояла длинная, минут сорок. В такой поздний час в транспорте обычно людей немного, никто не мешает спокойно по-

думать о событиях прошедшего дня. А в этот вечер Глеба переполняли впечатления. Сегодня он был на встрече в студенческом клубе, которую устраивала для молодежи какая-то христианская миссия. Показывали фильм, потом беседовали, можно было задавать вопросы. А в конце встречи каждому подарили Библию. Глеб не был уверен в том, что когда-то будет читать ее, но подарку обрадовался — книга хорошая, в кожаном переплете. Из всех выступлений слушателей особенно поразил рассказ одного молодого мужчины, Алексея, о том, как он встретил ангела. Алексей рассказал, что несколько лет назад, когда он приехал в Америку по рабочей визе, ему пришлось отправиться в соседний штат. Он занимался тем, что снабжал магазины в разных городах христианской литературой. Путь пролегал по пустыне Невада. С ним в машине ехали его жена и трое детей, старшему из которых было десять лет. Вдруг мотор заглох, и машина остановилась. Алексей вышел из машины, открыл капот и обнаружил причину поломки. Оказывается, лопнул шланг. Устранить эту неисправность на месте невозможно. Солнце печет так, что не усидишь ни в машине, ни возле нее. Дорога пустынная, никто в таких местах не остановится, даже если пытаться кого-то остановить. Что делать? Алексей предложил жене и детям молиться. Они помолились, и вдруг через какое-то время к ним подъезжает маленький грузовичок. Останавливается, и из него выходит мексиканец, невысокого роста, в клетчатой рубашке. И он, и Алексей очень плохо говорят по-английски. Но мексиканец понял, в чем причина поломки. Он подошел к кузову своего грузовичка и достал оттуда именно такой шланг, как нужно. В кузове, кроме этого шланга, больше ничего не было! Мексиканец сказал, что его зовут Габриэль, съел печенье, которым его угостили дети, сел в грузовичок и уехал. Вся семья смотрела вслед. Его машина просто исчезла вдали...

— Это был ангел! — горячо говорил Алексей. — И я, и моя жена, и дети на сто процентов уверены в этом! У него не было крыльев, от него не исходило сияние, но только ангел Божий мог оказаться в это время на дороге посреди пустыни с этим шлангом в кузове своего грузовичка.

Глеб, погрузившись в свои мысли, не заметил, что троллейбус почти пуст и уже подъезжает к его остановке. Опомнился он, когда девушка, сидящая рядом, встала, собираясь выходить. Глеб встал, пропуская ее, и, решив, что уже не стоит садиться, подошел к двери. Через одну остановку ему надо было выходить.

Он снова задумался: «Интересно, был ли это, действительно, ангел, или это простое совпадение? Уж если бы я встретил ангела, то уж точно не перепутал бы!» Тут какой-то мужчина сзади спросил:

— Вы выходите, молодой человек?

От неожиданности Глеб аж вздрогнул.

— Вы выходите на «Радужной»? — переспросил мужчина.

— Выхожу, — ответил Глеб и выскочил на остановке.

Только после того как троллейбус закрыл двери и отъехал, Глеб понял, что вышел остановкой раньше.

Идти по темной пустынной улице — удовольствие не особо приятное. В квартале от дома из темной подворотни ему навстречу вдруг вышли трое подвыпивших молодых ребят. Повод был банальный:

— Закурить не найдется?

— Не курю, — ответил Глеб, и голос его дрогнул.

— А не врешь? — переспросил самый высокий из них и, вероятно, самый главный.

Выхватив из рук Глеба рюкзак, он высыпал его содержимое на асфальт.

— И правда, он не курит! Зато книжки читает. Больно умный, наверное. О! У него даже Библия есть?

Его дружки заржали.

— Так чего же тебе твой Бог на помощь ангела не пошлет? — продолжал издеваться пьяный хулиган.

И вдруг откуда-то сверху спрыгнул плечистый парень в белой футболке.

— Ну, я тут. А что, кто-то сомневается в том, что ангелы существуют?

Хулиганы в момент протрезвели и попятились.

— Стоп! — приказал им парень. — Ты, — обратился он к главарю, — подними Библию!

Верзила быстро нагнулся и поднял Библию, сдувая с нее соринки.

— А теперь три раза поцелуй и скажи: «Господи! Прости меня, я так больше не буду».

Хулиган выполнил все, что ему было приказано, сунул Библию в руки Глебу и побежал прочь вместе со своими дружками.

— А ты и правда ангел? — спросил Глеб своего избавителя.

— Да нет, я просто курил на балконе, вон там, на втором этаже. Услышал, как они над тобой издеваются, прошел по карнизу и спрыгнул вниз. А здорово получилось?

— Да, спасибо, — немного разочарованно произнес Глеб. Они еще поговорили, познакомились. Парня звали Сергей, он работал водителем маршрутного такси. Потом они попрощались и разошлись. Глеб до утра ворочался в постели и все думал о произошедшем. И, хоть ему встретился ненастоящий ангел, он решил, что стоит все-таки начать читать Библию.

Сергей вернулся домой, но, в отличие от Глеба, уснул быстро. Он успел только подумать, что было бы здорово встретить настоящего ангела.

Прошла неделя...

Сергей поставил свой микроавтобус в гараж и направился к выходу из автопарка. Вдруг он увидел, что недалеко от ворот стоят две группы водителей и громко

выясняют отношения друг с другом. «Опять наши с автобусниками сцепились», — подумал Сергей и присоединился к своим.

Водители спорили, кто у кого отбивает пассажиров. Страсти накалялись. У некоторых мужчин в руках были монтировки. Двое уже двинулись друг на друга. Сергей бросился разнимать их, выбил у одного из рук монтировку. Вдруг острая боль пронзила Сергея. Он опустил глаза вниз: на рубашке появилось красное пятно, которое увеличивалось на глазах. Это была ножевая рана в живот. Сразу же сильно закружилась голова, подкосились ноги. Испуганные лица мужчин поплыли по кругу, как в каком-то бешеном хороводе. Сергей потерял сознание. Он ненадолго пришел в себя, когда его несли на носилках к машине скорой помощи. Открыв глаза, он увидел над собой бледное девичье лицо, обрамленное светлыми волосами.

— Ты ангел? — шепотом спросил он.

— Нет, я ваш новый диспетчер, Наташа, — ответила девушка.

— Да, у тебя тушь потекла. Ангелы не пользуются косметикой, — сказал Сергей и снова потерял сознание.

Наташа села в скорую и поехала вместе с Сергеем в больницу. Она все время держала руку на его ране и молилась, чтобы он выжил. В больнице Сергея сразу повезли в операционную. Наташа пошла следом. Медсестра крикнула:

— Куда вы, девушка? Вам нельзя.

Наташа стала под дверь. Время тянулось очень медленно. Вдруг дверь открылась, видно от сквозняка, и Наташа услышала, как хирург произнес:

— Жаль парня. Мы не успеем. Тут надо прямое переливание крови, а у него четвертая группа, да еще резус отрицательный. Где сейчас найдешь такого донора?

— У меня четвертая группа, отрицательный резус, — сказала Наташа.

Врачи повернули к ней лица, закрытые до глаз масками.

— Девушка! Я же сказала, что сюда нельзя! — закричала медсестра.

— Можно! — резко оборвал ее хирург. — Паспорт есть? Боткина не болела?

— Не болела, я здорова. Я уже сдавала кровь, в технике. Вот паспорт, я сегодня на работу устраивалась...

— Быстро, на стол, — приказал хирург.

Медсестры забегали вокруг Наташи, и через несколько минут она лежала на втором операционном столе в халате, шапочке и бахилах. Краем глаза она смотрела на Сергея и думала: «Я знаю только его имя, но как я не хочу, чтобы он умирал!»

Когда переливание закончили, Наташу вывезли на каталке в коридор. Она сняла халат и бахилы, надела туфли и пошла по коридору к выходу. Вдруг сильно закружилась голова, и она по стенке сползла на пол. Последнее, что она увидела, — женщину в белом, которая склонилась над ней. «Это ангел», — подумала Наташа.

Это была нянечка тетя Клава. Она отвела девушку в пустую палату, напоила чаем и уложила спать. Утром завела в палату, где лежал Сергей, и разрешила минутку на него посмотреть. Он спал под капельницей. Лицо уже было не таким бледным. «А он красивый», — подумала Наташа.

Тетя Клава возвращалась утром домой с ночной смены. Дома ее ждал рыжий кот Митрофан. Ее единственный сын жил в другом городе и писал редко. Вот уже три месяца от него не было известий, а два ее письма вернулись назад с пометкой: «адресат выбыл». Тетя Клава не знала, где ее сын, куда он уехал и почему не сообщил о своем переезде. Подойдя к дому, она присела на скамейку возле парадного отдышаться и поговорить с соседкой. Вдруг в парадном раздался грохот.

Второклассник Петя Зайцев шел в школу. Сегодня там его не ожидало ничего хорошего. Идти туда он не

хотел. От злости мальчик стукнул по почтовому ящику портфелем. Раздался грохот, и ящик повис на одном гвозде. Петя хотел было удрать, но увидел, что ему под ноги упал конверт. Он был в пыли, и Петя догадался, что конверт долго лежал между ящиком и стенкой. Подняв письмо, мальчик прочитал адрес и понял, что оно для тети Клавы. Выскочив на улицу, он протянул ей конверт:

— Тетя Клава! А вы плакали, что ваш Гриша не пишет. А письмо просто застряло. Я иду, смотрю: ящик — бах! На пол — бум! А письмо — хлоп — мне под ноги. Я бац — смотрю, а оно — вам. Во!

— Ангелочек ты мой! — запрочитала тетя Клава. — Смотрите, Лидия Степановна! А Гриша-то переехал. Вот и адрес у него новый. Золотко ты мое! Пусть тебя Господь благословит! — обняла она Петю. — Пусть ты всю жизнь будешь отличником. Ангелочек ты мой курносенький.

Петя побежал вприпрыжку в школу: «Вообще-то ангелы не срывают почтовые ящики! Ну, и я больше не буду!»

В этот день в Петин класс пришла девушка и пригласила детей в христианский клуб. Петя записал адрес на клочке бумаги. И еще одно чудо случилось с ним в этот день — Петя получил свою первую в жизни пятерку.

Прошло много лет...

Глеб стал пастором церкви. Он окончил духовную семинарию и написал книгу по «ангелологии».

Сергей и Наташа поженились через полгода после того, как Сергея выписали из больницы. Глеб разыскал их и пригласил в церковь. У них родилось трое детей. Наташа вела занятия в воскресной школе, а Сергей пел в хоре.

Тетя Клава переехала на новую квартиру к сыну.

Она очень полюбила свою невестку, которая была верующей.

Петя стал отличником не сразу, а только к пятому классу. В их класс пришла новая учительница, которая любила детей и свою работу. Петя окончил школу, потом институт, а потом стал директором христианской школы.

Прошла жизнь...

Глеб, Сергей, Наташа, тетя Клава и Петя встретились на небесах. Они бросились обнимать друг друга и целовать. И каждый говорил:

— Ты знаешь, я подумал, что ты — ангел! И наша встреча изменила всю мою жизнь.

Иисус стоял в стороне и улыбался.

Глеб подошел к Нему и сказал:

— Господь, я очень хотел встретить Твоего ангела. И хоть я не встретил в жизни ни одного ангела, спасибо, что Ты посылаешь мне на помощь Своих детей. Я понимаю, что Тебе не обязательно призывать ангелов, когда у Тебя так много детей.

Иисус улыбнулся:

— Посмотрите сюда!

Пред их глазами появилось множество ангелов.

— Они сопровождали вас всю вашу жизнь. Я расскажу вам о некоторых из них, — Иисус обнял Сергея. — Когда ты прыгнул с балкона, восемь ангелов подставили свои крылья, чтобы ты не разбился. Двенадцать ангелов летели перед скорой помощью, которая везла тебя и Наташу, и освобождали путь. Три ангела держали руки на твоей ране, и десять в операционной направляли руки врачей.

Иисус подошел к Наташе:

— Пять ангелов вели тебя в автопарк, когда ты шла устраиваться на работу. Потом они сопровождали тебя

до больницы. Еще один ангел открыл перед тобой дверь операционной. И четверо окружали тебя, когда ты сдавала кровь.

Иисус подошел к тете Клаве:

— Трое ангелов вели тебя по коридору и помогли тебе отвести Наташу в палату. Еще один ангел усадил тебя на скамейку, чтобы ты не зашла в парадное, прежде чем из него не выйдет Петя.

Петя покраснел и опустил глаза. Иисус положил ему руки на плечи:

— А с тобой Мне пришлось повозиться. Мои ангелы сидели с тобой за партой, стояли возле доски, бегали по футбольному полю. Они защищали тебя в драках, охраняли, когда ты плавал, когда прыгал с парашютом, когда ты носился с горы на лыжах и ходил в поход в горы. Мои ангелы будили тебя ночью, когда ты вдруг охладел к Библии. Но Я каждый день слышал молитвы твоей учительницы о тебе. Это радовало Меня, и укрепляло твоих ангелов.

Глеб сказал Христу:

— Прости меня, Господь, за то, что я был слеп и не видел того, что Твои ангелы окружают меня. Я всю жизнь ждал, когда Ты пошлешь мне Своего ангела во плоти.

— А Я посылал его к тебе, — ответил Господь.

— Ангела? Настоящего, во плоти? — удивился Глеб.

— Да, — улыбнулся Иисус.

— Когда? — спросил Глеб.

— Вспомни тот день, когда ты ехал домой после встречи в студенческом клубе. Ты сел в троллейбус...

— Да, я ехал, думал о той встрече... — вспомнил Глеб.

— Потом все пассажиры вышли... — продолжил Иисус.

— Да, осталась одна девушка... Неужели, это была она?

— Нет, она вышла на остановке.

— Да. А я остался стоять. А потом... Я вышел...

Иисус продолжил:

— Если бы ты вышел на своей остановке, ты бы пришел домой, лег спать и в ту ночь Я бы не разговаривал с тобой. Ты бы никогда не открыл Библию. А Сергей не познакомился бы с Наташей. У тети Клары бы был сердечный приступ, а Петя прогулял бы в тот день занятия в школе...

— Я вышел не на той остановке, — продолжал вспоминать Глеб. — Какой-то лысый мужчина с портфелем, спросил, выхожу ли я... Это был он?

— Да, — улыбнулся Христос.

Как наступать на змей

Перед самым окончанием школы жизнь Андрея просто перевернулась. Он попал на молодежную христианскую конференцию, где впервые услышал о Христе. Он уверовал, принял в церкви крещение, начал изучать Библию, молиться. Парень переменялся и внешне, и внутренне. Друзья и знакомые, видя эти перемены, недоумевали, Андрей же с радостью делился со

всеми тем, что с ним произошло. Он стал христианином, и его сердце горело для Христа. Андрей вел активную жизнь в церкви — участвовал в евангелизациях, вел группу по изучению Библии, проповедовал среди однокурсников в институте. Он был так благодарен Господу за то, что Он спас его, что хотел как можно больше сделать для Бога. С группой молодежи каждую субботу ездил в село, где образовалась маленькая церковь. Невзирая на плохую погоду, взвалив на себя гитару, набрав полную сумку христианской литературы, он приезжал туда. Уставший, но с радостью и миром в сердце, он ехал домой, засыпая от усталости на твердой скамейке электрички.

Андрей никогда не жаловался на трудности, но однажды, опоздав на последний рейс и переночевав на крошечной станции, решил обратиться к Богу за помощью. Он помолился так:

— Господи, я не прошу у Тебя богатства, но мне очень трудно ездить в это село электричкой. Я не могу бросить это служение. Пожалуйста, помоги мне. Я хотел бы иметь машину, чтобы ездить туда. Мне не нужен «мерседес», я буду рад простому «запорожцу». Я буду счастлив, если Ты мне поможешь заработать денег, чтобы купить его.

На следующий день Андрею предложили подработать в одной фирме. Подержанный «запорожец» стоил недорого, поэтому уже через пару месяцев у Андрея была необходимая сумма. Он был счастлив. Машина была — зверь. В нее помещались восемь человек с гитарой и книгами.

Четыре года «запорожец» верно служил своему хозяину. За это время Андрей повзрослел, окончил библейскую школу и учился заочно в христианском университете. Его приглашали на семинары, в летние лагеря, на конференции. Ему исполнилось двадцать два года.

В тот вечер Андрей возвращался из маленькой сельской церкви, в которой он уже был пастором. В ушах еще звучали слова песен, которые пели верующие. Андрей думал о том, что неплохо было бы привезти туда какую-

нибудь христианскую музыкальную группу или показать фильм.

Вдруг мотор чихнул и заглох. Место было довольно пустынное — чтобы сократить путь, он съехал с основной дороги на проселочную. С обеих сторон раскинулись бескрайние поля. До ближайшей деревни было километров двадцать. Заглянув под капот, Андрей понял, что самому ему не разобраться. Он перепробовал всевозможные варианты, но мотор молчал.

Андрей сел в кабину, уронил голову на руль и зарыдал. Он ужасно устал от этой гонки, устал от ответственности, от обилия информации, от деятельности. Он взмолился:

— Господи! Что произошло? Я так больше не могу! Я все время что-то делаю, делаю, а Ты недоволен мной. Я только закончу одно дело, как Ты взваливаешь на меня следующее. Я тружусь с утра до ночи без передышки, и не вижу Твоих благословений. Проблемы, как аспиды, как ядовитые змеи и василиски, окружили меня. В церкви, где я служу, как было двадцать шесть человек, так до сих пор столько же. Родители мои уже не хотят меня слушать. Отец пьет, а мама только тем и занята, что готовит и стирает. Я тяну сестру в церковь, а она бежит на дискотеку. Я регулярно читаю Библию — по три главы в день, но мне все труднее и труднее подготовить хорошую проповедь. А ведь Ты обещал, что все будет по-другому! Ты сказал, что я буду наступать на змей, и они мне не навредят. А я не могу справиться даже с маленькими проблемами. Все рушится! А еще эта машина сломалась. Как я теперь буду ездить в церковь? Как я вообще домой доберусь? Иисус! Ты можешь со мной поговорить? Где Ты?

— Я здесь, — услышал Андрей тихий голос и поднял голову. Справа от него сидел Иисус. Он был в простой футболке и джинсах, но Андрей узнал Его.

— Иисус? Это Ты? А как Ты сюда попал, ведь дверца закрыта? — пролепетал Андрей. — Извини... я знаю, что для Тебя это не проблема. Ты все-таки пришел? Ты здесь!

— Я всегда был рядом, — ответил Христос.

— Да? Но почему я Тебя не видел?

— Да ведь ты был занят делами, которые со Мной не связаны... — ответил Он.

— Не связаны? Я думал о церкви, о служении... — ответил Андрей.

— Да, Я знаю. Но в твоих мыслях так мало было места для Меня, что Мое лицо только мелькало перед Тобой в какие-то мгновения.

— Да, я был особенно счастлив в такие минуты. Но неужели для Тебя не имеют значения дела? — нахмурившись, спросил Андрей.

— Ну что ты! Для Меня все имеет значение, — ответил Иисус.

— Я так хочу подготовиться к встрече с Тобой! — воскликнул молодой пастор.

— Но ты уже готов к этой встрече, — ответил Господь.

— Что Ты хочешь этим сказать? — побледнел Андрей. — Ты хочешь забрать меня к Себе?

— Нет, Я не это имел в виду. Просто ты можешь уже сейчас встречаться со Мной.

— Я это понимаю. Я встречаюсь с Тобой, когда читаю Библию, молюсь, пою в собрании. Но наша настоящая встреча произойдет на небесах. Там Ты откроешь мне Свои тайны, там Ты ответишь мне на мои вопросы.

— Зачем так долго ждать? Давай Я сейчас отвечу тебе. О чем ты хотел бы Меня спросить?

Андрей покраснел.

— У меня много вопросов, но мне надо как-то доехать домой. Я не предупредил родителей, они ждут меня. Надо что-то сделать с машиной, не бросать же ее тут. Уже темно, может, Ты сделаешь так, чтобы нас кто-то нашел? — Андрей выглянул в окно, но дорога по-прежнему была пустынной. Обернувшись, он увидел, что сиденье рядом пустое и испуганно закричал: — Иисус! Где Ты?

— Я здесь, выйди из машины.

Иисус прошелся по обочине, перепрыгнул через ров и отошел в сторону от дороги.

— Садись рядом, — позвал Он Андрея.

Летнее небо было усыпано звездами, ночь дышала, переполненная стрекотанием сверчков и криками ночных птиц.

— Когда ты последний раз любовался звездным небом? — спросил Христос.

— Не помню... У меня было так много важных дел. Я так хотел, чтобы Ты порадовался за меня, когда я встречу Тебя на небесах... Я так мечтал отдохнуть у Твоей груди, поговорить с Тобой. А, оказывается, я уже сейчас могу говорить с Тобой и действительно успокоиться рядом с Тобой. Это так просто!

Иисус молчал.

— Господи, но я не могу не беспокоиться о том, как живут мои родители, сестра, не могу не думать о членах церкви. Я очень переживаю за свое служение.

— Я знаю обо всем этом, — ответил Иисус.

— Что мне делать с машиной?

— Ты хочешь «мерседес»? — спросил Господь.

Андрей покраснел и стал оправдываться:

— Нет, мне не важно, какая будет машина, важно, чтобы она ездила. Ведь Тебе ничего не стоит сделать это. Понимаешь, хорошая машина — это восемьдесят процентов успеха. Как много я мог бы сделать... Иисус, где Ты? — закричал Андрей, оглянувшись.

— Здесь Я, здесь, — вздохнул Иисус. — Смотри.

Темноту ночи прорезал свет фар. По дороге на скорости мчалась машина. Андрей хотел было остановить ее, но она пронеслась мимо.

— Ты заметил, кто сидел в машине? — спросил Христос.

— Да, мужчина и крашенная блондинка. Он ее обнимал, — с осуждением в голосе сказал Андрей.

— Ну почему сразу «крашенная»? Это ее натуральный цвет. А за рулем — ее муж, он тоже пастор одной из Моих церквей. Они возвращаются с международной встречи христианских лидеров. И разговаривают, кстати, о библейских

принципах общения. Но Мне не надо быть в их машине. Они про Меня и не вспоминают...

— Иисус? Что с нашим христианством? — спросил Андрей.

— Вы просто откладываете встречу со Мной на потом. А Я здесь, рядом. Поэтому просите — и не получаете, поэтому вас ранят змеи, аспиды и василиски... — ответил Иисус и медленно пошел по дороге в сторону города.

Бросив прощальный взгляд на машину, Андрей махнул рукой и побежал вслед за Господом.

Они шли по пыльной дороге, оживленно разговаривая. Иногда они останавливались и садились на траву, иногда Андрей размахивал руками, иногда Христос обнимал его и хлопал по плечу. Небо постепенно светлело, и вдали появились очертания города. Они вышли на трассу, по которой то и дело проезжали машины.

У Андрея под ногой что-то хрустнуло, но он не обратил внимания — он слишком был занят беседой с Христом. Он пошел дальше, не замечая, что на дороге остался лежать раздавленный василиск с выпученными глазами.

Три КЛЮЧА

Максим вскочил, как ошпаренный и сел на кровати. Сердце учащенно билось, на лбу выступил пот. «Только не это!» — пронеслось у него в голове.

Ночью повторился старый детский кошмар, который мучил его много лет. Страшный черный карлик опять преследовал его. Максим встал, накинул на плечи свитер и вышел на балкон. Убедившись, что

мама спит, он отыскал в тайнике сигареты и зажигалку и закурил.

Весна только начиналась, теплая погода установилась всего несколько дней назад. Ночи были еще довольно холодные. Максим смотрел вниз, на спящий город, с высоты пятнадцатого этажа. Пять лет назад они переехали в новую квартиру в районе новостроек на самой окраине Киева. Рядом с их домом строились еще несколько таких же многоэтажек. Повсюду, как скелеты странных птиц, возвышались подъемные краны. Пока дома не были достроены, виднелся Днепр, который как-то скрашивал унылый индустриальный пейзаж. За прошедшие пять лет Максим так и не смог привыкнуть к высоте. У него холодело внутри, когда он смотрел с балкона вниз.

Раньше их семья жила в центре города в старинном трехэтажном здании. Дом был очень красивый — с колоннами у входа, вычурной лепкой на фасаде, стрельчатыми окнами и маленькими балкончиками с коваными ажурными решетками. Глядя на этот дом, можно было подумать, что в нем живут аристократы. Когда-то так оно и было. Дом принадлежал графу, который сбежал во время революции за границу, оставив малолетнюю племянницу-сироту Лизоньку, бывшую на его попечении. Дом заняли новые жильцы — инженер-железнодорожник, несколько семей рабочих и служащих и дворник. Большие комнаты разделили перегородками, так что теперь тут могло поместиться гораздо больше народу, чем раньше. Маленькую Лизоньку и ее няню решили не выгонять, так как няня была пролетарского происхождения и на чем свет стоит ругала бывшего хозяина-аспида, который угнетал сиротку и ее, простую крестьянку. Им досталась часть гостиной на втором этаже. Комната получилась большая, с тремя окнами и камином. Горластая няня отвоевала у властей рояль и кое-что из мебели. А еще ей удалось припрятать в погребе в родной деревне золотые украшения и столовое серебро бывшего

хозяина. «Не для себя беру, — успокаивала она себя, — для сиротки». Она была бережливая и смекалистая, так что они с Лизонькой не голодали даже в самые тяжелые годы. Воспитанницу свою она любила, старалась вырастить ее настоящей «барышней». Лизонька окончила университет, где позже преподавала. Они с няней пережили голод, войну. В начале пятидесятых няня умерла. Лизонька вышла замуж поздно и родила дочку. Муж их бросил, не выдержав того, что жена была умнее и интеллигентнее его.

Соседи в доме менялись: женились, разводились, уезжали на заработки, переезжали на новые квартиры, а Лизонька так и жила в своей комнате с камином.

В этой же квартире после войны поселилась бабушка Максима. Когда родился Максим, Лизоньке, то есть Елизавете Александровне, было уже за семьдесят. Ее дочка Варя вышла замуж и уехала в другой город. Она приезжала очень редко и ненадолго. Когда у Вари родилась дочка, она вообще перестала ездить в Киев. Свою внучку Яшеньку, ровесницу Максима, бабушка видела только на фотографиях.

Отец Максима пил. Когда мальчику было три года, он очень испугался пьяного отца и начал заикаться. Мама водила его к логопеду, но ничего не помогало. Тогда кто-то из ее подруг посоветовал обратиться к бабке. И, хотя Максиму было всего четыре года, он очень хорошо запомнил это посещение. Бабка была старая, глуховатая и очень страшная с виду. Она что-то бормотала, катая яйцо по его голове, рукам, ногам. Максим на всю жизнь запомнил леденящий ужас, охвативший его тогда. Но самое страшное было после. Когда они с мамой уходили и бабка провожала их до двери, Максим заметил, как из-за ее спины выглянул безобразный карлик и погрозил ему палкой. Мальчик заплакал от страха, а мама успокаивала его, уверяя, что никакого карлика не было.

Заикаться он перестал, но случилось другое: его начали мучить кошмары. Карлик стал приходиться к нему во сне.

Максим убежал от него, мучительно медленно переставляя ноги, а сзади, за спиной, раздавались шаги и стук палки. Мальчик просыпался с колотящимся сердцем, весь в поту и... в луже. Ему было стыдно, однако он ничего не мог поделать. Опять врачи, опять разные способы и методики, но почти каждую ночь под Максимом оказывалась лужа.

Мальчик все время думал о страшном карлике и о том, что он обязательно намочит постель и этой ночью. Он ненавидел себя. Во дворе у него друзей не было по одной простой причине: его дразнили. В школе о его позоре тоже быстро узнали, так что и тут ему было трудно подружиться с кем-нибудь. Учился он плохо, на уроках его мысли улетали куда-то далеко-далеко. Реальность была так ненавистна ему, что он возвращался к ней только после того, как учительница тыкала в него указкой или выкрикивала его фамилию прямо у уха.

У Максима была Страна. Собственная, прекрасная и дивная. Там жила Принцесса. И звали ее Яся.

Первый раз Ясю привезли к бабушке Лизе в шестилетнем возрасте. Перед этим Елизавета Александровна сделала в своей комнате ремонт: еще одной перегородкой она отделила маленькую комнатку специально для Ясенки, которую она еще не видела и очень ждала. В этой комнатке было высокое стрельчатое окно с бронзовыми ручками, а на стене, вокруг окна, сохранился лепной орнамент. Справа от окна оказался камин, обложенный красивыми темно-зелеными изразцами. Каминный ход закрыли дверцей. Стены комнаты выкрасили в нежно-зеленый цвет. Бабушка подобрала красивые шторы, поставила в комнате старинный комод, круглый столик с зеркалом, плетеное кресло и железную кровать с никелированными шарами на спинках. Получилась настоящая комната принцессы. Максим помогал бабушке Лизе украшать ее: вешал фотографии в овальных золоченых рамках, расставлял фарфоровые статуэтки и вазы с цветами. На мраморном подоконнике бабушка посадила свою, чудом сохранившуюся, куклу.

И вот внучка приехала. Максим наблюдал за ней, спрятавшись за вешалкой в коридоре. Яся была настоящей принцессой, как в сказке. Кому-то могло бы показаться, что ее волосы слишком рыжие и непослушные, что ее нос слишком курносый и веснушчатый. Но Максим сразу понял, что она — Принцесса, просто очень веселая и непохожая на других принцесс. Расцеловав Елизавету Александровну в обе щеки, она обошла комнату бабушки, потом свою, а потом, схватив из вазы с фруктами два яблока, направилась в коридор. Она сразу подошла к вешалке и вытащила из-за нее Максима:

— Ага! А я тебя нашла! Я тебя сразу заметила, твои ноги торчали из-под пальто, и кошка о них терлась!

Девочка рассмеялась так звонко и искренне, что Максим тоже засмеялся в ответ. Когда Яся дала ему яблоко, он не отказался, как обычно, а взял его и с громким хрустом откусил от него большой кусок, ни капельки не стеснясь. Ему было легко и просто. Потом он провел Ясю по всей квартире, коротко рассказывая о соседях:

— Тут живет Николай Иванович. Он работает в проектно-институте. А еще он чинит всем телевизоры и разные приборы. Его сейчас нет дома, он ходит ужинать к своей маме. А тут живет тетя Надя, она работает на почте, к ней лучше не заходить, она злая. А тут Лена и Ростик, молодожены, их тоже нет, они поехали на море. А тут мы с мамой. И еще... отчим.

Отчима Максим не любил. В отличие от отца, он не пил, но был в тысячу раз хуже. При маме он обращался с мальчиком хорошо, а вот когда ее не было... Нет, он не бил Максима. Он его изводил. Глядя ему в глаза, он говорил гадости. Он повторял все глупые прозвища, которыми награждали Максима уличные мальчишки, говорил слова, от которых было так противно, что Максим, плача, пытался убежать от отчима. Но тот просто загораживал ему дорогу и говорил, говорил.

Максим и Яся подружились. Она терпеть не могла, когда кого-то обзывали, дразнили или обижали, и всегда

принимала сторону слабого. С дворовыми ребятами она разобралась быстро:

— Я не собираюсь слушать всякие глупости. Максим, пошли отсюда.

Они играли обычно на большой детской площадке, где гуляли мамы с малышами. А еще у них было любимое место — на старой липе. Она росла вплотную к каменному забору с очень удобными выступами, по которым можно было взобраться на толстую нижнюю ветку. Они любили там сидеть, спрятавшись в листве.

Там они с Ясей придумали Страну.

Она было круглая. Высокий забор из белого камня окружал ее. Посредине было озеро, а возле озера — гора, на которой стоял замок Принцессы. Через озеро был переброшен мост, который раскачивался на золотых цепях. Все дороги Страны вели к мосту. В Стране были три города — Город Рыцарей, Город Мастеров и Город Радости. В Городе Рыцарей были большие стадионы для занятий спортом, бассейны для плавания, спортивные залы. В Городе Мастеров располагались магазины, базары, разные мастерские. А в Городе Радости — цирк, зоопарк, парк аттракционов, театр, библиотека.

Яся была Принцессой Страны, а Максим — Рыцарем. Максим только глазами хлопал, когда Яся придумывала все новые и новые приключения.

В Страну не мог проникнуть посторонний, потому что вход в нее охранял Невидимый Страж, а ключи от ворот Страны были только у Яси и Максима. Эти ключи подходили и к замку Ясиной комнаты. Третий ключ был у бабушки Лизы. Но попасть в Страну мог только тот, кто знал тайные слова. Яся и Максим хранили их в тайне. Надо было закрыть глаза, зажать ключ в руке и произнести эти слова:

— Невидимый Страж, открой мне невидимую дверь в мою Страну, потому что я — ее житель.

Яся пошла в школу, и теперь мама каждое лето отправляла ее к бабушке на целый месяц. Это было самое

чудесное время для детей, особенно для Максима. Когда Яся была в Киеве, карлик не приходил к нему по ночам. Постель мальчика была сухой это время.

Но стоило Ясе уехать, все повторялось снова и снова. Страшный карлик гнался за ним, размеренно стуча палкой. Максиму казалось, что он бежит вверх по лестнице, по высоким каменным ступеням, а карлик догоняет его. И вот он оказывается перед запертой дверью, останавливается и в ужасе оборачивается. Карлик вот-вот настигнет его. Максим прижимается спиной к холодной двери, и она вдруг открывается. Он чувствует, что падает назад, а сзади — холодная страшная пустота. Именно туда злой карлик хочет его загнать. И каждый раз Максим просыпался именно в этот момент. Последнее, что он видел во сне, — это злое лицо карлика. И опять его постель была мокрой.

Ключ от Ясиной комнаты все время был у него, и бабушка Лиза была не против, когда мальчик ходил туда. Он любил оставаться один в этой комнате. Максим брал ключ в руки, закрывал глаза и говорил волшебные слова:

— Невидимый Страж, открой мне невидимую дверь в мою Страну, потому что я — ее житель.

Открыв глаза, он оказывался на поляне возле озера. Разные звери сбегались, приветствуя его. Он звал лошадей, и на свист прибегали белогривая Ясина Ромашка и его вороной Гладиолус. Нарвав охапку полевых цветов, он садился на своего коня и мчался через долину к замку Принцессы Яси. Ромашка бежала следом. На зов Максима Яся выходила из дворца, и они ехали, куда хотели. Удивительно, но они никогда не спорили о том, куда им отправиться. Если Яся предлагала поехать в Город Мастеров, Максим с радостью соглашался. Там у Яси была своя бахча, где она выращивала огромные арбузы. Они выбирали самый большой арбуз и тут же, на поле, разрезали его и ели.

— Послушай, какое слово «арбуз», — говорила Яся, — тяжелое, полосатое. А «виноград» — как будто из про-

зрачных, мелких бусин. Кто это так точно и правильно назвал их?

Максим только пожимал плечами. Слушая Ясю, он тоже начинал замечать то, чего не видел раньше.

Он увидел, что косточки в яблоках абсолютно чистые, чище просто быть ничего не может. Он смеялся, когда действительно понял, что мышка не пролезла бы в норку, если бы ее звали «кошка», ей бы мешала буква «о», она не умеет сплющиваться так, как «ы».

С Ясей было интересно. Она давала имена знакомым зверям, и они очень точно подходили им. У лошадки Ромашки были белые ресницы и светло-карие, золотистые глаза. Ее просто нельзя было назвать иначе. А Гладиолус был такой важный, блестящий, он так снисходительно разрешал себя погладить. Ну разве другое имя ему бы подошло?

У них было много друзей: медвежонок Бутуз, белка Бусинка, зайцы — Прыг, Скок и Пуша, еж Лопотун. В Стране животные умели разговаривать. В Городе Радости, в зоопарке, была школа для зверей и цирк, где животные сами готовили представления. А потом они раздавали билеты и выступали пред жителями Страны.

Иногда они с Ясей приезжали в Город Рыцарей. Там можно было взять рыцарские доспехи или простую спортивную форму. Они часто участвовали в состязаниях, иногда даже одерживали победу.

Там было лучше, чем дома или в школе.

Ему было одиннадцать, когда случилось нечто ужасное.

Был август, прошло две недели после Ясиного отъезда. В ту ночь карлик пришел снова. Максим проснулся от страха, потом, немного успокоившись, взял мокрую простыню и пошел в ванную. Переодевшись и простирнув простыню, он снова лег, но никак не мог уснуть. Тогда он взял ключ от Ясиной комнаты и тихонько пошел туда. Из окна в комнату лился мягкий свет ночного города. Кукла сидела на окне, прикрыв длинными ресницами прекрасные

глаза. Максим прилег на кровать. Тут было тихо и спокойно. Он не заметил, как заснул. Его разбудил какой-то шорох и скрип. Максим открыл глаза и сел на кровати. Возле камина стоял карлик и смеялся, широко раскрыв беззубый рот:

— А ключик у меня! Ха-ха-ха! И Принцесса у меня!

Максим с ужасом заметил, что ключ от Ясиной комнаты и от Страны в руках у карлика. Наверное, он оставил его в двери, когда зашел в комнату. В руках у карлика была кукла. Ее руки безжизненно повисли. Вдруг она обратила к Максиму свое лицо. Это было лицо Яси! Карлик открыл дверцу, которая закрывала камин, и юркнул в темноту.

— Яся! Принцесса! — крикнул Максим и бросился за ним.

Каминный ход был темный и тесный. Максим прополз несколько метров и оказался у глубокого темного колодца. Он взглянул вниз, и у него закружилась голова — где-то внизу мерцал слабый свет. Оттуда едва доносился голос Яси:

— Максим! Максим! Помоги!

Максим закрыл глаза и бросился в колодец. Он летел долго и медленно. Воздух был густым и вязким. Упал он на спину, но ударился не очень сильно. Оглядевшись вокруг, он увидел, что лежит на булыжной мостовой. Темная грязная улица была пустынна. Максим встал и пошел вперед. Мрачные дома тесными рядами возвышались по обе стороны улицы. В окнах свет не горел. Где-то вдали, в самом конце улицы, из окна на мостовую падал тусклый свет. Максим подошел ближе и увидел, что в этом доме на первом этаже находится какое-то заведение — неясные тени маячили в свете то ли керосиновой лампы, то ли свечи. Подойдя к двери, он услышал шум голосов, ему показалось, что кто-то ссорится. Взявшись за дверную ручку, он хотел было войти, но тут расслышал, о чем говорят двое раздраженных людей. Первый голос принадлежал, скорее всего, пожилому человеку:

— Ты что, сам это видел? Может, тебе померещилось?

— Да нет, точно! Я под мостом ловил рыбу, когда увидел, как он бежит от городских ворот. Это был он, карлик, — отвечал молодой.

— Это было час назад, знаем мы, какая темень в это время в городе. Ты мог ошибиться, — возразил пожилой.

— Это точно был он. Его рост, его походка. Он нес очень тяжелую ношу, завернутую в его черный плащ. — Парень понизил голос и что-то тихо добавил.

В наступившей тишине раздался чей-то недоверчивый голос:

— Золотые волосы?

Все присутствующие зашикали на него. Максим прильнул к двери, пытаясь расслышать, что же будет дальше. Вдруг дверь распахнулась, и мальчик увидел перед собой грузную фигуру какого-то человека.

— Я же говорил, что тут кто-то есть! Он подслушивал!

— Держи его! — раздался голоса.

Максим, не дожидаясь, пока его схватят, бросился прочь. Старые сандалии, в которых он был, слетели с ног еще при падении. Бежать босиком было легче, но опаснее. Мостовая была покрыта мусором, камни то и дело попадали ему под ноги, но он все равно бежал вперед. Улочка упиралась в стену, в которой была арка. Выбора не было, и Максим бросился туда. От арки вверх шла лестница. Там опять была стена и массивная деревянная дверь в этой стене. Максим побежал вверх по лестнице, чувствуя, что теряет силы. Его подгонял топот ног и злобные крики за спиной. Он бежал по ступеням все медленнее и медленнее. Добежав до двери, он остановился и в ужасе оглянулся назад. Преследователи, тяжело дыша, настигали его. Вот они, совсем рядом — четверо крепких, злобно настроенных мужчин. Максим прислонился спиной к двери, и вдруг она открылась. Мальчик сделал шаг назад и почувствовал, что летит вниз. На этот раз он упал в ров с водой. Коснувшись ногами скользкого илистого дна, он всплыл на поверхность и огляделся: ров отделял

стену и замок. Высоко над поверхностью воды он увидел поднятый мост, который соединял двери замка и ту дверь, через которую Максим попал сюда. Он понял, что вскарабкаться наверх — просто нереально. Тогда Максим решил поплыть по рву вокруг замка. Какие-то водоросли противно цеплялись за ноги, вода была холодная и зловонная, а ров казался бесконечным. Теряя силы, он вдруг услышал, как впереди что-то плюхнулось. Подплыв ближе, мальчик увидел, что это конец веревки, которую кто-то выбросил из окна. Ухватившись за нее, он полез наверх. Кто-то невидимый тянул веревку. Через некоторое время Максим ухватился руками за оконный выступ, с трудом взобрался на подоконник и лег, чтобы отдышаться. Спрыгнув с подоконника внутрь, он увидел, что комната пуста.

Выйдя в длинный темный коридор, Максим пошел вправо. Он старался ступать тихо по холодному каменному полу. Вдруг кто-то схватил его за рукав и затащил в небольшую комнатку. Максим в темноте едва разглядел лицо — перед ним стояла старуха, которая в детстве лечила его от заикания.

— Не бойся, я хочу тебе помочь. Я сама тут в плену. Он затащил меня сюда, — проговорила она.

— Кто? — спросил Максим.

— Черный карлик, которого ты видел тогда у меня дома. Он обманул меня, говорил, что я буду иметь все — деньги, богатство. Я согласилась, а он теперь держит меня здесь, в своем страшном замке. Знал бы ты, какое это мучение — каждый день видеть его!

— А чего он хочет? — поинтересовался мальчик.

— Он хочет полной власти над всем миром.

— А как он может этого добиться?

— Я узнала от его слуг, что ему надо найти три ключа, тогда он сможет открыть ворота в Страну и захватить ее. Один ключ уже у него, — ответила старуха.

— Два. Второй у Яси, у Принцессы. Он уволок ее сюда, — еле сдерживая слезы, сказал Максим.

— Как бы не так! — старуха рассмеялась скрипучим смехом. — Ты что, Ясю не знаешь?

— А что случилось? — в голосе Максима появилась надежда. — Ей удалось убежать?

— Нет, — вздохнула старуха. — Он обыскал ее, но ключ не нашел. Тогда он показал ей тот ключ, что украл у тебя, хвастался, будто ты сам отдал его ему.

— Но это неправда! Неужели Яся ему поверила? — закричал Максим.

— Нет, не поверила. Она все время молчала, только исподлобья смотрела на него. Тогда он притащил ее в темничную башню и сказал, что этим ключом запрет ее там. Он толкнул Ясю в темницу и только намерился запереть дверь на ключ, как Яся вынула изо рта свой ключик и быстро закрыла дверь изнутри. — Старуха снова засмеялась трескучим смехом. — Вот так умница, Принцесса!

— Ну и что? — спросил, не понимая, Максим.

— Как, что? Теперь карлик не сможет войти в темницу! Ключ в замке изнутри!

— Понятно... Но разве от этого легче? — вздохнул мальчик.

— Не намного, но все-таки. Второй ключ у Яси. А где третий? — спросила старуха.

Максим покраснел:

— Извините, но я не могу вам этого сказать.

— Понимаю, не извиняйся. Разве можно мне верить? Я столько гадостей в жизни наделала, — вздохнула старуха.

— Но ведь теперь вы не такая? — с надеждой спросил мальчик.

— Не знаю, — помолчав, ответила она. — Я раньше думала, что помогаю людям, исцеляю их какой-то сверхъестественной силой, но теперь, когда я так близко увидела того, кто мне все время помогал, мне стало страшно. Я поняла, что занималась колдовством. Не знаю, стала ли я лучше, но я хочу вырваться отсюда.

— А как это сделать? — спросил Максим.

— Этого я не знаю. Но точно знаю одно: надо, во что бы то ни стало, не позволить карлику собрать все три ключа.

— Надо освободить Ясю, — сказал Максим. — Как же это сделать? Кто может мне помочь? Может быть, рыцари из Страны? Но как мне попасть туда?

— Придумай что-нибудь, — сказала старуха.

Максим задумался.

— Мне надо вернуться назад, найти третий ключ, отправиться в Город Рыцарей и сообщить, где находится Яся.

— Хорошо, мой мальчик. Только будь осторожен. Если карлик заберет третий ключ, он получит неограниченную власть и захватит Страну. Пошли со мной, я покажу тебе тайный ход из замка через подземелье.

— Но я хочу увидеть Ясю. Вы могли бы отвести меня к ней? — спросил Максим.

— Это очень опасно, башню охраняют псы карлика, ты туда не доберешься. Если тебя схватят, мы никогда не сможем освободить Ясю.

Максим, вздохнув, согласился, и старуха повела его вниз, в мрачное подземелье, где было еще страшнее, чем в замке. Страшные звуки наполняли подземелье — стоны, вздохи, звон цепей и глухие рыдания.

— Кто тут? — шепотом спросил Максим.

— Это рабы карлика. Лучше тебе не знать, какая это пытка, быть его рабом! — ответила старуха. — Я тоже была тут...

— А почему он вас освободил? — спросил Максим, и сомнения нахлынули с новой силой.

— Чтобы я заманила тебя сюда, — ответила старуха.

Внутри у мальчика все похолодело от этих слов.

— Не бойся. Карлик совершил ошибку: я поняла, что быть рабом страшно, но есть еще надежда освободиться. Некоторые умудряются бежать из этого подземелья. А вот слуги... Они остаются тут навсегда. Если я выполню то, что он мне поручил, я стану его слугой. Навеки.

— Давайте договоримся, — сказал Максим, — что

я достану ключ и по каминной трубе проникну в город, а вы меня там встретите.

— Нет, я не выхожу из замка, тебе придется опять залезть по стене, — ответила старуха. — Кстати, как это у тебя получилось?

— Вы же сами бросили мне веревку. И помогли взобраться наверх, — в недоумении произнес Максим.

— Веревку? Какую веревку?

Максим опешил:

— Так это были не вы? Кто же помог мне?

— Не знаю. В замке нет никого, кто мог бы это сделать. Ладно, будем надеяться, что это был не враг. Тебе пора.

Она завела его в глухой тупик и поставила лицом к стене. Став позади мальчика, старуха положила свои ладони поверх его и нажала изо всей силы. Максим вскрикнул... и оказался в Ясиной комнате возле камина.

Кукла сидела на окне все в той же позе. Максим вышел из комнаты и увидел, что ключ торчит в двери. «Может, я просто уснул, и все это мне приснилось?» — подумал он. Максим повернул ключ в замке, и вдруг услышал хруст: ключ сломался. В руке у него осталось только кольцо, а вторая половинка ключа осталась в замке. Была ночь, и будить Елизавету Александровну он не стал. Едва дождавшись утра, он постучал в ее комнату. Бабушка Лиза лежала на кровати, очень бледная и слабая.

— Максимка, позови маму. Мне плохо, — прошептала она.

Мама вызвала «скорую», и Елизавету Александровну забрали в больницу. У нее был инсульт.

Ей стало лучше только через неделю. Тогда Максим рассказал ей, что сломал ключ, и спросил у нее о третьем ключе. Но бабушка Лиза никак не могла вспомнить, где он. Из больницы ее выписали только через месяц. Она разрешила Максиму обыскать все кругом, Максим обыскал, но ключ не нашелся.

Наступил сентябрь, и Максим пошел в школу. Он совершенно не мог учиться, ему не удавалось сосредото-

читься на занятиях. Учительница неоднократно просила маму обратить внимание на сына. Мама повела Максима к врачу — врач ничего не обнаружил, сделали анализы, однако анализы тоже ничего не показали. Физически мальчик был здоров.

Мама очень беспокоилась о сыне. Однажды отчим вдруг грубо сказал ей:

— Да он просто по этой рыжей малявке тоскует. Жених мокроштаный.

Максим взял тарелку с супом и швырнул в лицо отчиму. Тот в ярости занес над мальчиком руку, но мама встала между ними, и удар обрушился на нее.

В тот же вечер отчим собрал свои вещи и ушел. Максим рассказал маме о том, как отчим изводил его.

— Прости, сынок, — твердила мама, плача.

Когда мальчик попытался рассказать ей о Стране, о карлике, мама потрепала его по волосам и сказала:

— Фантазер ты мой! Если ты скучаешь по Ясеньке, напиши ей письмо.

— Я уже три отослал... — ответил Максим.

Так случилось, что маме неожиданно предложили квартиру. Она двенадцать лет стояла на очереди и уже не надеялась, что когда-нибудь эта очередь дойдет до нее. Квартира, которую выделили для их организации, не подошла никому из тех, кто был в очереди перед мамой. Квартира была на окраине города, на пятнадцатом этаже панельного дома. Мама согласилась, хотя Максим умолял ее не переезжать.

— Сынок, я не могу, я устала. Я так хочу иметь свою кухню, свою ванную, свой балкон. Я всю жизнь мечтала посадить цветы на балконе. Я уже не могу терпеть, когда Николай Иванович приходит пьяный и лазит по моим кастрюлям, когда Надя все время ворчит, когда к Лене ходят бесконечные гости. Я хочу приходить к себе домой. У тебя будет своя комната, мы сменим школу... Максимка... — уговаривала она сына.

Максим, в конце концов, согласился, и они переехали.

Он написал еще одно письмо Ясе, но и на него не получил ответа. Иногда он звонил Елизавете Александровне.

Однажды она сказала ему, что Варя поехала с Ясей в Испанию.

Мама занималась новой квартирой, ей все реже удавалось выкроить время, чтобы заглянуть к Елизавете Александровне. Максим пошел в новую школу, где его встретили на удивление приветливо. Классной руководительнице удалось найти подход к замкнутому мальчику. Он сам не заметил, как стал гораздо лучше учиться, как его перестали мучить кошмары, и постель каждое утро, вновь и вновь, оказывалась сухой.

Он помнил Ясю, но все как-то незаметно растворилось во времени. Он думал о том, что ей, должно быть, очень хорошо в Испании, мечтал, что когда-нибудь они встретятся... Максим повзрослел, и все, что было с ним когда-то давно, казалось ему просто большой фантазией ранимого ребенка.

И вот кошмар повторился снова. Опять страшный карлик гнал его ко входу в свой замок. Опять Максим оказался прижатым к двери, и снова она открылась. На этот раз мост был опущен, и ему ничего не оставалось делать, как перебежать по нему через ров и, открыв тяжелую дверь, побежать по темному коридору замка. Метнувшись в одну, потом в другую сторону, он вбежал в большой круглый зал. Двое слуг карлика схватили его за руки и повели в центр зала, где на высоком троне возвышался карлик.

— Я рад дорогому гостю, — сказал карлик скрипучим голосом. — Ну что, будем еще в догонялки играть или сразу договоримся? Ты принесешь мне третий ключ, а я освобожу твою Принцессу.

— Ни о чем я с тобой договариваться не стану, — ответил Максим.

— А это мы еще поглядим. Эй, слуги, ведите его к башне! — приказал он.

Слуги приволокли его на самый верх, на балкон, который окружал темничную башню. К окну темницы они приставили металлическую лестницу, подтолкнули Максима к ней и расхохотались:

— Лезь, полюбуйся на свою красавицу.

Максим влез наверх и заглянул в темницу — тесную комнатку, в углу которой на куче соломы сидела Яся. Взглянув на Максима, она тихо заплакала:

— Где ты был так долго? Я тебя ждала. Освободи меня.

— Карлик украл мой ключ, а третий потерялся. Я не могу попасть в Страну, чтобы привести помощь, — ответил он.

— Если я дам тебе свой ключ, карлик сможет войти сюда. Он убьет меня...

— Нет, надо найти третий ключ, — ответил Максим, чувствуя, что слуги тычут его в ноги копьями и кричат, чтобы он спускался.

— Только ты не долго, — попросила Яся. — Каждую ночь прилетают летучие мыши и вырывают мои волосы. Мне кидают сюда только черствый хлеб и раз в день льют воду. Я больше не могу...

— Я вытащу тебя отсюда! — крикнул Максим и спустился с лестницы. Подталкиваемый слугами, он шел вниз по каменным ступеням и вдруг, оступившись, покатился вниз.

Очнулся он дома, на своей кровати в квартире на пятнадцатом этаже.

Максим докурил сигарету и снова лег, но так и не смог уснуть до утра. Рано утром он поехал на старую квартиру. Там все изменилось. Никого из прежних жильцов не было. Все шесть квартир в их парадном купил какой-то бизнесмен, а соседи разъехались по разным районам города. В доме полным ходом шел ремонт. Строители не разрешили Максиму даже войти в квартиру: они ломали перегородки и срывали старые полы. Пыль стояла столбом, кругом валялся мусор. Максим

пошел прочь ни с чем. Проходя мимо почты, он заглянул туда и увидел, что его бывшая соседка тетя Надя сидит на своем месте, как и много лет назад. Максим обрадовался ей как родной. Она тоже приветливо улыбнулась, заметив его.

— Максим! Неужели это ты? Как вырос, возмужал! Красивый какой, — воскликнула она.

— А вы ничуть не изменились, тетя Надя, — соврал он.

— Ладно, не ври. Знаю, время в таком возрасте не красит, — махнула она рукой. — Как ты? Как мама?

Максим в двух словах рассказал ей о новой квартире, о школе, о том, что готовится поступать в институт. А потом спросил:

— А как Елизавета Александровна? Где она?

— Она купила квартиру на левом берегу. Варя к ней переехала, — ответила Тетя Надя.

У Максима екнуло сердце:

— А Яся?

Тетя Надя внимательно посмотрела на него.

— А ты разве не знаешь? У Яси лейкемия.

Страшное слово «лейкемия» липкой холодной змеей проползло у него по груди и сжало горло.

— Лейкемия? Давно?

В глазах тети Нади блеснули слезы:

— Давно. Варя вначале скрывала от Елизаветы Александровны. Увезла Ясю в Испанию на лечение. Ей немного легче стало, а потом опять... Квартиру свою продала. Все на врачей да на лекарства потратила. Муж ее, как говорится, «сошел с дистанции». Не выдержал, что все внимание жены, все деньги направлены на лечение дочки. Он ушел к другой женщине... А Ясенке все хуже. Тает дитя... Она сейчас в диспансере, в Пущеводице лежит.

Домашнего адреса Елизаветы Александровны у нее не было, был только телефон.

Максим решил не звонить, а сразу поехать в диспансер. Трамвай медленно тащился к Пуще. Зайдя в боль-

ницу, он подошел к дежурной в белом халате, которая приветливо с ним поговорила, затем дала халат и провела в палату.

Яся сидела возле окна, прижавшись лицом к стеклу. Не оборачиваясь, она сказала:

— А я знала, что ты сегодня придешь. Смотрю в окно, жду...

Яся повернула к нему свое лицо, и Максим чуть не заплакал. Это была другая Яся, это была не та веселая Принцесса, с которой они сидели на липе и играли в слова. У этой Яси было бледное и строгое лицо, такое бледное, что даже веснушек почти не было видно. В глазах застыла боль, они стали просто серыми.

— Я не хотела, чтобы ты меня видел такой. У меня нет волос. Это от химии.

На голове у нее была белая панамка.

— Но это хорошо, что ты пришел. Мы будем прощаться, — сказала она.

— Что ты? Что ты говоришь? — проговорил Максим, и предательские слезы выступили на глазах.

— Знаешь, что я поняла? В человеке есть определенный запас слез. Их должно хватить на всю жизнь. Но если они кончаются раньше, человек не может жить. Люди должны плакать хоть иногда.

Максим подошел к ней ближе и осторожно взял в свои руки ее почти прозрачные ладони.

— Я очень некрасивая? — спросила Яся.

— Ты — самая прекрасная. Ты — Принцесса.

— Ты еще помнишь нашу Страну? — удивленно спросила она.

— Конечно.

— А ты бываешь там? — произнесла Яся.

— Нет, мой ключ сломался, когда ты уехала, — ответил он. — А ты, ты бываешь там?

— Нет. С моим ключом что-то не в порядке. Когда я заболела, он перестал действовать.

— А где он? — спросил Максим.

— Я устала... Извини, мне надо лечь. Посмотри в тумбочке, он где-то там.

Яся легла на кровать, а Максим принялся искать ключ. Но в тумбочке его не было. Он перерыл все, но напрасно. Тут пришла медсестра, чтобы сделать Ясе укол, и ему пришлось уйти. Выйдя на улицу, он направился к трамвайной остановке. Что-то заставило его оглянуться и посмотреть на окно третьего этажа, где была Ясина палата. Он увидел, что Яся стоит у окна и пытается его открыть. Максим подошел ближе и увидел, что медсестра помогла Ясе и окно, наконец, открылось.

— Максим, лови! Он был в кармане пижамы.

Яся бросила ключ вниз, и медсестра отвела ее вглубь палаты. Ключ подпрыгнул на асфальте и упал в канализационный сток, прикрытый металлической решеткой. Максим стал на колени, пытаясь заглянуть вниз. Из ямы несло затхлым воздухом — таким, как в страшном городе карлика.

Максим рванул на себя решетку и спустился вниз. Воды в яме было чуть выше колен. Максим пошарил рукой в воде, пытаясь найти ключ. Но тут, где-то в стороне, он услышал зловещий хохот. Всмотревшись, он увидел карлика, держащего в руке ключ.

— Ха-ха-ха! Ну что? Кто кого? У меня уже два ключа. Отправляйся за третьим.

Карлик скрылся в темноте, а Максим стоял в отчаянии и не знал, что делать. Уже собравшись вылезти из люка, он подумал: «Нет, тут что-то не то. Я совсем запутался. У Принцессы в темнице тоже есть ключ. Надо попробовать забрать его».

Максим двинулся вперед по сточной канаве. Стало глубже, и ему пришлось поплыть. Вскоре он оказался во рву, окружающем замок. Подняв голову, он увидел, что из окна темницы кто-то махнул платком. Сразу же раздался голос:

— Максим, лови!

Маленький ключ, как в замедленном кино, падал вниз. Максим плыл к нему, путаясь ногами в водорослях. Ключ пролетел в сантиметре от его ладони и скрылся в темной, зловонной воде. Несколько раз нырнув и пошарив рукой в иле, Максим понял, что это напрасно. Вынырнув, он поплыл вдоль стены, и вдруг рыбацья сеть упала на него сверху. Стараясь высвободиться, Максим, ударился головой о стену.

Когда он пришел в себя, то увидел, что стоит на коленях перед решеткой, закрывающей сточную канаву, и пытается ее вырвать.

— Что-то уронили, молодой человек? — спросила какая-то женщина, проходившая мимо.

— Да так, ключ.

— Думаю, вам не удастся его достать. Очень жаль. А у вас есть другой? — спросила она сочувственно.

— Есть, но его надо найти, — ответил Максим, поднимаясь с колен.

— Вы его обязательно найдете, — сказала женщина и ушла.

Максим ехал в трясущемся трамвае, и отчаяние овладевало им. «Лейкемия. Почему именно Яся? За что? Что делать? Неужели она умрет? — От этого слова стало холодно и жутко. — Ей всего пятнадцать лет! Надо что-то делать. Но что? Искать третий ключ? Но это просто детский бред. У меня что-то с головой не в порядке. Ведь то, что случилось со мной только что, — это просто плод моей больной фантазии. Я плавал во рву с водой! Но ведь я сухой! Мне все померещилось».

Но эти размышления не успокоили его. Он решил все равно отыскать третий ключ. Домой идти не хотелось. Он пересел на метро и вышел в центре города. Посидел на скамейке, покурил и пошел вдоль Крещатика.

Впервые в жизни ему казалась несправедливой такая красивая весна. Все просто кричало от избытка жизни,

которая мощно пробивалась сквозь холодную еще землю зеленой травой. Огромные почки на каштанах просто раздувались от мощной энергии, пробудившей их. Небо было чистым и синим. «Разве можно так? Все живет, дышит, сияет, и никому нет дела, что сейчас, в эту секунду, там, на больничной койке, умирает самая прекрасная девочка в мире!»

Вдруг кто-то окликнул его. Максим обернулся и увидел парня, с которым вместе ходил на подготовительные курсы, — Сергея. Сергей заметил слезы, блестевшие в глазах Максима.

— У тебя что-то случилось? — тихо спросил он.

— Девочка, с которой я дружил в детстве, умирает. У нее лейкемия, — ответил Максим.

— Лейкемия... Страшная болезнь, — сказал Сергей.

Они присели на скамейку, и Максим рассказал Сергею о Ясе.

— Неужели нет надежды? Что делать? — сказал Максим.

— Я знаю, что делать, — тихо произнес Сергей. — Надо молиться.

Максим знал, что Сергей ходит в церковь, он не раз приглашал его туда. Но Максиму все никак не удавалось выкроить время.

— Я не умею, — ответил он.

— Я умею. И тебя могу научить. И Ясю. Ты не будешь против, если я в следующий раз поеду к ней с тобой?

— Хорошо. Я согласен хоть молиться, хоть креститься, хоть землю грызть, только бы это помогло.

Они договорились встретиться завтра, в воскресенье, возле церкви, чтобы после службы поехать в больницу к Ясе.

Максим позвонил по телефону, который ему дала тетя Надя. Трубку сняла Елизавета Александровна. Голос у нее был слабый, еле слышный. Узнав, что это Максим, она заплакала. Она рассказала, как найти их дом, Максим купил коробку конфет и поехал к ним.

Дома была одна бабушка Лиза, Варя поехала к Ясе. Бабушка Лиза была совсем старенькая. Внешне она почти не изменилась: все те же седые волосы, то же лицо, испещренное морщинами. Но вся она как-то поникла, утратила живость. В ее глазах, как и в Ясиных, застыла безнадежность.

— Совсем я старая стала, — пожаловалась она Максиму. — Вот, дожила до девяноста лет. Оно мне надо? Мне бы и половины хватило, лишь бы Ясенька...

Они пили чай, разговаривали, смотрели фотографии. Потом Максим спросил:

— Елизавета Александровна, а вы не вспомнили, где третий ключ от Ясиной комнаты?

— Зачем он тебе? Уж и комнаты дано нет. Не помню. Когда мы переезжали, я все пересмотрела — нету его.

Последняя надежда, как тоненькая ниточка, оборвалась. Максим шел домой. Не видя дороги, спустился в метро. «Все кончено, я ничем не смогу помочь Ясе», — думал он. Внезапно его охватила злость.

— Это мы еще посмотрим! — вслух сказал он, и пассажиры в вагоне удивленно обернулись на него.

Он выскочил на остановке и бегом побежал к дому, в котором когда-то жил. Строители нехотя впустили его в квартиру.

— Заходи, у нас перекур. Мы будем на третьем этаже. Можешь побыть тут с полчаса. Только не утащи ничего.

Максим остался один в огромной пустой квартире. Перегородки между комнатами были убраны, вместо семи комнат получилось три. Он зашел в комнату с камином. Строительный мусор был уже убран, посреди комнаты стояли козлы и старая железная кровать с панцирной сеткой. Максим сел на кровать и, закрыв глаза, раскачался, как в детстве.

Потом он встал, подошел к камину и открыл дверцу.

— Мы посмотрим, кто кого! — твердил он, пробираясь по каминному ходу.

Все было, как и в тот раз: падение, удар, грязная мостовая. Опять была ночь, и снова Максим шел по кривым пустынным улочкам страшного города. Проходя мимо мрачного трехэтажного здания, Максим увидел, как входная дверь вдруг со скрипом отворилась перед ним. Он понял это как приглашение. Внутри, в большом зале, было пусто. Он пошел по парадной лестнице вверх, откуда доносилось то ли пение, то ли плач.

Вдоль верхнего этажа тянулся длинный коридор с рядами комнат. Максим пошел, прислушиваясь и стараясь определить, откуда доносятся звуки. Наконец он остановился и открыл дверь. В комнате, в тусклом свете свечи, сидела женщина и что-то шила. Она пела заунывную песню, от которой становилось горько во рту.

Подняв глаза на Максима, она сказала:

— Зачем ты сюда пришел?

— Мне нужно освободить Принцессу, — ответил Максим.

— Ты пришел рано, ты еще не готов к битве, у тебя ничего не получится, — ответила женщина.

— Рано?! — закричал Максим. — Она умирает, а вы говорите — рано! Я убью карлика и освобожу Принцессу. Я ненавижу его!

— Одной ненависти мало. Тебе нужно оружие, — ответила женщина.

— Оружие? А где я могу взять его? Может, у вас что-то есть? — спросил Максим.

Женщина вздохнула:

— Для борьбы с карликом не всякое оружие годится. Ладно, я помогу тебе проникнуть в замок и найти оружие.

Женщина открыла сундук, стоявший внизу возле лестницы.

— Полезай туда.

Максим залез в сундук, набитый одеждой. Женщина прикрыла его каким-то плащом и сказала:

— Утром за этой одеждой приедут, чтобы отвезти ее

в замок. Сиди тихо. В замке я тебя выпущу. Там моя мать поможет тебе. Ты ее знаешь.

— Так вы дочка той... колдуньи? — спросил Максим.

— Да, — ответила женщина.

Сидя в ворохе удушливого тряпья, Максим задремал. Проснулся он, когда почувствовал, что сундук несут по улице. Кто-то из слуг, несших сундук, злобно сказал:

— Чего он такой тяжелый? Что там? Не могут же тряпки столько весить!

— Там доспехи, болван! — ответила женщина. — Впрочем, откуда тебе знать, сколько весят доспехи! Ты портки свои с трудом носишь.

Второй слуга покотился от хохота и чуть не выронил сундук из рук. Они погрузили сундук на телегу и поехали к замку. Максим слышал, как они переговаривались со стражниками у ворот, как въехали в замок, как его опять несли по лестницам наверх.

Наконец слуги поставили сундук на пол и, переругиваясь, ушли прочь.

— Вылезай быстро! — скомандовала женщина, приоткрыв крышку.

Максим выбрался из сундука и поспешил за своей сообщницей. В комнате, куда они пришли, их ждала старуха.

— Пришел все-таки. А я думала, что ты больше не явишься. Третий ключ у тебя?

— Нет, он пропал. Думаю, что вряд ли смогу отыскать его. Да он мне и не нужен. Я пришел сразиться с карликом. Ваша дочь сказала, что вы можете помочь мне отыскать оружие для битвы, — ответил Максим.

— Ты еще не готов к битве, — сказала старуха.

— Откуда вы знаете? Дайте мне оружие, и тогда посмотрим, готов я или нет.

— Хорошо, — сказала старуха и повела его в большой зал, где на стенах были развешены мечи, стояли копья и на специальных подставках висели шлемы и кольчуги.

— Я могу выбрать? — спросил Максим.

— Вряд ли у тебя это получится, но попробуй, — ответила старуха.

Максим пошел вдоль стены, разглядывая оружие. Он остановился возле красивого золотого меча с рукояткой, усыпанной драгоценными камнями. Меч сиял и переливался, как ожерелье. «Нет, не то», — подумал Максим и пошел дальше. Все мечи были красивые, легкие, острые. Но они казались Максиму какими-то ненастоящими. Такими мечами карлика не сразишь. Золотые, узорчатые доспехи, шлемы, украшенные разноцветными перьями, — все было не то, все не годилось.

— Здесь нет оружия, которым можно его убить, — сказал Максим, сердито глядя на старуху.

— Молодец, — ответила она и повела его дальше.

В маленькой комнате Максим увидел висящий на стене меч и разложенные на полу доспехи.

Подойдя ближе, он положил руку на меч и ощутил его силу. Это был простой стальной меч, с незатейливой рукояткой, на которой были выгравированы какие-то буквы. У стены стоял щит, рядом лежал шлем и кольчуга.

— Это оно! — воскликнул Максим.

— Да, — сказала старуха, — но теперь попробуй в это облачиться.

Максим с трудом поднял кольчугу и надел на себя. Шлем оказался еще тяжелее. Максим попытался снять со стены меч, но не смог даже сдвинуть его с места.

— Я не могу! Он слишком тяжелый, — проговорил он.

— Ты еще не готов, — повторила старуха.

— Я пойду без меча и без этих доспехов! Я голыми руками убью его, — упрямо сказал Максим.

— Ты погубишь и себя, и принцессу, — сказала старуха.

— Но что мне делать? — взмолился Максим.

— Возвращайся, найди третий ключ. Ты найдешь помощь в своей Стране.

Старуха вывела Максима из замка. Возле выхода стоял вороной конь, на котором сидел всадник в длинном плаще.

«Как этот конь похож на моего Гладиолуса», — подумал Максим.

— Торопись, — сказала старуха. Максим вскочил в седло позади всадника и прикрылся его плащом. Конь, заржав, рванулся вперед, и тотчас послышались крики и шум погони. Максим крепко ухватился за всадника, обняв его и прижавшись к его сильной спине. Ему вдруг стало так спокойно, что он понял: их никто никогда не догонит, и он обязательно найдет ключ и освободит Ясю.

Он очнулся оттого, что строители смеялись, стоя над ним:

— Да ты, парень, решил тут поспать? Вставай, нам пора работать.

Максим пришел домой усталый и совершенно разбитый. Этот день казался ему бесконечным, он вновь и вновь мысленно прокручивал в уме прошедшие события. И его то охватывало беспокойство и отчаяние, то вновь загорался лучик надежды.

Утром он встретился с Сергеем возле церкви. Максим рассеянно слушал проповедь, не понимая содержания. Пение и молитвы трогали его сердце, хотелось плакать. Он слышал, как стали молиться о Ясе, и пытался тоже повторять слова молитвы. Глядя на людей, стоящих вокруг, он подумал, что, может, Бог услышит их. Такие хорошие, добрые люди молятся о Ясеньке — Бог точно их услышит!

Выйдя из церкви, они поехали в больницу. Максим познакомил Ясю с Сергеем, и они разговорились. Максим, почти не слыша, о чем они говорят, смотрел на Ясю. Она внимательно слушала Сергея, держа в руках Евангелие, которое он ей принес. Максим видел, как трудно ей сосредоточиться, как тяжело даже дышать. Она слушала полчаса, а потом сказала:

— Все. Мне надо подумать. Спасибо, что пришли.

Они попрощались, договорившись, что завтра вечером придут опять. Выходя из больницы, они столкнулись

с Ясиной мамой — тетей Варей. Поговорив несколько минут, они собрались уходить, как вдруг тетя Варя сказала:

— Ой, Максим, чуть не забыла! Елизавета Александровна вспомнила, где третий ключ. Она велела тебе передать, что он в китайском болванчике, которого она подарила на память бывшей соседке Лене. Ты помнишь ее и Ростика? Вот их телефон.

Тетя Варя порылась в сумочке и достала листок с телефоном.

Максим бросился к дежурной по больнице и попросил разрешения позвонить. Трубку снял Ростик. Он объяснил, как к ним доехать, и Максим, простившись с Сергеем, поехал к старым соседям.

У Лены и Ростика было трое детей, собака, две кошки и попугай. В квартире стоял невообразимый шум, потому что, кроме Максима, пришли еще гости — молодая пара с двумя детьми, две бабушки и один дед, с усами и в медалях. Все галдели, пили чай и ходили по комнатам, отчего казалось, что народу в квартире еще больше. Лена налила Максиму тарелку борща, не обращая внимания на его отказы. Пришлось съесть борщ, посмотреть новорожденных котят, послушать, как старшая девочка играет на скрипке, посмотреть семейный альбом. Наконец Максиму удалось поговорить с Леной, когда она пошла укладывать спать младшенького.

— Лена, Елизавета Александровна подарила вам китайского болванчика, когда вы переезжали. Где он? — спросил он.

— Я прячу его от детей, они ему уже пытались свернуть шею. Принести? — спросила она.

Через минуту болванчик был в руках у Максима. Это была старинная вещица из слоновой кости — резной китайский болванчик сидел на высоком кресле. Головка его качалась из стороны в сторону от малейших колебаний воздуха. Но это был не просто болванчик, это была шкатулка. В ней имелся потайной ящичек, который

выдвигался, стоило нажать на две бусинки, расположенные на спинке кресла. Максим нажал, и ящичек выскочил.

— Ой! А мы и не знали! Вот здорово! — воскликнула Лена.

В ящичке, устланном красным шелком, лежал ключ.

— Я возьму его, — сказал Максим.

— Конечно, бери. Зачем он нам?

Максим попрощался, несмотря на уговоры еще посидеть. Он ликовал: ключ у него! Выйдя из гостеприимного дома, он сел на скамейке в ближайшем скверике и, сжав в руках ключ и зажмурившись, произнес:

— Невидимый Страж, открой мне невидимую дверь в мою Страну, потому что я — ее житель!

Он оказался на знакомой поляне. Вокруг было все так же красиво, только как-то печально. Словно тень легла на все: ветви деревьев шумели не весело, а как-то тоскливо. Цветы опустили головки, а птицы не пели, а плакали. Из чащи вышел Бутуз. Это был уже не медвежонок, а огромный неуклюжий медведь. Он сел рядом с Максимом, уныло глядя ему в глаза.

— Бутуз! — позвал Максим. — Здравствуй.

Медведь не отвечал. Пришел Лопотун, но он также был молчалив. На свист Максима прискакал Гладиолус. Максим понял, что животные в Стране теперь не разговаривают. Он сел на Гладиолуса и направился в Город Рыцарей.

Тут царило не веселье, как раньше, а кипела работа. Было видно, что рыцари готовятся к битве.

Они обступили Максима. Заговорил старший:

— Ты знаешь, где Принцесса?

— Да, ее украл карлик, она в его замке, — ответил Максим. — Я пришел за помощью. Мне одному не справиться.

— Мы готовы. А готов ли ты? — спросил старший рыцарь.

— Не знаю... Что нужно для того, чтобы быть готовым? — спросил Максим.

— Нужно знать, кто поведет тебя на битву, — ответили ему.

— Кто поведет? Разве это так важно? Давайте, поведете вы, — сказал он старшему рыцарю.

— Нет, нас может повести в бой только Невидимый Страж, — ответил рыцарь.

— Ну хорошо, я согласен, давайте же скорей! — нетерпеливо сказал Максим.

— Тебе надо знать Его имя, — прозвучал ответ.

— Имя? Имя Невидимого Стража? — закричал Максим.

Он снова сидел на скамейке в сквере недалеко от дома, где недавно был в гостях.

«Имя... Имя Невидимого Стража, как же узнать его?» — размышлял Максим, возвращаясь домой.

Весь следующий день он думал об этом. Вечером, купив для Яси цветы и сок, они с Сергеем отправились в больницу. Врач разрешил им зайти на пять минут. Ночью Ясе было очень плохо, врач предупредил, что ее лучше не тревожить.

Она лежала, глядя в потолок. Взглянув на тюльпаны, попыталась улыбнуться.

— Я нашел ключ, — сказал Максим. — Я вчера был там, в Стране.

— Это все детство... — тихо ответила она. — Сказка... Реальность другая.

— Нет, это правда. Я видел Бутуза, он вырос. Там все тоскуют по тебе... Животные не разговаривают. Рыцари готовятся к битве. Мне надо узнать имя Невидимого Стража.

— Я не знаю, как его зовут, — тихо ответила Яся.

Сережа, увидев Евангелие, что лежало у ее изголовья, и спросил:

— Ты читала?

— Да, — кивнула она. — Мне многое непонятно...

— Что? — спросил Сергей.

Но в эту минуту зашел врач и попросил их уйти.

— Он умер... Иисус умер, — сказала Яся.

— Но Он воскрес, Он жив. Он любит и слышит тебя.

Обратись к Нему! — почти выкрикнул Сергей, выходя из палаты.

Следующие три дня к Ясе не пускали. На четвертый тетя Варя позвонила и сказала, что Ясе совсем плохо и ей сообщили по телефону, чтобы она приезжала.

— Максимка, поехали со мной. Я не могу одна.

Максим взял такси и примчался к тете Варе. Она спускалась по ступенькам, держась за стенку:

— Не могу идти, ноги не слушаются.

— Все будет хорошо, все будет хорошо, — твердил Максим, не веря своим словам.

Яся лежала, закрыв глаза, врач держал ее руку. Мама подошла и поцеловала бледную щеку дочери. Яся на минуту приоткрыла глаза и, увидев Максима, прошептала:

— Его имя — Иисус...

Максим отошел к окну, сел на подоконник, закрыл глаза, сжал в руке ключ и прошептал:

— Невидимый Страж, открой мне невидимую дверь в мою Страну, потому что я — ее житель.

Он оказался на поляне, вокруг стояло неисчислимое войско. Рыцари, готовые к бою, окружили его:

— Скажи имя Того, Кто нас поведет! — сказал старший.

— Невидимый Страж, Иисус Христос! — громко произнес Максим.

Тут же перед войском вырос всадник на вороном коне.

— Это Ты? — спросил Максим. — Ты тогда вывел меня из замка?

— Да, и веревку бросил тоже Я, — ответил всадник.

— Но почему Ты не освободишь Принцессу Сам?

— Потому что это не только Моя борьба. Это твоя борьба и Ясина. Но Я помогу вам. Тебе надо надеть доспехи и взять меч.

— Я пробовал, но он слишком тяжел для меня, — ответил Максим.

— Теперь нет. Ведь ты со Мной.

— Но доспехи в замке. Как я попаду туда? — спросил Максим.

— Садись сзади и держись крепче.

Максим взобрался на коня позади Всадника и обнял Его. Разогнавшись, конь прыгнул с такой высокой горы, что у Максима перехватило дух. Но было совсем не страшно, ведь рядом был Он, Иисус.

Звонко стукнув копытами, конь приземлился на мостовую города карлика. Слуги, охранявшие ворота, не видели их — только крутили головами, слыша цокот копыт, но так и не поняли, в чем дело. Всадник въехал в замок.

— А дальше — сам, — сказал Он.

— А может, Ты пойдешь со мной? — спросил Максим, почувствовав, что ему опять страшно.

— Ты должен идти один, но Я буду рядом, — прозвучал ответ.

Максим пошел темным коридором к оружейной комнате. Старуха ждала его там.

— Теперь ты готов? — спросила она. — Ты узнал Его имя?

— Да. Его имя — Иисус Христос, — ответил Максим.

Он с легкостью облачился в доспехи, надел шлем, снял со стены меч.

— Я готов! — сказал он и двинулся в тронный зал.

Карлик вскочил с трона и заорал:

— Опять ты здесь, гадкий мальчишка! Убирайся вон! А не то я убью Принцессу!

Максим увидел, что возле трона лежит Принцесса. Глаза у нее были закрыты, лицо мертвенно бледное. Только слабое дыхание говорило о том, что в ней еще теплится жизнь.

— Ты ей ничего не сделаешь, потому что со мной Тот, Кто сильнее тебя! Со мной Иисус Христос!

Максим слышал шум битвы за своей спиной, Рыцари Христа заполонили замок и очищали его от слуг карлика. Максим занес меч над головой карлика и рубанул изо всех сил.

Отбросив в сторону меч, он подошел к трону, возле которого лежала Принцесса, и взял ее на руки. Осторожно ступая по ступеням, он вышел из замка. Возле ворот его ждал Гладиолус. Максим посадил Принцессу перед собой, взобрался на коня и тихо поехал по дороге. Армия Христа победила армию карлика. Из подземелья выходили узники, повторяя имя своего освободителя.

Ворота города были распахнуты, и в Страну открылся свободный вход. Максим привез Принцессу на поляну и положил на траву. Она вздохнула, открыла глаза и тихо сказала:

— А мои волосы снова вырастут?

— Что? — спросил врач.

Максим спрыгнул с подоконника, подбежал к кровати и, став на колени, сказал:

— Конечно, вырастут! Обязательно вырастут. Я точно знаю.

Врач покачал головой...

Молодой проповедник стоял у кафедры и говорил:

— Каждую секунду за души людей идет жестокая война. Мы не видим сражающиеся армии нашего Господа и Его врага. Но это не значит, что не звенят мечи, не летят раскаленные стрелы, не падают поверженные враги. Итог этой борьбы предрешен, мы знаем, что победа принадлежит Господу. Но сейчас мы участвуем в этой борьбе и не должны сидеть сложа руки. Так много еще узников томится в оковах, в мрачных подземельях врага! Но мы знаем, что мы победим.

— Как в той истории о трех ключах, что ты мне расска-

зывал? — шепотом спросила Максима его шестилетняя дочка, сидящая у него на руках.

— Да, моя Принцесса, — ответил Максим.

— Мы победим, потому что знаем имя Невидимого Стража. Его зовут Иисус Христос.

Максим поцеловал дочурку в макушку и сжал Ясину руку. Она посмотрела на мужа. Волосы у нее были золотые и вьющиеся, как и у дочки.

Две ОВЕЧКИ

Вера задернула на окнах плотные зеленые шторы. Павел приподнял тяжелую доску подоконника и достал из-под нее Библию.

— Анюта, Марийка! Идите ужинать! — позвала Вера детей.

На ее зов тотчас прибежали две дочки-близняшки. Глядя на них, Павел улыбнулся. О таких детях говорят: «ангелочки». Их трехлетние девочки, и правда, были похожи на

маленьких ангелов — белокурые, кудрявые, с большими карими глазами и розовыми щечками.

Они уселись за стол, все еще немного возбужденные после игры.

— Анна, Мария, — сказал отец, — вы помните, о чем мы с мамой вам говорили?

— Да, папочка! Про секрет, — ответила Аня.

— Чтобы мы никому никогда не рассказывали, что мы молимся и читаем Библию, — продолжила Маша.

Павел открыл Библию и начал читать двадцать второй псалом, а девочки повторяли за ним. Они уже несколько недельряду читали всей семьей этот псалом:

«Господь — пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях...»

Девочки были еще слишком малы, чтобы все понять. Но родители терпеливо объясняли им, кто такой Пастырь, что такое «пажить».

Павел был художником по профессии. Раньше он работал в детском христианском журнале. У него осталась иллюстрация для номера, который так и не вышел — Иисус с маленькой овечкой на руках идет по залитому солнцем зеленому лугу.

— Иисус — наш Пастырь, — объясняла Вера девочкам, — пастушок, который пасет овец. Он находит для них места, где растет такая зеленая-зеленая травка. Он водит их к ручейкам, из которых овечки пьют чистую воду. Он шагает рядом с ними, если они идут по темным, опасным тропинкам. А если овечки устали и им особенно трудно, Он берет их на руки. Вы — как маленькие овечки у Него на руках. Что бы с вами ни случилось, не бойтесь. Даже если нас с папой не будет рядом, Иисус будет вас охранять. Он очень любит вас и обязательно приведет в Золотой город, где будут все, кто любит Господа.

Девочки смотрели на рисунок во все глаза. А Аня однажды сказала:

— Папа, ты неправильно нарисовал. У Иисуса на руках одна овечка, а нас двое. Нарисуй еще одну.

Павел выполнил Анину просьбу. Девочки очень радовались, говоря:

— Это я!

— А это я!

Вера даже сочинила песенку, которую девочки выучили и пели вместе в их «секретное время»:

Две овечки в руках Христа,
Он несет нас на небеса,
Это я и сестра моя,
Это Анна и Мария!

Они повторили за папой псалом, потом тихонько спели свою песенку. Затем девочки поблагодарили Господа за кашу и чай, которые Он им сегодня послал. Аня отхлебнула чаю из чашки и спросила:

— Иисус забыл нам послать сегодня сахар?

Павел ответил дочери:

— Нет, Он не забыл. Просто настало такое время, когда мы должны научиться благодарить Его и за чай без сахара.

Время, и правда, было тяжелое. Год назад президент страны приехал с очередной международной встречи и с гордостью объявил, что его приняли в новую организацию, которая носила название «Новая Всемирная Семья». Он сообщил, что это не политический, не экономический, а духовный союз. Президент призывал всех присоединиться к этому союзу.

— Каждый гражданин может вступить в «Новую Семью» добровольно. Мы будем действовать строго в соответствии с международным законом, который я подписал. Этот закон входит в силу с сегодняшнего дня и не может быть отменен.

Закон гласил, что все религиозные течения должны объединиться в один союз. Руководители всех предприятий и организаций обязаны были получить новые лицензии в течение месяца. Это было очень просто сделать: пре-

зидент компании, директор завода или владелец магазина должен был заполнить анкету, один из пунктов которой гласил:

«Занимается ли ваша организация религиозной деятельностью?»

Тем организациям, которые такой деятельностью занимались, предлагалось добровольно войти в так называемый Союз Новой Веры. В случае отказа, организацию закрывали.

Через месяц были закрыты все христианские организации — церкви, миссии, издательства, благотворительные фонды. Закрыли журнал, в редакции которого работал Павел. Ему предложили работу в новом издании Союза Новой Веры, но Павел не согласился. Везде, куда бы он ни обращался в поисках работы, ему отказывали, несмотря на то что он был известным в городе художником. Его не брали даже простым рабочим на завод. Увидев в его трудовой книжке запись: «редактор детского христианского журнала», ему сразу же отказывали под каким-либо предлогом. Даже в небольших частных фирмах никто не хотел иметь неприятности. Он пытался сдать свои акварели в галерею, которой владел его сокурсник. Но тот, пряча глаза, ответил:

— Ты извини меня, Паша, но у меня двое детей. Ты сам понимаешь...

Павел понимал. Все всего боялись. В стране была паника. Тысячи людей остались без работы, церкви были закрыты, собрания запрещены. Иногда Павлу удавалось подработать — у него были золотые руки, он владел всеми строительными специальностями. Денег хватало только, чтобы свести концы с концами. Сбережения, которые были у молодой семьи, скоро кончились. Пришлось продать компьютер, украшения Веры. В стране началась инфляция, деньги обесценивались с головокружительной скоростью. Начались перебои

с продуктами. В магазинах выстраивались очереди за хлебом.

Всю христианскую литературу велено было добровольно сдать в специальные приемные пункты. В последнее время слово «добровольно» приобрело совсем другой смысл. Теперь оно означало: «делай, как говорят, а то хуже будет». Когда они решили перебрать свои книги, оказалось, что почти все надо было сдать. Прекрасную коллекцию книг с репродукциями, которые собирала еще мама Павла, пришлось тоже отнести в приемный пункт. Глядя на репродукции полотен известных художников разных времен и стран, Вера плакала:

— Они уничтожат эту красоту! Люди во все века пытались изобразить лик своего Господа. Павлик, они же сожгут не только книги. Они сожгут и настоящие картины.

И правда, музеи горели по всему миру. Все это преподносилось, как несчастные случаи, террористические акты или стихийные бедствия.

Горели церкви.

По телевидению шли программы о прекрасном будущем, развлекательные программы и выступления «Новых проповедников». Это были, в основном, молодые, энергичные люди. Они говорили о приходе новой эры, о чудесных перспективах, о том, что каждый может войти в «Новую Всемирную Семью»:

— Хватит с нас старых порядков! Хватит бабушкиных нравоучений. Мы уже выросли из коротких штанишек, в которые нас пытались впихнуть наши классные руководители. Каждый может решать сам, чего он хочет. Хватит жить в страхе и подстраиваться под нормы, изобретенные кем-то.

Так что чай без сахара — это было не самое страшное, к чему надо было привыкать.

Уложив девочек спать, Вера и Павел легли тоже. Обняв Веру, Павел тихо сказал:

— Ходят разговоры, что будут вводить карточки. Отменяют деньги, и товары можно будет приобретать только по карточкам.

— Да, я сегодня включила телевизор, там как раз была передача об этом. Знаешь, что они придумали? — Вера от возмущения села на кровати. — Карточек будет три вида: «раб», «слуга» и «друг». Чтобы получить карточку «раб», надо написать в анкете, что ты поддерживаешь новый режим. Чтобы получить карточку «слуга», надо написать, что ты не христианин, и пройти специальные курсы. Карточку «друг» получает тот, кто проходит подготовку в специальном лагере. А еще есть одна карточка — «член семьи». Это даже не карточка, это чип, который вживляют в руку...

— Число зверя... — тихо сказал Павел.

— Да.

После долгого молчания Вера сказала:

— Мне страшно. Сегодня какая-то женщина остановила меня на улице и шепнула, чтобы я увозила детей из города. Она сказала, что новая власть будет забирать детей. Но куда мы можем их увезти?

— Мы ведь знали, что это время придет. Это время с радостью ожидало много поколений христиан. Мы в безопасности, Христос заберет нас. Может, Он придет этой ночью? — произнес Павел.

— Я знаю... Я ничего не боюсь — ни боли, ни лишения, ни голода. Если бы Христос пришел в эту ночь, я была бы счастлива... Но я боюсь, что нам придется ждать дольше...

— Господь обещал дать нам силы все перенести. Он не пошлет нам испытаний, которые превышали бы наши силы, — утешил ее муж.

— Да, но я боюсь за девочек. Сейчас они в безопасности. Но если это время затянется надолго, как им устоять? Церкви нет, Библию читать опасно. Как мы сможем защитить их в этом мире безумия? А если эта женщина права, и у нас отнимут детей?

— Наши дочери в надежных руках. Господь их бере-

жет, я уверен в этом. Наши молитвы — надежная охрана для них.

— Да, но я... боюсь, — заплакала Вера.

Павел и Вера еще долго разговаривали и молились. Наконец они заснули.

Настойчивый звонок в дверь прорезал тишину ночи. Накинув халат, Вера пошла открывать двери. На пороге стояли четверо полицейских в новой форме лилового цвета. Павел, застегивая рубашку, вышел в прихожую.

— Здесь живет Приходько... Анна-Мария? — близко-руко вглядываясь в список, спросил высокий усатый полицейский лет сорока.

— Здесь, — ответила Вера и до боли сжала руку мужа.

— Она родилась первого января 2001 года? — спросил полицейский.

— Да, — ответила Вера.

— Где она? — проговорил полицейский и двинулся в квартиру.

— Пройдите, пожалуйста, в гостиную, я приведу ее, — спокойным тихим голосом сказала Вера.

Павел, с совершенно белым лицом, провел полицейских в комнату. Вера зашла в спальню девочек, стала на колени перед двухэтажной кроватью и тихо сказала:

— Иисус! Что мне делать? Они пришли за моими детьми. Но полицейский назвал одно имя — Анна-Мария. Они там что-то напутали. Если сопротивляться, они заберут обеих. Я отдам одну... Кого из них — Анну? Марию? Господи! Помоги мне!

Анна заворочалась и вдруг проснулась:

— Мамочка, уже надо вставать?

— Да, доченька, иди, я тебя одену.

— Мы куда-то идем? Еще темно, посмотри в окошко, — говорила девочка, послушно одеваясь.

— Анечка, ты поедешь с дядей, он тебя не обидит. Мы потом с тобой встретимся... чуть позже. Ты ничего не бойся, — говорила Вера, сдерживая слезы.

- А я и не боюсь, — ответила Аня.
- Помни, Христос всегда с тобой.
- Я знаю, мамочка, — ответила Анна.
- Не забывай про секрет.
- Я помню, — сказала девочка и приложила пальчик к губам.

Вера вывела Аню в гостиную. Девочка подошла к усатому полицейскому и сказала:

- Здравствуйте, дядя. Я поеду с вами?

Полицейский удивленно посмотрел на девочку, которая взяла его за руку и сказала родителям:

- Пока, мамочка, пока, папочка.

Вера в прихожей надела на дочку теплую курточку и еще раз шепнула ей на ушко:

- Ты у Христа на руках!

Аня улыбнулась и приложила пальчик к губам. Полицейские ушли. Вера закрыла дверь и легла на пол, лицом вниз. Павел опустился на пол рядом с ней и сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, обхватив голову руками.

— Что я наделала? — проговорила Вера. — Как я могла ее отдать? Лучше бы мне умереть! Лучше бы они меня убили. Господи, зачем Ты допустил это? Павлик! Скажи что-нибудь!

- Я не знаю... — сказал Павел. — Господи, я не знаю!

Дверь детской открылась, и в прихожую вышла Маша в ночной рубашке:

- Мама, а где Аня? Почему вы тут?

Вера, прижав к себе дочку, сказала:

— Аня уехала, ее увезли, мы не знаем куда. Нам надо молиться, чтобы Господь сохранил ее.

Утром Вера пошла в городскую администрацию. Возле здания толпились заплаканные мужчины и женщины. Никто ничего не знал. Из разговоров Вера поняла, что ночью забирали детей, которые родились в январе 2001 года, как ее девочки. В десять часов на балкон администрации вышел какой-то чиновник и зачитал обращение президента:

«Вам выпала большая честь. Вашим детям посчастливилось — они избраны для особого дела. Сейчас еще рано говорить конкретно о том, что им предстоит, и на какой срок их забрали. Но я могу вам гарантировать, что их жизни в безопасности. Условия, в которых они будут находиться, очень хорошие. Вы сможете в этом убедиться позже, когда нам будет разрешено дать дополнительную информацию».

Эта речь вряд ли смогла бы утешить кого-либо из родителей. Многие зарыдали еще громче, многие выкрикивали слова возмущения и угрозы.

Вера возвращалась домой, утешая себя тем, что руки Господа надежнее ее рук. Несколько дней они прятали Машу, боясь, что за ней придут. Но все обошлось. По городу ходили слухи, что детей забрали по заданию «Новой Всемирной Семьи», чтобы обучить чему-то очень важному.

— Наша дочь в самом логове сатаны, — плакала Вера.

— Иисус рядом, — единственное, чем мог утешить ее Павел.

Прошло несколько недель, и Маша заболела. Она отказывалась есть, ее личико осунулось и побледнело. Она тосковала по сестричке.

— Аня не вернулась? — каждое утро спрашивала она.

Вечером, когда семья собиралась за столом для чтения Библии и молитвы, Маша была тихой и молчаливой. В молитве она просила только о том, чтобы сестричка поскорее вернулась.

Однажды, глядя на картинку, на которой Иисус держал в руках двух овечек, она заплакала и сказала:

— Иисус, ну куда Ты унес Анечку? Почему Ты не взял нас всех — и меня, и маму, и папу?

В ту ночь Аню, как и многих детей в городе, везли в аэропорт. Она взобралась на колени к усатому полицейскому и заснула. Он бережно держал на руках девочку.

Кудрявые золотистые волосы щекотали его щеку. «Куда их везут? Как можно забрать дитя у родителей? Какая чудесная малышка. Другие плакали, кричали, а эта спит, как будто я ее отец...»

У них с женой детей не было. Жена, Светлана, долго лечилась, но безуспешно. Взять ребенка из детдома они не решились — трудно полюбить чужое дитя. «Если бы Светлана увидела эту девочку, она бы согласилась ее взять», — думал полицейский. Но он выполнял задание и знал, что ему надо отвезти детей и эту малышку с таким красивым именем — Анна-Мария — в аэропорт. Он не знал, для чего их забрали у родителей и что с ними будут делать. Он знал только, что чартерным рейсом дети полетят в Иерусалим.

Павел каждый день ходил по городу в поисках работы, но безрезультатно. Ввели карточки, о которых давно говорили. Деньги отменили, и теперь даже в метро требовалась карточка.

— Вера, может, мне заполнить эту анкету? Там надо только написать, что я поддерживаю новый режим. В Библии написано, что всякая власть от Бога. Значит, и эта — тоже? — сказал однажды Павел жене.

— Мы знаем, от кого эта власть. Ни ты, ни я не пойдем в рабы к дьяволу.

Машенька простудилась, у нее поднялась температура. Ослабленный детский организм не мог бороться с инфекцией. Дома не было никаких лекарств. Всю ночь Вера обтирала дочку влажным полотенцем, но это не помогало. Только под утро девочка заснула. Вера достала из шкафа свои новые босоножки, которые Павел купил ей позапрошлым летом, и пошла на базар, чтобы поменять их на аптечный купон.

Она стояла возле входа на рынок, держа перед собой красивые кожаные босоножки. Люди проходили мимо. Вера почувствовала, что у нее горит голова. «Наверное,

и у меня температура. Не хватало и мне заболеть», — подумала она и почувствовала, что все плывет и прыгает у нее перед глазами. Она не заметила, как все торгующие попрятали свои товары и разбежались, увидев полицейского. Опомнилась Вера только в тот момент, когда увидела перед собой грузную фигуру в лиловой форме. Подняв глаза, она узнала того усатого полицейского, который забрал ее Анечку. У Веры перехватило дыхание, но не было сил что-либо сказать. Слезы просто показались из глаз.

Полицейский тоже узнал ее. «Как она похудела! — пронеслось у него в голове, — Она, наверное, больна».

— Вы знаете, что торговля с рук запрещена? — спросил он строгим голосом.

— Знаю, но мне нужны лекарства, — ответила Вера.

— Вы можете получить купон на лекарства в поликлинике, — сказал полицейский.

— Не могу, — посмотрела на него Вера печальными серыми глазами.

Полицейский знал, в чем причина. Если человек, не имеющий карточки раба, приходил в поликлинику, его помещали в больницу на неограниченный срок с диагнозом «социальная недееспособность». По телевидению показывали передачи о клиниках, где содержали людей, которые были не в состоянии обеспечить себя даже лекарствами. Государство брало на себя заботу о таких гражданах и пыталось всеми силами вернуть их к «нормальной» жизни, т. е. к жизни с карточкой «раб».

— Я вынужден заполнить документ, который будет храниться в участке. Если вас задержат повторно за занятием нелегальной торговлей, вы будете арестованы.

Вера назвала свое имя, адрес. «Иисус, помоги мне», — молилась она.

— Вот вам квитанция о задержании, — сказал полицейский, сунул Вере в руки какие-то бумажки и ушел. Вера спрятала босоножки в сумку и направилась в сторону дома. Она хотела выбросить бумажки в урну, но

что-то остановило ее. Она увидела, что это не квитанция. В руках у нее был купон на лекарства и магнитная товарная карточка. Не веря своим глазам, она оглянулась — полицейского и след простыл. Вера зашла в аптеку, набрала целый пакет медикаментов: микстуру от кашля, жаропонижающее, витамины. На оставшиеся «баллы» она взяла новые зубные щетки, пасту, градусник и даже крем для рук. В супермаркет она решила пойти вечером, вместе с Павлом.

Вернувшись домой, она взялась лечить Машеньку и сама приняла лекарство. Дочка немного оживилась и, разложив на кровати пузырьки и коробочки с лекарствами, стала играть в больницу со своими куклами.

Вера не могла дождаться возвращения Павла. Он пришел усталый, но довольный: хозяева, у которых он делал ремонт, за работу расплатились с ним маленькой баночкой меда. Услышав рассказ Веры, он задумался:

— Можем ли мы пользоваться этой карточкой?

— Павлик, это был ответ от Господа. Это Он послал нам купон и карточку, — утверждала жена.

— А если это провокация? Вообще-то эта карточка странно выглядит. На карточке раба обычно есть фотография. А на этой нет, — покрутив карточку в руках, ответил Павел.

— Я в этом не разбираюсь. Но считаю, что нам надо попробовать. Я слышала, что на карточку раба дают муку, крупы и сухое молоко. Машенька совсем ослабла...

Павел с неохотой согласился. Они зашли в супермаркет и направились к кассе.

Кассирша лениво посмотрела на них и сунула карточку в автомат. На табло тотчас загорелось слово «слуга». Лицо ее стало гораздо любезнее.

— Подождите минутку, — сказала она и ушла в подсобное помещение.

— Сейчас нас разоблачат, — тихонько сказал Павел.

Девушка быстро вернулась, держа в руках два больших ярких пакета:

— Приходите еще. Всегда будем рады вам, — стараясь улыбаться, как можно шире, произнесла она.

Дома они раскрыли пакеты и ахнули. Тут было все: макаронны, сливочное масло, колбаса, замороженная курица, крупы, сахар, чай, кофе. Во втором пакете лежали овощи, яблоки, мандарины, соки и сладости.

— Павлик, смотри, кофе! Как пахнет! — сказала Вера и заплакала.

— Мама! Это что? — спрашивала Маша, перебирая яркие пакеты с продуктами.

— Это Господь нам послал, — отвечала Вера.

— А как? — спросила дочка.

— Иисус передал нам карточку через одного дядю.

— Мамочка! Давай помолимся за этого хорошего дядю, — предложила дочка.

— Давай, — вздохнув, согласилась мама.

Аню привезли в Израиль. Детей поселили в специально построенном для них городке, обнесенном трехметровой стеной. Красивые белые одноэтажные коттеджи окружала апельсиновая роща. Аллейки от коттеджей сходились в центре, где был большой спортивный комплекс с бассейном, столовая, зал для торжественных мероприятий и школа. Детей разместили в домиках по десять человек. На каждую группу полагалось по два воспитателя — мужчина и женщина. Все дети были одного возраста, все родились в январе 2001 года. Полторы тысячи девочек и мальчиков со всего мира привезли в Иерусалим. Их готовили для очень важной миссии по заданию «Новой Всемирной Семьи». Дети были маленькие, многие из них еще плохо разговаривали. Да это и не надо было. Они должны были забыть все, чему их учили дома. Им предстояло выучить единый язык империи — английский.

Аня очень скучала по маме, папе и сестричке. Каждый вечер, ложась в постель, она тихонько плакала. Потом она вспоминала песенку и повторяла ее про себя:

Две овечки в руках Христа,
Он несет нас на небеса,
Это я и сестра моя,
Это Анна и Мария.

Она вспоминала яркую картинку, на которой Христос держит в руках двух овечек. Она вспоминала три первые строчки двадцать второго псалма, которые успела выучить наизусть: «Господь — пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться, Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...»

Память трехлетнего ребенка не может долго хранить такие непонятные и длинные строчки... Анин разум спрятал эти строчки где-то в глубине. Осталась только картинка: добрый Иисус несет двух овечек в небесный город. В детской памяти сохранилась уверенность, что когда-то она увидит этого Доброго Пастыря.

С годами она забыла Его имя, она забыла, что Он — Пастырь. Она помнила, что Он — Добрый. Она забыла, куда Он ее отнесет. Перед глазами просто осталась картинка, от которой хотелось плакать и смеяться...

Маша каждый вечер доставала рисунок и молилась о своей сестричке. Она долго рассказывала Христу о том, как им всем будет хорошо вместе. Маша знала, что когда-нибудь Иисус отнесет ее на Своих руках на небеса, где они снова будут вместе — мама, папа, Аня и она, Маша.

В декабре продуктовую карточку надо было обновлять, она была рассчитана на год. Вера знала об этом, поэтому они сэкономили продукты. Сладости меняли на лекарства, крупу, муку. Запасов хватило до лета.

Им пришлось продать свою квартиру и переехать в маленькую однокомнатную квартирку на окраине города. За это они получили мешок сахара и мешок муки.

Несколько раз к ним в дом приходили социальные работники и предлагали оформить Машу в детский сад. По

телевизору показывали, какой там замечательный уход, как хорошо там кормят детей, какую красивую одежду им выдают.

— Они только не рассказывают, чему их там учат, — комментировал Павел.

Его друг Игорь, с которым они вместе принимали крещение в церкви, плакал, когда узнал, что детей учат медитировать, рассказывают им о том, что скоро на землю придет новый царь, что надо подготовиться к этому.

— А что мне делать? — говорил Игорь, — Их у меня четверо! Как нам жить? Да, я получил карточку раба! Думаешь, я не молился? Думаешь, мое сердце не болит? Я же знаю, что я предаю Христа! Но что мне делать? Галя опять беременна...

В школах детей тоже кормили и одевали. И тоже учили тому, как встречать нового царя.

Кое-как семья пережила лето. Павлу удалось немного подзаработать в селе, сезонным рабочим. Хозяин, увидев, что Павел добросовестный, работающий и ответственный, доверил ему возить зерно на мельницу.

— Знаю, что мне не поздоровится, если узнают, что я тебя нанял на работу. Но ты единственный, на кого я могу положиться. Остальные так и норовят либо украсть, либо напиться, — говорил он.

Однажды, разгружая мешки с зерном, он услышал, как какой-то мужчина тихо спросил у мельника:

— У вас есть хлеб жизни?

Павел почувствовал, как его бросило в жар. «Хлеб жизни!» Так Господь Иисус называл Себя. Павел увидел, что мужчина с мельником зашли в дом, а позже вышел с каким-то свертком. Павел не знал, как начать разговор, и спросил у мельника:

— Разве хлеб, который с неба, можно найти на мельнице?

Мельник замер и внимательно посмотрел на Павла:

— Кто ты?

— Я — дитя Того, Кто называл Себя хлебом жизни, — ответил Павел.

— Пойдем со мной, — сказал мельник.

Они зашли в амбар и спустились в погреб. Из погреба шел длинный подземный ход. Это был целый подземный город, катакомбы, похожие на те, в которых когда-то прятались первые христиане. Вправо и влево шли ответвления. Воздух был достаточно свежим, по-видимому, существовала система вентиляции. Под потолком горели слабые электрические лампочки. Позже Павел узнал, что эти подземные сооружения раньше, еще в советские времена, принадлежали какому-то военному объекту. Мельник завел Павла в большую комнату, в которой сидели несколько мужчин.

— Кто это? — спросил один из них, видимо, старший.

— Пусть расскажет сам.

Павел принялся рассказывать все с самого начала: как он счастливо жил со своей женой, ходил в церковь, работал. Как все это рухнуло, и он оказался вне закона. Как забрали Анну, как полицейский дал им карточку, которой они пользовались почти год. Как истек срок карточки, и он стал работать в селе... Как он услышал слова о хлебе жизни, решил рискнуть и заговорил с мельником.

Ему задали несколько вопросов, попросили назвать несколько фамилий членов церкви. Потом попросили подробнее рассказать о полицейском, который дал им продуктовую карточку. Услышав, что у него были усы, мужчины переглянулись.

Потом ему рассказали, что его дочку увезли в Иерусалим, где она будет проходить подготовку, чтобы занять место в свите Антихриста во время его коронации.

Павел заплакал, когда услышал это.

Один из мужчин, Сергей Григорьевич, подошел к нему и, обняв за плечи, сказал:

— Мой сын Даниил тоже там. Мы можем только мо-

литься и надеяться на то, что Господь сохранит наших детей.

Павел, вернувшись домой, рассказал все Вере. Она долго плакала, а потом сказала:

— Зато теперь мы знаем, что мы не одни, и можем что-то делать.

Со временем они узнали, что многие маленькие пекарни и хлебные магазины связаны между собой. Они распространяли правдивую информацию о новом режиме, распространяли Евангелия и помогали нуждающимся. Павел и Вера включились в эту работу.

Время шло не так быстро, как хотелось бы. Собираясь на тайные молитвенные собрания, люди молили Господа, чтобы Он скорее пришел. Многие высчитывали по Библии сроки, но прошел год, два, три, семь, а Господь все не приходил за Своей Церковью.

Аня росла в детском городке за высокой каменной стеной. Она была очень смышленной, послушной и доброжелательной. Она видела, как трудно многим из ее друзей привыкнуть к новой обстановке. Как могла, она утешала подружек, с которыми жила в одном доме. Девочки полюбили ее, воспитатели тоже хорошо к ней относились: с маленькой Мери-Энн, как ее теперь называли, проблем не было.

Девочка была очень способной. Она быстрее других научилась говорить по-английски, ей лучше, чем остальным детям, давались все науки. Она была подвижной и музыкальной. Она очень любила часы медитации. Преподаватели ставили ее в пример другим ученикам. Никто не знал, что, закрывая глаза, маленькая Мери-Энн снова становится Аней и оказывается на залитой солнцем лужайке, по которой идет Добрый Пастырь, держащий в руках двух белых овец.

Каждые три года дети проходили тестирование. Мери-Энн всегда была в числе лучших. Тех, кто не

набирал нужное количество баллов, отсылали в другое поселение. Их переводили из свиты в армию. После третьего теста детям сказали, что их осталось восемьсот человек. Будет еще одно тестирование, и их останется шестьсот шестьдесят шесть. Останутся лучшие из лучших. Главный наставник говорил:

— И тем, кто пройдет последнее тестирование, объявят, что они — свита царя, нового царя, который скоро придет. Он будет властелином мира. Вы будете удостоены чести принять участие в его коронации. Это будет, когда вы вступите в свое шестнадцатилетие. Точная дата еще не известна. Но это и не важно. Важно знать, что он скоро придет!

Мери-Энн радостно кивала головой. Она ждала его прихода. Она помнила лицо Доброго, ее охватывало ощущение счастья и трепета, когда думала о Нем. Она не знала, что будет потом, после коронации. Но ее сердце ожидало чего-то светлого и прекрасного.

Когда Маше исполнилось семь лет, Вера и Павел вынуждены были увезти ее из города, где детей насильно отправляли в школу. Маша уже умела читать, писать, решать простые задачки — Вера научила ее. Еще год она прожила в селе у бабушки, но потом и в селе стало опасно. Детей, которых родители не хотели отдавать в школу, забирала в интернаты. Павлу пришлось спрятать Машу в катакомбах. Тут, в подземелье, жили люди, которые не могли смириться со званием «раб». Сергей Григорьевич, сына которого тоже забрали той ночью, говорил:

— Я — раб Христа. Я горд тем, что могу себя так называть. Но я никогда не стану рабом антихриста.

Здесь, в катакомбах, был продуктовый склад, в который поступали продукты со всех окрестностей. Люди отдавали десятину Господу. Здесь скрывались те, кто оказался вне закона, но продолжал нести Слово Божие людям. Здесь Павел организовал подпольную типографию, в которой печатали трактаты, Евангелия. Здесь же

наладили производство аптечных купонов, карточек на получение продуктов и товаров первой необходимости. Здесь делали документы.

— Это не грех, — говорил Сергей Григорьевич, — это мудрость. Когда царь Давид скрывался от преследователей, он притворялся безумным. Это тоже был обман. Господь видит наши сердца, Он — праведный судия.

В катакомбах было двадцать пять детей школьного возраста. Каждый день с ними занималась Вера. Тут Маша изучала физику, химию, математику. Тут они все вместе читали Библию и молились. На стене в классе они повесили фотографии Ани и Даника, которых увезли в Иерусалим. В катакомбах жили двое братьев Даника — старший Тима и младший Ваня. Каждый день дети молились о Данике и Ане. Потом на стене появились еще несколько фотографий детей с Украины, а потом и из других стран. Христиане всего мира молились о детях, которых отобрали у родителей и готовили к встрече с антихристом.

Аня быстро подружилась с девочками, которые жили с ней в одном домике. Николь, Роза, Инга, Нооми и Кити очень привязались к веселой и жизнерадостной Мери-Энн. Особенно теплые отношения сложились у нее с Кити, маленькой китайкой. Первое время Кити очень плакала. Ей труднее всех давался английский язык, она никак не могла научиться пользоваться ножом и вилкой. Она очень скучала по своей бабушке. Часто Кити садилась за стол и писала бабушке письма. Кити знала всего два иероглифа: «бабушка» и «Китай». Аня, как могла, утешала Кити и помогала ей в учебе. Девочки сдружились, стали как сестры. Когда они подросли, стали часто уходить в апельсиновую рощу и долго там разговаривали.

Аня научила Кити видеть Доброго. Она объяснила своей подруге:

— Когда-то Добрый придет за нами и заберет к Себе. Он живет в городе, где все сияет. Мы там будем счастливы.

Если тебе плохо, ты поговори с Нем. Если тебе нужна помощь, Добрый поможет тебе.

— Я тоже слышала о Нем, мне бабушка про Него рассказывала, — ответила Кити.

Скоро у них появился еще один друг — Марк. Их подружки смеялись, потому что всем было ясно, что Марку нравится Кити. Он вел себя как рыцарь, приносил ей сладости, фрукты и всегда старался быть рядом — на спортивной площадке, в бассейне, на танцевальных занятиях. Мери-Энн и ему рассказала о Добром. Это был секрет, который они хранили. Но, узнавая друг друга ближе, взрослея, они находили новых друзей и делились с ними самым сокровенным.

Когда они проходили последний, четвертый тест, и им было по пятнадцать лет, детей, знавших о Добром, насчитывалось в городке сорок семь человек.

Маша выходила из подземелья редко. Для этих случаев у детей была форма — сиреневые костюмы с нашивками на рукаве. На нашивках был номер школы и класса. А на груди красовался герб Новой Семьи. Теперь людей можно было узнать по одежде.

«Рабы» обязаны были надевать поверх своих лохмотьев желтые балахоны.

«Слуги», все государственные служащие, носили форму разных фасонов. Только цвет был один для всех — фиолетовый. У полицейских и военных — темно-лиловый, у учителей, школьников и студентов — ярко-фиолетовый. У обслуживающего персонала в магазинах и гостиницах — бледно-сиреневый. У детей — сиреневый с розовым.

«Друзья» — высокопоставленные чиновники и близкие к власти люди, носили лиловые галстуки, а женщины — легкие сиреневые шарфы.

«Члены семьи» ограничивались золотыми перстнями с печатью, на которой также красовался герб Новой Всемирной Семьи, и узкой лиловой ленточкой в петлице или на платье.

На шестой год после объединения правительств многих стран в Новую Семью ввели новую категорию людей — «никто». Это звание получал тот, кто трижды задерживался властями и трижды отказывался заполнить анкету «раба». Такой человек обязан был носить на лбу повязку со словом «немо». Никто из граждан не имел права вступать с таким человеком в контакт. Власти проводили особую политику: вынудить людей добровольно обратиться за помощью к ним. Те же, кто не желал принять условия властей, были загнаны в тупик — они не могли работать, не могли купить себе пищу, не могли продать имущество, чтобы получить средства к существованию. Оставалось либо преклониться перед новой властью, либо умереть...

Однажды Вера получила разрешение от руководства катакомб сводить детей в бассейн. Были сделаны документы, подтверждающие личности детей и учителя. В пять часов утра детей с большими предосторожностями вывели из катакомб и провели к лесу, где их ждал автобус. Часов в восемь утра они выехали на трассу и направились в сторону города. Патруль дважды останавливал автобус, но документы были в порядке и каждый раз дети усиленно молились, так что все обошлось благополучно.

Многие дети впервые оказались в бассейне и не умели плавать. В катакомбах их мыли в детских ванночках, поливая сверху из кувшина. А в бассейне они радостно плескались в воде, съезжали с горки, плавали на надувных кругах.

После бассейна Вера взяла в кафе мороженое по спецталону. Дети сидели за столиками и оживленно болтали.

Вдруг сердце у Веры похолодело. Перед ней стоял тот самый усатый полицейский. Он узнал Веру и поздоровался с ней. Неожиданно его взгляд остановился на Маше. Вера дернулась, закрывая собою дочь. «Не отдам», — тихо прошептала она.

— Это ваша девочка? — спросил полицейский, наклонясь к Маше.

— Да, — стараясь держать себя в руках, ответила Вера.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил он.

— Приходько Мария, — ответила перепуганная Маша.

— А когда ты родилась? — спросил полицейский, и его лицо стало напряженным, будто он старался что-то вспомнить.

— Первого января 2001 года, — ответила девочка.

Вера подняла на него глаза, полные слез.

— Не плачьте, я вам не сделаю ничего плохого. Я все понял. Я забрал не Анну-Марию, а Анну... Я после той ночи не мог спать. Я рассказал своей жене, Светлане, о вашей девочке. Она плакала... Я все время думал о ней. Но что я мог? Я человек подневольный, мне приказали — я сделал. Я и не такое делал... А тут... Потом я встретил вас, мне так захотелось вам помочь, я дал вам ту карточку. Я боялся, но дал. А потом я вас искал, а вы уехали. И вот, ваша девочка... Она так похожа на ту крошку... Что со мной происходит?

Вера видела, что у полицейского дрожат губы.

— Я сейчас не могу с вами разговаривать. Давайте встретимся завтра, — сказала она и повела детей к автобусу.

В катакомбах она рассказала о своей встрече. Руководители уже не один раз слышали об этом полицейском. Он часто отпускал тех, кого задерживали за незаконную торговлю, к нему обращались за помощью, когда надо было взять справку для сезонной работы. Были случаи, когда он давал людям купоны в аптеку или продукты.

— Мне кажется, что надо попробовать наладить с ним контакт. Он — майор полиции, его зовут Виктор Андреевич, — предложила Вера. — Я договорилась с ним о встрече.

— Я пойду с тобой, — сказал Павел.

Мери-Энн узнала, что после четвертого теста Даниеля перевели в другое поселение — в армию. Все экзамены он

сдал успешно, но не прошел по росту. Он был ниже всех в своей группе, а к росту мальчиков предъявлялись определенные требования. Мери-Энн, Кити, Марк и другие дети очень расстроились, Даниель был среди мальчиков таким же заводилой, как Мери-Энн среди девочек. Прощаясь, Даниель сказал:

— Не забывайте меня.

Аня тихо напомнила:

— А ты не забывай о Добром. Мы будем просить Его, чтобы Он помогал тебе.

— Мы еще увидимся! — крикнул он, садясь в автобус, который увозил его из городка.

После трехдневного отдыха занятия возобновились. Детям сказали, что начинается очень важный этап в их жизни. До коронации остался год. Главный наставник говорил:

— Церемония коронации нового царя мира — это самое грандиозное событие в истории человечества. И вам посчастливилось участвовать в нем. Вы — представители нового мира, который в вашем лице с радостью примет своего нового властелина. С сегодняшнего дня начнется отработка церемонии. Возложить корону на голову царя будет поручено самым лучшим.

Новый царь должен был въехать на коне через главные ворота Иерусалима. В городке на стадионе был возведен точный макет ворот и ступеней храма. Первые девять месяцев им предстояло репетировать здесь.

Детей разбили на группы. Часть их должна была нести гирлянды из живых цветов и устилать ими путь царя от ворот до ступеней храма. Группа чернокожих девушек и юношей исполняли танец с барабанами. Девушки с лютнями сопровождали торжественный ход, а хор пел под стройный аккомпанемент лютней.

Корону должны были нести три девушки и три парня. Из всех выбрали шестерых: Мери-Энн, Кити, Стеллу, Марка, Вилли и Джакомо. Чести возложить корону на голову царя будет удостоена девушка, ко-

торую Совет Церемонии признает самой красивой и достойной.

Стелла мечтала о том, чтобы выбрали ее. Она тихо ненавидела Кити и Мери-Энн. Стелла была очень целеустремленной и гордой девушкой. Она до изнеможения упражнялась, чтобы быть более стройной, более гибкой. Часами она простаивала у зеркала и тренировала улыбку — ослепительную, загадочную и обольстительную.

Она страшно разозлилась, когда совет выбрал Кити. Мери-Энн радовалась за подругу, потому что и сама восхищалась ее красотой. Лицо Кити было прекрасно. Оно словно было вырезано талантливым скульптором из какого-то теплого и нежного камня. Раскосые глаза были необыкновенно красиво очерчены. Брови, как след тончайшей кисти на шелке, придавали лицу удивленно-трогательное выражение. Длинные блестящие черные волосы резко контрастировали с матовой нежностью лица. Ей очень шел наряд, который был специально сшит для коронации. Золотое трико обтягивало стройную фигурку. Темно-лиловый плащ придавал ей строгий и тревожный вид. А диадема в черных волосах усиливала блеск глаз маленькой китаянки.

Стелла и Мери-Энн должны были идти справа и слева от Кити. Их одежда была немного скромнее — трико было черного цвета, а вместо диадемы в волосах были золотые обручи.

Каждый день они выстраивались в строго определенном порядке и с утра до вечера тренировались и тренировались.

Когда Маше было пятнадцать лет, однажды по телевизору объявили, что назначен день коронации нового царя.

— Папа, — сказала она отцу, — я должна поехать в Иерусалим.

Вера обхватила Машу руками:

— Доченька, умоляю, не делай этого! Я сойду с ума! Разве ты сможешь чем-нибудь помочь Ане?

— Я буду молиться, и Господь поможет. Аня не должна поклониться антихристу.

— Но, Машенька, у тебя нет паспорта! Ты не сможешь поехать туда! — как за соломинку ухватилась Вера.

— Мама, я узнала, что из молодежи пятнадцати-шестнадцати лет набирают добровольцев для юношеской армии, которая будет участвовать в коронации и потом служить при дворе царя. Для этого не обязательно нужен паспорт, достаточно справки из полиции.

— А где ты ее возьмешь? — упавшим голосом спросила Вера.

— Я договорилась с Виктором Андреевичем. Он обещал мне помочь.

Павел обнял жену и дочь и сказал:

— Хорошо, Мария. Если ты окончательно решила ехать, я не стану возражать.

— Павел! Может, и я поеду? — сквозь слезы спросила Вера.

— Нет. Мы нужны здесь.

В аэропорту было шумно и многолюдно. Подойдя к администратору, Маша разузнала у него, как происходит отправка добровольцев в Иерусалим. Она знала, что ей надо заполнить анкету со множеством пунктов, на которые она не хотела бы отвечать. Но решение было принято — ей любой ценой надо добраться до Иерусалима. Даже ценой слов предательства. Маша с трудом нашла столик, за которым сидел служащий, регистрирующий отъезжающих. Она шла к столику и молилась: «Господи, помоги мне! Ты знаешь мое сердце, Ты знаешь, что мне предстоит сейчас на бумаге отречься от Тебя. Но Ты знаешь и то, для чего я это делаю. Прости меня. Помоги мне!»

— Вот, у меня справка, мне надо в Иерусалим, — дрожащей рукой она протянула справку служащему.

Тот посмотрел на нее и ответил:

— Вы опоздали, девушка. Самолет отправится через пять минут. Это был последний рейс для добровольцев.

— Но мне очень надо! — крикнула Маша.

— К сожалению, я не могу нарушить процедуру. Вы не успеете заполнить анкету, — возразил служащий, складывая заполненные анкеты и справки аккуратной стопкой.

— А анкеты остаются у вас? И справки тоже? — спросила Маша.

— Да.

— Умоляю вас, вот моя справка, заполните анкету вместо меня! Пожалуйста, мне это очень нужно.

Служащий нахмурился, взглянул на часы. Потом вдруг махнул рукой и ответил:

— Ну ладно, давай! И почему я это делаю?

Он дал Маше карточку с порядковым номером и велел заполнить ее в самолете. Маша подбежала к самолету в тот момент, когда начали поднимать трап. Сидя в самолете, она все еще не верила, что летит в Иерусалим. Она благодарила Господа, что все получилось так здорово, что ей даже не пришлось заполнять анкету и отрекаться от Него.

Машу, как и многих девушек и юношей, прилетевших в Иерусалим, поселили в армейском городке. Им выдали форму, и на следующий день они приступили к тренировкам. Подразделениями новичков командовали сержанты, которые уже много лет жили в армейском поселении. Подразделению, в котором была Маша, представили их командира, молодого невысокого паренька, которого звали Даниель. Знакомясь со своими солдатами, он удивленно посмотрел на Машу:

— Мери-Энн?

— Нет, меня зовут Мария, — ответила Маша.

— Извини, ты очень похожа на одну мою знакомую.

Сердце Маши учащенно забилося, она поняла, что Даниель знает ее сестру. В свою очередь, она заметила, что и его лицо, походка, жесты напоминают ей кого-то. Вглядываясь в черты его лица, она поняла, что он очень

похож на старшего сына Сергея Григорьевича, Тиму. Она догадалась, что это Даниил, Даник, чья фотография висела в их классной комнате в катакомбах.

Ежедневные тренировки проходили в очень напряженном темпе. Свободного времени почти не было, только небольшой перерыв после обеда, когда жара становилась просто невыносимой.

Однажды, сидя под деревом во время перерыва, Маша увидела проходившего мимо Даниеля.

— Даник! — окликнула она его негромко.

Юноша резко остановился и спросил:

— Ты что-то сказала?

— Нет, — испуганно ответила Маша.

— Но я слышал, ты сказала какое-то слово, — настаивал Даниель.

— Я сказала «Даник». Это имя. Так зовут одного человека из той страны, откуда я приехала.

Даниель подошел ближе.

— Ты приехала со Славянских территорий?

— Да, с Украины, из города Киева. Так моя страна называлась до объединения, — ответила Маша.

— Пожалуйста, повтори еще раз это имя. Оно почему-то кажется мне очень знакомым.

— Даник, — повторила Маша.

— Знаешь, когда я слышу это имя, то почему-то у меня перед глазами возникает странная картина: в зеленом свете плывут рыбки. И тени от этих рыбок на стене...

Маша стала очень серьезной, понимая, что сейчас решается ее судьба.

— У вас дома была такая лампа. Я видела ее... Это твое имя — Даниил. Мама называла тебя Даником. Тебя забрали у родителей тринадцать лет назад.

Даниель осторожно огляделся по сторонам:

— Откуда ты это знаешь?

— Я знаю твоего отца, маму, твоих братьев, — ответила Маша. — Мы знали, что ты в Иерусалиме, что тебя забрали для свиты нового царя.

— Я не прошел последний тест, меня перевели в армию, — покраснев, произнес Даниель.

— Не думаю, что это так плохо, — ответила Маша. — Где-то здесь, в Иерусалиме, моя сестра, Анна.

— Мери-Энн — твоя сестра? — спросил Даниель.

— Да. Полицейский, который пришел забрать нас с сестрой, не разглядел, что в списке было написано «Анна, Мария». Он перепутал запятую с дефисом и прочитал как одно имя — Анна-Мария. Мама отдала не двух дочерей, а одну — Анну.

— Я дружил с ней, когда был там, — сказал Даниель.

— Расскажи мне о ней, — попросила Маша.

Даниель долго рассказывал ей о сестре, потом Маша рассказывала ему о его семье. Теперь каждый день они встречались после обеда и беседовали. Мария очень боялась, она знала, что одно неосторожное слово, и все может рухнуть. Даниель был тоже очень осторожен. Часто он просто прерывал разговор и уходил. Но чем больше они разговаривали, тем больше доверяли друг другу.

Однажды Даниель вдруг резко спросил Машу:

— А что ты знаешь о Добром?

— О каком добром? — удивилась она.

— Да, это так. Мери-Энн рассказывала...

После долгих расспросов Маша узнала о том, что у друзей ее сестры была тайна: они разговаривали с Добрым и ожидали, что это Он взойдет на престол как новый царь. Маша рассказала Даниелю все: что она христианка, что мир готовится к тому, чтобы короновать врага Иисуса Христа. Она рассказала, что приехала, чтобы предупредить Анну, забрать ее из свиты антихриста. Маша плакала, потому что времени оставалось очень мало. Коронация состоится через две недели. Репетиции свиты проводятся отдельно, и свиту охраняет специальная охрана.

Даниель обещал что-нибудь придумать. Но у него тоже ничего не получалось. Оставалась одна надежда — командирам юношеских армейских подразделений предстояло участвовать в совместной генеральной репетиции.

Там Даниель рассчитывал встретиться с Анной. Маша дала ему картинку, нарисованную отцом, на которой был изображен Иисус с двумя овечками на руках.

— Даник, пожалуйста, найди возможность передать Ане эту картинку. Расскажи ей обо мне, об Иисусе. Скажи ей, чтобы она не поклонялась антихристу, — просила она друга. — Нам надо забрать ее оттуда. Придумай что-нибудь!

В день генеральной репетиции Даник никак не мог подойти к Мери-Энн. Место его подразделения было в западном крыле, а Мери-Энн все время находилась в центре процессии. Она только издали помахала рукой, увидев его. Обедали они тоже в разных помещениях. Только вечером, когда машины развозили всех участников, Данику удалось на несколько секунд подбежать к машине, в которой сидела Мери-Энн.

— Возьми, это тебе! — сунул он ей в руки рисунок. — Аня, не перепутай!

Здоровенный охранник тут же отогнал его от машины. Мери-Энн растерянно смотрела ему вслед.

Вечером перед сном Мери-Энн в своей комнате разглядывала рисунок. Она смотрела на лицо нарисованного человека. Не было сомнений, что это Он, Добрый! Сердце ее трепетало от чего-то неуловимо знакомого и прекрасного. На руках у Доброго были две овечки. Мери-Энн почему-то хотелось плакать.

Она закрыла глаза и стала разговаривать с Добрым:

— Что происходит? Откуда у Даниеля эта картинка, которая так растревожила мое сердце? Почему он сказал, чтобы я не перепутала? Разве может быть такое, что я не узнаю Тебя? Ты завтра придешь, я увижу Твое лицо. Я так долго ждала этого! Что может помешать этому? Как странно он меня назвал — Аня... Аня... Мне кажется, я уже слышала это имя.

Весь мир, разделенный на десять территорий, готовился к коронации нового царя. Его имя пока не было

известно. С самого утра по всем каналам телевидения транслировались репортажи из Иерусалима. Показывали кадры хроники, рассказывали о восстановлении храма. Потом показали, как открывали центральные ворота города, замурованные специально до прихода нового царя. Улицы Иерусалима были празднично украшены, толпы людей стояли на дороге, ведущей к храму.

Павел, Вера и их друзья сидели в подземелье у экрана телевизора. Наконец, уже ближе к вечеру, церемония коронации началась. Из многочисленных репродукторов неслась торжественная музыка. Тысячи юных, красивых молодых парней и девушек из юношеских армейских подразделений маршировали у специально сооруженных трибун, на которых стояли представители правящей верхушки десяти территорий. Армейские подразделения после выступления стали плотным полукольцом вокруг лестницы, ведущей к храму. Им на смену вышла свита. Девушки несли гирлянды цветов и устилали ими ступени. За ними шла процессия темнокожих танцовщиц, затем девушки с лютьями. Хор сильных молодых голосов пел торжественную песню.

Вера сжала руку мужа.

— Аня...

По ступеням шли шестеро молодых людей — три девушки и трое парней. Девушки шли впереди. Первой была стройная грациозная китаянка, державшая в руках корону. Справа стояла голубоглазая блондинка. А слева — Анна. Ее кудрявые волосы отливали золотом в свете заходящего солнца. Вдруг музыка смолкла, и над процессией застыла тишина. Девушки стали подниматься по ступенькам, следом за ними шли юноши. И тут в проеме появился новый царь. Все люди, стоящие на площади, затаили дыхание.

Когда смолкла музыка, Кити тихонько сказала:

— Мери-Энн, я боюсь. Мое сердце так бьется, я сейчас упаду.

Стелла презрительно прошипела сквозь зубы:

— Лучше бы выбрали меня!

Кити шла чуть впереди. Мери-Энн смотрела на нее сбоку. Она видела, как дрожат ресницы подруги, как горячий румянец заливает ее щеки.

Взглянув вперед, Мери-Энн увидела шагнувшего им навстречу нового царя. Сделав несколько шагов, Кити и Мери-Энн одновременно остановились и, посмотрев друг на друга, в ужасе произнесли:

— Это не Он!

Кити вздрогнула и отшатнулась в сторону. Лицо ее стало белым как полотно. Корона выпала из рук. Стелла была тут как тут. Она подхватила корону и пошла навстречу новому царю с торжествующей улыбкой на лице. Вилли и Джакомо пошли за ней следом, а Марк остановился, недоумевающе глядя на Кити.

— Марк, это не Он! Это не Добрый! — повторила Кити.

— Бежим! — скомандовал Марк, хватая за руки Кити и Мери-Энн. В свите началась паника. Охрана на какое-то время тоже растерялась.

Вера и Павел вздрогнули, когда увидели, что вдруг по экрану телевизора поползли черные полосы, камера заметалась из стороны в сторону. Через некоторое время оператор справился с ней, и на экране появилось лицо Стеллы, несущей корону. Это было лицо человека, который знал, что ему надо. Она подобострастно смотрела на нового царя и не замечала того, что происходило вокруг. Многие парни и девушки из свиты, как замороженные, с застывшими улыбками на лицах, тоже шли навстречу своему повелителю. Толпа восторженно кричала. Охранники не сразу поняли, что к чему. Они не могли оторвать глаз от антихриста, и не сразу заметили, что из свиты и из толпы отдельные люди бегут прочь. Вера и Павел этого уже не видели.

Из процессии в разные стороны бежали девушки и парни, снимая на ходу лиловые накидки и кричали:

— Это не Он!

Марк, Кити и Мери-Энн нырнули в западные ворота. Дорогу им преградили двое охранников. Марк сцепился с ними. Девочки увидели, что к воротам подъехал автобус, из которого выскочил Даниель и, размахивая руками, стал звать тех, кому удалось прорваться сквозь охрану. Марк кричал:

— Бегите! Кити, садись в автобус!

— Я не пойду без тебя! — крикнула Кити.

Даниель подбежал к дерущимся и, оттеснив Марка, крикнул:

— Забирай девочек и езжай отсюда! Водитель знает, куда вас везти! Я справлюсь, бегите!

Марк потащил Кити к автобусу, в который уже заскочили несколько девушек и парней из свиты. Мери-Энн увидела, как Даниель упал от удара охранника и бросилась к нему.

— Мери-Энн! Даниель! — кричала Кити, порываясь выйти из автобуса, но ее не пускали.

Мери-Энн попыталась поднять Даниеля, но он только прошептал:

— Беги. Я вижу Христа, Он идет за мной...

Один из лежащих на земле охранников вдруг поднялся и двинулся к девушке. В это время в проеме показались еще несколько полицейских в лиловой форме. Мери-Энн поняла, что путь к автобусу отрезан.

— Марк! Езжай! — крикнула она и побежала по узкой галерее. Она не знала, куда бежит, она только повторяла про себя: «Прочь! Прочь с этого жуткого места. Подальше от этих страшных глаз нового царя! Это не Добрый, это не Он!» Она летела как на крыльях, слыша за спиной тяжелый топот. Оглянувшись, увидела, что за ней бегут двое. Остальные отстали. Свернув в какой-то проход, она очутилась перед закрытой дверью. Погоня приближалась. Мери-Энн изо всех сил заколотила в дверь. Дверь открылась. Перед ней стояла девушка, как две капли похожая на нее. Мери-Энн остановилась как вкопанная.

— Аня! Сюда! — схватила ее за руку девушка и закрыла тяжелую дверь на засов. — Бежим!

— Ты кто? — задыхаясь, на бегу, спросила Мери-Энн.

— Я твоя сестра Мария, а ты — Анна, Аня. Не останавливайся, слышишь, они ломают дверь.

Девушки, взявшись за руки, бежали узкими улочками Иерусалима, на которые спускались вечерние сумерки. Их настигали свирепые охранники. Двери домов были заперты, но сестры и не пытались стучать в двери, их все равно никто бы не впустил. А если бы и впустили, то наверняка выдали бы властям. Вдруг они заметили приоткрытую калитку во двор. Маша скользнула туда, увлекая Аню за собой. Дворик был небольшой — справа колодец, несколько деревьев, закрытая дверь в дом, зашторенные окна. В глубине двора стоял хлев. Сестры метнулись туда. В хлеву пахло соломой. Под крышей ворковали голуби. Во дворе послышались шаги преследователей.

— Аня, они тут. Что делать? — шепотом спросила Маша сестру.

— Не знаю, — тихо ответила Аня.

Они обнялись и присели возле кормушки, прижавшись друг к дружке и закрыв от страха глаза.

Девочки слышали, как охранники ходили по двору, как разбудили хозяев, как подошли к хлеву, открыли дверь и осветили фонарем прямо на них. Их сердца бешено колотились. Один из охранников произнес:

— Никого, только две перепуганные овечки в углу.

Второй поднял фонарь выше:

— И правда, дрожат от страха.

— Куда же подевались девчонки?

— Как сквозь землю провалились. Не могли же они в колодец прыгнуть.

Охранники вышли. Аня и Маша слышали, как они еще раз зашли в дом, снова обошли двор, покричали в колодец, а потом так и ушли ни с чем. Девочки еще часа два сидели молча в хлеву, а затем решили выйти.

Они шли по спящим улицам города, тихонько переговариваясь:

— Аня! Они не заметили нас! Как это получилось? — недоумевала Маша.

— Охранник светил фонарем прямо на нас, он не мог нас не увидеть.

— Это Господь сделал так, что мы показались им маленькими овечками, — сказала Маша. — А ты помнишь нашу песенку?

— Какую? — спросила Аня.

Две овечки в руках Христа,
Он несет нас на небеса.
Это я и сестра моя,
Это Анна и Мария.

— Я не помню этой песенки... Но мне почему-то хочется плакать, — ответила Аня.

Девочки остановились и обнялись.

— Ты мне потом расскажешь все-все! Про маму, про папу, про нас с тобой, про Христа. Ведь я ничего не знаю, — сказала Аня.

— Хорошо, — пообещала Маша. — А сейчас нам надо идти в хлебную лавку. Я знаю, где это. Нам надо успеть туда, пока не рассвело.

Когда девочки пришли в лавку, их там уже ждали Марк, Кити и многие друзья из свиты. Это были те ребята, которые знали о Добром. Хозяин лавки провел их в подвал, где они молча выслушали всю правду о новом царе. Хозяин рассказал им о Христе, почитал немного из Библии.

— Тринадцать лет назад вас забрали у родителей и привезли сюда. Но ваши родители знали Бога и молились о каждом из вас. Господь сохранил вас по молитвам ваших близких, и вы не поклонились антихристу. Вот здесь у меня список ваших родителей с адресами. Этот список составил отец Марка, он живет в Чикаго.

— Мой отец? — спросил Марк. — Он жив?

— Да, жив. И мама твоя жива. У тебя есть две старшие сестры и маленький братик.

— А я есть в списке? — спросила Кити.

— Да. Здесь адрес твоей тети. Ты сирота, тебя воспитывала бабушка, но она умерла три года назад.

— А я есть в списке? — спрашивали юноши и девушки. — А я?

Хозяин лавки читал и читал имена, фамилии, адреса. Дети плакали, узнав, что у них есть семьи, которые все эти годы молились о них, помнили их.

— А меня и Нооми в списке нет, — сказала Николь. — Но мы почему-то тут.

Хозяин обнял девочек:

— А почему вы побежали вместе со всеми?

— Мы увидели нового царя, и нам стало страшно, — ответила Нооми.

— А почему? — спросил хозяин.

— Мы поняли, что он не тот, которого мы ждали, — сказала Николь. — Мы ждали Доброго, о котором нам рассказала Мери-Энн. А этот был другой, не Он!

— Господь Сам сохранил вас. Он поместил Анну в логово антихриста, чтобы она рассказала вам о Нем.

В списке было сорок пять человек. Но в хлебную лавку пришли всего восемнадцать. Даниель так и не вернулся... На рассвете к ним привели еще шестерых. Остальных схватила полиция. Дети молились о своих друзьях. Они знали имя Того, Кто спас их. Они знали имя Доброго — Иисус Христос.

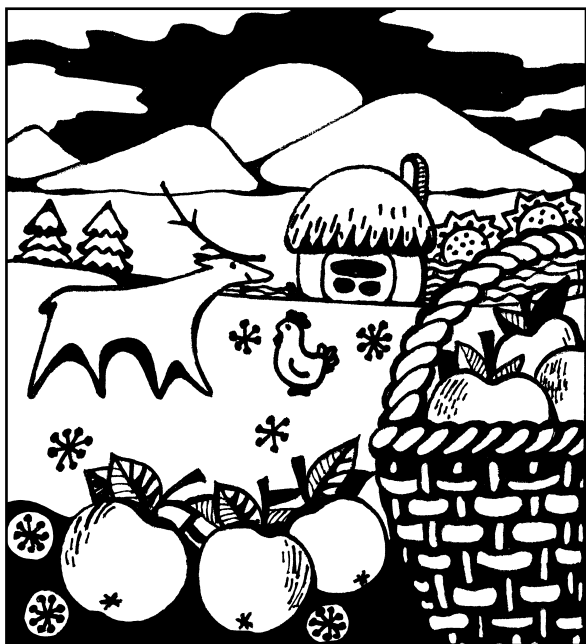
Через две недели Анна и Мария летели в самолете домой. Им пришлось состричь свои прекрасные волосы, чтобы не бросаться в глаза. Они сидели рядышком, взявшись за руки, и тихо-тихо, почти беззвучно, пели:

Две овечки в руках Христа,
Он несет нас на небеса.

Это я и сестра моя,
Это Анна и Мария.

Они знали, что очень скоро придет Иисус Христос и заберет их к Себе на небо. Они были уверены, что ни с кем не перепутают Его. Они узнают Его лицо, лицо Доброго Пастыря.

Виталий немного притормозил возле двери класса, из-за которой доносился шум и взрывы хохота. Прислушавшись, он улыбнулся. За дверью говорили громко, и он сумел различить голоса одноклассников: вот что-то тараторит Таня Соловьева, голос у нее совсем не изменился, все такой же писклявый и резкий. А вот заговорил Олег Шиманский — с толком, с чувством, с расстановкой,

как и положено отличнику. А вот Тарас Гойда пытается съязвить, а Юля Пятковская его останавливает. Двадцать лет прошло, а голоса и характеры одноклассников не изменились. Выдохнув, Виталий открыл дверь 10-А.

На миг стало тихо, а затем класс взорвался:

— Виталя! Гроха! Ну ты даешь!

— Настоящий полковник! В погонах с ног до головы!

— Ты летчик? И летать умеешь?

— Вертолетчик, на Севере служу. — Виталий не успевал отвечать на поцелуи и объятия. — Привет, ребята! С ума сойти! Как я вас давно не видел!

После окончания десятого класса Виталий уехал в Россию и поступил в летное училище. Пока он учился, Советский Союз перестал быть и союзом, и советским, и оказалось, что учится Виталий за границей, в другом государстве. Направление после учебы он получил в Заполярье, несколько раз его переводили из округа в округ, так что он исколесил Север вдоль и поперек. Он переписывался с Никитой Гейдаровым, который держал его в курсе событий и сообщал новости. От него Виталий получил приглашение на встречу выпускников и очень обрадовался, потому что этим летом ему наконец-то предстоял долгожданный отпуск. Жена Оксана с дочками осталась дома, а он приехал на Украину, которая встретила его цветущими вишневыми садами. Тут многое изменилось, но одно осталось неизменным — это была Родина.

Виталий, наконец, освободился от объятий и попытался рассмотреть получше своих школьных друзей.

Да-а, от Тани Соловьевой остался только голос. Теперь это была могучая женщина с пышной рыжей прической. Шиманский был лысый, зато при дорогом галстуке, Тарас и Юля сидели рядом — примерная супружеская чета. Прошедшие годы оставили на лицах следы в виде морщин, складок, вмятин и припухлостей. Виталий понимал, что сам выглядит не лучше, но его утешало, что его парадная форма и выправка немного скрашивают впечатление.

Минутное замешательство прошло, и Виталий вклю-

чился в общий хор воспоминаний и рассказов о жизни. По кругу ходили семейные альбомы с фотографиями, шел бойкий обмен визитками и приглашениями в гости.

Виталий, когда только вошел в класс, сразу заметил, что за последней партой у окна сидит Остап — Леня Остапчук. «А этот что тут делает?» — с досадой подумал Виталий, но бурная радость встречи с одноклассниками оттеснила эту мысль.

Спустя время Виталий обернулся и увидел, что Остап так и сидит в одиночестве, согнувшись над партой. Не удивительно, что к нему никто не хотел подойти. С ним никогда никто не мог подружиться. Такого вредного типа надо было еще поискать. Он лез в драку из-за мелочей, притом дрался с такой яростью, что только физрук мог его остановить. Он грубил учителям, обижал девчонок, не считался ни с кем и ни с чем. Когда в пятом классе мальчишки только пробовали курить, он уже выкуривал за день пачку сигарет. На школьном вечере компании из пяти-семи пацанов хватало бутылки вина, а Остап выпивал «с горла» целую бутылку, после чего становился абсолютно неуправляемым. Учился он плохо, еле дотянул до выпуска. Родители махнули на него рукой, учителя тоже. Обозленный на весь мир, он так и жил, как волк-одиночка — опасный, злой и непредсказуемый. Никита писал Виталию, что через несколько лет после окончания школы Остап попал в тюрьму, потом вышел, но скоро опять загремел туда же.

Остап сидел, подперев голову кулаком. Шрам, идущий через лоб и левую щеку, делал его грубое лицо просто зловещим. Виталий, скользнув по нему взглядом, отвел глаза в сторону, но что-то заставило его вновь посмотреть на Остапа.

Глаза. У Остапа были другие глаза!

Сколько раз Виталию приходилось, вмешиваясь в драку, смотреть в бесцветные, налитые злобой глаза Остапа. А сейчас его взгляд был спокойным, мягким и доброжелательным. Виталий подошел к Остапу и протянул ему руку. Было видно, что Остап очень обрадовался этому. Рука его была твердой и теплой.

— Как ты? — спросил Виталий, хлопнув Остапа по плечу.

— Спасибо, все хорошо.

— Где ты сейчас? Чем занимаешься? — задал Виталий набор обычных вопросов.

— Работаю автослесарем. Женат, в январе сын родился, — ответил Остап, стеснительно улыбаясь.

— Поздравляю! — сказал Виталий, не сумев скрыть удивления. — Я слышал, у тебя в жизни всякое бывало?

— Да. Повидал я... Натерпелись от меня люди.

— Но я вижу, ты каким-то другим стал. Что-то в тебе изменилось. Глаза у тебя какие-то не такие... — заметил Виталий.

— Это точно. Но не только глаза. Другой я теперь. Совсем другой. Сердце у меня другое, — ответил Остап.

— Пересадку тебе сделали, что ли? — ехидно спросил подошедший к ним Тарас.

— Опять ты! — одернула его Юлька. — Пусть человек расскажет!

— Да что рассказывать? — пожал плечами Остап. — Погибал я, а Бог меня спас.

Тарас прыснул и закатил глаза, а Юлька ткнула его локтем в бок. Остап продолжал:

— Второй раз меня посадили за вооруженное нападение. Я человека ранил. В голову. На суде жена его, беременная, сказала, что прощает мне и будет за меня молиться. Потом, на зоне, года три я так ее ненавидел! Мне тогда казалось, что лучше бы она меня проклинала. Ее лицо постоянно стояло передо мной. А потом мне в руки попала Библия. Начал я ее читать, читаю, а голос ее звучит, той женщины. Поменял Библию на чай — не мог голос ее слышать! А потом словно обожгло меня: «Напишу, думаю, ей, все выскажу! Не надо, мол, за меня молиться и все такое». Упросил начальство, отослали мое письмо ей. Ответ приходит: «Мы всей семьей молимся о вас — и муж, и детки. Младшая, Оленька, тоже уже молиться умеет». А в письме — фото семейное и рисунок Оленьки: девочка

с корзинкой красных яблок и подпись: «Плоды для Господа».

Виталий только сейчас обратил внимание, что в классе стоит полная тишина, голос Остапа, хриплый и срывающийся, привлек одноклассников, которые сгрудились вокруг его парты.

— Хотел я порвать и фотку, и рисунок, но что-то меня остановило. Написал ответ — лживый и хитрый, мол, вышлите мне Библию, хочу лучше узнать Слово Божье. А сам думал продать или обменять ее. Прислали мне Библию, а внутри закладка с розовым бантиком — ее Оленька сделала. Опять читать попробовал — ничего кроме злости не чувствую! А от злости засыпаю на полуслове. Так бы и закинул ее, но тут в госпиталь попал, язву мне прооперировали. Врач молодой был, заговорил со мной о Боге, да так понятно! Предложил вместе с ним помолиться. И тут все, что я раньше читал и слышал, вдруг смыслом наполнилось, будто мне все с китайского на родной язык перевели. Уверовал я. Молиться сам стал, чувствую — слышит меня Бог! Из госпиталя вышел, на поселение меня отправили, а там совсем новая жизнь у меня началась. — Остап огляделся вокруг и понял, что внимание всех в классе приковано к нему. — Я хотел у вас у всех прощения попросить. Я таким негодяем был! Каждого когда-то обидел. Простите!

В классе было тихо. Кто-то недоверчиво разглядывал Остапа, кто-то делал вид, что ничего не произошло, кто-то копошился в своей сумочке.

— Чего уж там! Столько времени прошло, никто на тебя зла не держит! — сказал Никита.

Остап встал:

— Спасибо! Мне пора, у малого зубки режутся, не спит ночами. Я жене обещал не задерживаться.

Простившись, он вышел. С минуту в классе царил тишина. Наконец Тарас ее нарушил:

— Ну и ну! Зубки режутся?! Это сказал Остап? Да-а...

— Радоваться надо, а ты ехидничаешь, — отреагировала Юлька.

— С ним действительно произошло что-то невероятное, — заметил Никита. — Если бы меня тут не было, ни за что не поверил бы, что человек может так измениться. Неужели Бог, и правда, так меняет людей?

— При чем тут Бог? Отсидел Остап свой срок, понял, что не хочет больше в тюрьму, вот и исправился, — сказала Соловьева.

— Знаем мы эти тюрьмы. В них людей так «исправляют», что мать родная узнать не может, — фыркнул Тарас.

— Помолчал бы! Знаем тюрьмы! Вроде и сам в тюрьме сидел! Лишь бы болтать, — остановила его Юлька. — Сам же видел, что Остап изменился. Что-то ведь его изменило.

— Говорит, что Бог, — заметил Никита.

— Какой Бог?! — возмутилась Соловьева. — Вы считаете, что Остап может верить в Бога?

— Но он сам так сказал, — настаивал Никита.

— Мало ли что он говорит! Чем он может это доказать? — не унималась Соловьева.

— Плодами, — ответил Никита.

Голос Соловьевой становился все более громким и пронзительным:

— Какими еще плодами?

— Он другим стал — спокойным, тихим, нормальным. И это из-за его веры. Это и есть плоды. Их видно невооруженным глазом. Ему ничего не надо доказывать. Он знает, что это от Бога, и этого достаточно, чтобы мы ему поверили. Как говорят, «по плодам узнаете их».

— Да что мы все об Остапе? Мы ведь не для этого собрались! Скоро восемь, пора идти. Мы с Юлькой столики в кафе заказали. Надо отметить встречу, — перебил Тарас.

Все согласились и дружно двинулись в кафе. Разошлись поздно, переполненные воспоминаниями, разговорами и впечатлениями.

Отпуск пролетел быстро. Виталий успел погостить у родственников, побыл у Никиты, съездил на недельку в Крым. Вернувшись домой, окунулся в привычные хло-

поты, в работу. Воспоминания о встрече с одноклассниками скоро забылись, и жизнь вошла в привычное русло.

Виталий часто выполнял полеты в составе исследовательских экспедиций Севера. На этот раз ему предстояло лететь в чукотский поселок, вблизи которого недавно было открыто месторождение вольфрама.

Виталий очень любил небо и, несмотря на долгие годы работы, испытывал необычайную радость и волнение при каждом взлете. Чукотка простиралась перед ним — дикая, суровая и безмятежная. Перелет прошел успешно, они приземлились на крохотном пятачке аэродрома маленького, всего в несколько домов-бараков, поселка. Члены экспедиции принялись за свои дела, а Виталий, сделав необходимые отметки в документах и оставив вещи в бараке, отправился побродить по окрестностям. Жили здесь, в основном, русские специалисты, приезжающие на сезон, так что поселок не выглядел обжитым. Виталий любил настоящие чукотские селения, откуда обычно привозил девочкам сувениры, рассказы, фотографии. Но в этот раз, наверное, не получится.

На краю поселка была чайная, оборудованная в вагончике. Посидев в прокуренном помещении и выпив три стакана чаю, он узнал, что ближайший чукотский поселок находится в двухстах километрах отсюда. По чукотским меркам — это рукой подать, так что можно съездить туда вездеходом, который возит продукты и почту. Виталий договорился с водителем, и утром в пятницу они туда и отправились.

В это время года здесь было очень красиво. Молочный туман окутывал горы и стелился над рекой. Скучная нежная зелень обрамляла плавную линию берега. За холмами темнел таежный массив. На краю его и находился поселок юкагиров — небольшой народности Чукотки.

Навстречу вездеходу выбежали, радостно размахивая руками, ребятишки. Сергей, который был и водителем, и почтальоном, помахав в ответ, направился к ближайшей юрте, возле которой, покуривая трубку, сидел старик.

После того как были выгружены ящики с продуктами и мешки с почтой, их пригласили в юрту.

Они вошли. Посредине на огне что-то варилось в закопченном казане. Пожилая женщина, помешивая варево, приветливо улыбнулась. Гости расположились на полу, устланном шкурами. За занавеской Виталий уловил какое-то движение и приглушенный детский смех. Занавеска на секунду раздвинулась, и он увидел озорное мальчишеское личико.

— Филя, не балуй! — строго сказала женщина, на что из-за занавески послышался смех, похожий на перезвон колокольчика.

— Иди сюда, Филипп! — позвал Сергей.

Мальчик на четвереньках вылез из своего укрытия и, встав на ноги, поклонился гостям. Ему было лет восемь. Симпатичное круглое лицо с маленьким курносый носом и смеющимися глазами украшал такой яркий румянец, что, казалось, щеки мальчишки вымазаны малиной. Сергей достал из кармана плитку шоколада и вручил мальчугану — тот сразу же развернул обертку и разделил шоколад между всеми присутствующими.

— Балуеть его, Сережа, — сказала женщина.

Мальчик вызывал к себе такую симпатию, а у Виталия, как назло, не было никакого гостинца.

Сергей сказал, что назад они поедут завтра, а переночуют здесь. Пообедав и побеседовав с хозяевами, Виталий вышел из юрты. Филя потопал следом.

Они обошли поселок, Филя познакомил Виталия с несколькими жителями, показал своих собак. Особой его гордостью был Анюй — белоснежный трехмесячный щенок лайки. Непоседливый мальчуган напомнил Виталию его младшую дочурку Соню — она точно так же забегала вперед и дергала его за рукав, когда хотела обратить на себя внимание отца.

От Фили Виталий узнал, что его отец уехал, после того как истек срок его экспедиции, — он был русским геологом. Дедушка не разрешил маме ехать с ним. Отец

сначала писал письма и все время звал маму к себе в Томск. А потом писать перестал. Мама теперь вышла замуж и уехала в Анадырь. Филя зимой тоже живет там, ходит в школу. А на лето приезжает к бабушке и дедушке.

Виталий не успевал отвечать на бесконечные вопросы мальчика, удивляясь, что это ему не только не надоело, но даже доставляет удовольствие. Он очень любил своих дочек — Аню и Соню, но всегда мечтал о сыне. Нагулявшись, они вернулись в юрту, а когда пришло время ложиться спать, затеяли возню на шкурах, которые служили постелью. Филя, войдя в азарт, пыхтел, пытаясь побороть Виталия, который от хохота терял силы и чувствовал, что крепкие ручонки мальчишки вот-вот сломят его сопротивление.

Бабушка прикрикивала на них по-юкагирски, но Виталий понимал, что она это делает только ради порядка. Выдохшись, Виталий поднял руки, сдаваясь, что привело Филю в восторг. Вставая, он почувствовал что-то твердое под локтем. С удивлением он обнаружил, что это косточка от персика.

— А это чудо откуда? — спросил он. — Наверное, ты под одеялом консервированный компот ел?

Филя почему-то страшно смутился, захлопал глазами и покраснел еще больше, а бабушка резко прикрикнула на него и отвесила подзатыльник. Виталий смутился, он не рад был, что выставил эту косточку на обозрение. Филя, не говоря ни слова, улегся спать, а бабушка, что-то ворча, вышла из юрты.

— Филь, что случилось? Ну съел ты персик, что тут такого? — тихо спросил Виталий. Но малыш не отвечал.

Утром он пытался расспросить Сергея, но тот отмахнулся, мол, ничего не знает. Виталий чувствовал, что за этим кроется какая-то тайна, но как ни пытался он разговорить Филю, у него ничего не получалось. Позавтракав, они стали собираться в обратный путь. Филя стоял в стороне, исподлобья наблюдая за Сергеем и Виталием. Анюй тявкал и крутился под ногами. Скупо про-

стившись, Сергей завел мотор и сдал назад. Вдруг раздался визг — щенок попал под гусеницу вездехода. Филя закричал и бросился к собаке. Истекая кровью, Анной тихо скулил.

Виталий выскочил и подбежал к мальчику. У собаки были повреждены задние лапы, изо рта шла кровь. Анной виновато смотрел на Филю и лизал его руки. Виталий достал аптечку и дрожащими руками попытался перевязать раны.

Филя что-то кричал на своем языке подоспевшим бабушке и деду. Бабушка явно протестовала, Сергей тоже отрицательно качал головой. Дед пошел в юрту и вернулся с ружьем. Филя прижимал к себе щенка и кричал. Он часто повторял слово «Юкрай». Видя, что никто из взрослых не хочет слушать его, он обратил полные слез глаза к Виталию:

— Надо ехать в Юкрай, там помогут.

— А где это? — обратился Виталий к Сергею.

— Да нету никакого Юкрая, это все выдумки. Легенда юкагирская про волшебный город в тайге.

— Есть! Я там был! — плакал мальчик.

Бабушка с дедом что-то сердито кричали мальчишке. Филя вошел в юрту и через минуту вышел с корзиной:

— Это оттуда, из Юкрая.

Виталий широко раскрыл глаза. Корзина была полна крупных яблок.

— Они что, пластиковые? — спросил он Сергея и сам ответил на свой вопрос: — Да нет... Это не пластиковые, это настоящие... Это малиновка, я знаю этот сорт, на Украине растет.

Виталий понюхал яблоко и машинально сунул его в карман.

— Это из Юкрая. Ты мне веришь? — спросил мальчик.

— Наверное...

— Поехали! Скорее! Там помогут, — просил Филя.

Сергей сплюнул на землю и отошел в сторону. Виталий

сел за руль вездехода, Филя примостился рядом, и они тронулись.

Мальчик что-то шептал на ухо Анюю и тихо плакал. Они ехали больше часа. Туман сгущался, и приходилось продвигаться почти на ощупь. Последние минут десять они ехали, лавируя между листовницами.

— Стой, это здесь, — скомандовал Филя.

Вездеход остановился на холме — дальше дорога спускалась в долину, которая, как чаша, была наполнена молочным туманом.

— Подождешь или пойдешь со мной? — спросил мальчик.

Непонятная тревога охватила Виталия.

— Пожалуй, подожду, — ответил он.

Филя шагнул в туман и буквально растаял на глазах. Виталию стало страшно, он пожалел, что послушался мальчишку. Присев на замшелый валун, он решил закурить и начал шарить по карманам, ища сигареты и зажигалку. Нащупав яблоко, он достал его и откусил. В яблоке была червоточина. Разломив его пополам, Виталий увидел внутри червяка.

— Это просто невозможно! Яблоко с настоящим жирным украинским червяком на Чукотке!

В его памяти всплыл рассказ Остапа про рисунок Оленьки — корзина с красными яблоками и надпись: «Плоды для Господа».

Это яблоко выросло здесь, на Чукотке. Червяк — местный. Как? Почему? Это невозможно, но это так!

Виталий поднялся и шагнул в туман. Туман оказался теплым.

Пройдя шагов двадцать, он увидел, что туман рассеивается. Остановившись, боковым зрением заметил, что слева что-то мелькнуло. Обернувшись, он увидел, что это бабочка-капустница, и от страха сел на землю. Трава была густая и влажная. Вглядевшись, Виталий увидел знакомые листья и понял, что это земляника. Он сорвал ягоду, съел ее, ощутив давно забытый вкус детства.

Виталий понял, что оказался внутри чуда, и сердце забилось учащенно и радостно. Встав с травы, Виталий побежал вниз по узкой тропинке. Скоро туман рассеялся окончательно и впереди показалось село, точь-в-точь похожее на бабушкину Романовку в Житомирской области, куда он в детстве ездил на каникулы. Правда, беленые хаты были покрыты не шифером, а соломой, вместо деревянных штакетников — плетни, на которых торчали глиняные кувшины, но это было настоящее украинское село. Все было таким спокойно-безмятежным и даже будничным, что страх Виталия прошел. Он шел по улочке, наслаждаясь теплом и звуками лета. Он гнал от себя, как назойливый туман, мысль о том, что в полукилометре отсюда лежит мрачная чукотская тайга, где сейчас всего девять градусов тепла — неплохая погода для июня! — а здесь ветви прогнулись от поспевших черешен.

— Этого не может быть, но я это вижу! Значит, это есть.

Пройдя мимо десятка дворов, он увидел на пригорке деревянную церквушку, возле которой цвели розовые мальвы. Дверь была открыта, и оттуда доносилось пение.

Песня была странной. Отдаленно она напоминала православное песнопение, но пели ее под аккомпанемент гитары на юкагирском языке. Это делало песню не только торжественно-церковной, но и душевной, как песня у костра, и немножко дикой, как песня кочевников. В церкви не было икон, посередине стоял крест, наверху в оконном проеме Виталий заметил колокол. Вокруг креста, взявшись за руки, стояли люди и пели. А в центре возле креста сидел Филя, держащий на руках щенка.

После пения люди по очереди стали молиться — на юкагирском, чукотском, русском. И вдруг раздался густой бас:

— Господи Ісусе! Почуй нашу молитву, благаємо Тебе! Не дай цьому цуценяті загинути, яви Свою милість!¹

Говорил высокий, грузный мужик с черными мохнатыми бровями, бородой и немного раскосыми глазами.

¹ Господь Иисус! Услышь нашу молитву, умоляем Тебя! Не дай этому щенку погибнуть, яви Свою милость!

После молитвы женщины забрали у Фили щенка и понесли его в ближайшую к церкви хату. Виталий стоял, раскрыв рот. Поселяне проходили мимо, здороваясь и улыбаясь. Филя подвел к нему мужчину, который молился на украинском языке:

— Познакомься, это Василий Иванович.

Мужик крепко пожал ему руку, а после того как Виталий сказал, что он украинец, принялся обнимать его так, что Виталий только кряхтел. Василий Иванович пригласил гостя на обед. Уплетая борщ, вареники с картошкой и запивая все киселем, Виталий слушал удивительный рассказ хозяина:

— Вот с этого объявления все началось. — Василий Иванович достал пожелтевшую от времени газету, развернул ее и показал гостю. Виталий прочитал название газеты: «Полярная звезда, август 1924 года», а затем объявление:

«На 28 сентября, в 12 часов дня в Отделе Комхоза назначаются торги на отдачу заготовки березовых дров для нужд Комхоза количеством до 2000 погонных саженей. Желающие взять эту поставку полностью или партиями могут явиться в означенные часы. Заготовка дров преимущественно в районах, возможных для доставки плавучими средствами в Петропавловск. Завгубкомхозом Богомоллов».

— Деда моего, Григория Андреевича, с женой Арисей и сыном Иваном, то есть моим отцом, после революции занесло в Петропавловск. Работал он в порту. И вот однажды случилось с ним несчастье — при погрузке леса его привалило бревном. Проболел он полгода и умер. Было тогда Ивану шестнадцать лет, бедовали они с мамкой. Иван по малолетству никакой работы не мог найти, вот и перебивался разными мелкими заработками. И вот решил он однажды со своим дружкой, непутевым Архипкой, наняться на заготовку дров. Пришли на торги, присмотрел их там купчишка один, нанял. Иван, отец мой, хлипкий был, но честный, Бога боялся, а Архипка

все отлынивал от работы, да и попивал. А дальше — хуже. Ввязался Архип в драку, а в драке этой человека убили. Пришлось ему бежать, а Иван следом за ним. Испугался, думал, и ему достанется, все знали, что они дружки. Да на счастье пути их разошлись. Куда Архип девался, отец так и не узнал, а сам к оленеводам попал. Исходил с ними всю Чукотку вдоль и поперек. Язык выучил, жену себе нашел, юкагирку. Все мечтал на Родину вернуться, на Украину. Но по обычаям чукотским, если уйти хочешь, — иди, но жену и детей тебе не отдадут. А тут я родился, следом Миша, потом Галя. А жену свою, мою маму, отец любил сильно. Вот и остался на Чукотке. Тосковал он за Родиной, помню, все нам про Украину рассказывал. Какие там яблоки на деревьях растут, да какой борщ с фасолью вкусный. Богу молился и нас научил.

Василий Иванович встал, взял с полки книгу, завернутую в вышитое полотенце.

— Вот Библия после него осталась. Он читать нас по ней научил. Мама так и не выучилась, а мы осилили грамоту. Мама у нас искусница была — по кости резала мастерски. Что ей папа рассказывает, она вырезает. Про хатки говорит — на тебе хатки. Горшки, плетень, петухи, коровы, деревья да цветы разные — как настоящие. А мы, детвора, расставим фигурки на полу и играем в Украину. А отец все молится... Юкагиры к вере нашей нормально относились, слушали отца, песни наши любили. Но был в поселке один чукча, его брат шаманом был. Подговорил он людей, стали они гнать нас. В тот год олени болели, так в этом нашу семью обвинили. Пришлось нам уйти. Осень была, холодно уже. Шли мы на верную гибель. Мне десять лет было, Мишке восемь, Гале пять. Взяли, что унести могли. Погрузили на нарты и отправились со слезами. Я узелок к себе с костяными фигурками прижимаю и плачу, плачу.

Василий Иванович смахнул слезы, вытер рукавом глаза и продолжал:

— Спать легли, холодно. Лежим на нартах, прижались друг к дружке, а Галя говорит: «Покажи мне хатку». Достал я, она зажала ее в ручонках своих и давай Богу молиться. Я и себе достал, и Мишке дал. Молимся мы, вроде теплее стало. Тут вдруг олени пошли. А папа с мамой спят, не слышат. Заснули и мы. Просыпаемся — а вокруг деревья зеленые, вдалеке хатки стоят беленькие, коровы на лугу пасутся, петухи поют. Мы давай родителей будить. Проснулись они, плачут. А мы-то знаем, что это Бог на нашу молитву ответил, а сказать боимся. Но отец и сам догадался, поставил нас в кружок и говорит: «Спасибо Тебе, Боже, за спасение Твое, за то, что Ты помиловал нас и вернул в Украину». Так мы тут и поселились. Позже отец обнаружил, что это не Украина, а маленький ее кусочек посреди Чукотки. Но Бога благодарить не перестал, церковь построил. В юкагирском поселке двое друзей его с семьями остались, так отец в гости к ним пошел, а вернулись все вместе. Потом к нам трое русских забрели, так и те остались. Потом еще люди приходили, кто сам, кто с женами и детишками. Повеярастали мы, переженились, детей нарожали. Так и живем все вместе, Господа славим. Милостью Его да молитвами живы. От щедрот Его питает нас земля эта чукотская. Чукчи название дали нашему поселку — Юкрай, Украина по-ихнему. Кто не верит рассказам, да у кого сердце черное, не увидит его в тумане. А кто с добром идет и с верой, тот согрется тут.

До вездехода их провожал почти весь Юкрай. Женщины нагрузили их гостинцами. В большой корзине лежали пирожки с маком, крынка со сметаной, яблоки. Филя держал на руках спящего Анюя, заботливо перебинтованного чистыми полотняными тряпочками. Вездеход ехал по холодной чукотской земле, а в кабине пахло «белым наливом».

Виталий размышлял: «Если бы мне кто-то рассказал об этом, я бы не поверил. Но у меня есть доказательство — вот эти яблоки. Как говорил Никита: “По плодам узнаете

их? Если Бог отвечает на молитвы таким чудесным образом, значит... Он есть! Та-ак... С чего начал Остап? С чтения Библии. У меня дома есть, когда-то подарили Оксане соседи-штундисты. Надо будет почитать».

Вернувшись домой, он привез чукотские сувениры дочкам — вырезанную из кости украинскую хатку и несколько яблок «белый налив». После его рассказа Соня спросила:

— Папа! А мы поедem в Юкрай?

— Как мама скажет, — ответил Виталий.

— Конечно, поедem! — улыбнулась Оксана. — У папы такие вкусные доказательства его существования!

— Поищи-ка Библию, мать, — обнял ее Виталий, — чует мое сердце, пора мне во всем разобраться.

Содержание

<i>Маленькое вступление</i>	3
Врата желаний	5
Карающий перст	21
Дочь своего отца	33
Несостоявшийся контакт	39
Сказка со счастливым концом	43
Волшебные грабли	51
Лесные орхидеи	57
Стать человеком	61
Увидеть лицо Бога	87
Вагон в ад	111
Как Джим Хопкинс стал миссионером	123
Другая деревня	137
Ты — мой ангел, я — твой ангел	143
Как наступать на змей	153
Три ключа	159
Две овечки	193
Юкрай	229

**Елена Микула
Юкрай**

Редактор В. Новомирова
Корректор И.Никольская
Дизайн обложки К. Сулима
Верстка Р. Салий

Иллюстрации автора

«Світло на Сході»,
Киев, ул. Хорольская, 30.

Изд. № 01.436
ISBN 966-96449-6-8
ISBN 3-935435-40-1